

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Пученков А. С. Создатели Добровольческой армии генералы М. В. Алексеев и Л. Г. Корнилов и Февральская революция 1917 года. 3

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Александров А. Т. Учение Люсьена Леви-Брюля о коллективных представлениях в контексте современности 11
- Бабаева А. В. Взгляд на культуру сквозь призму поведения 15
- Данилов А. В. Ритуальная культура в начале XXI века 19
- Иванов А. Ф. Проблема единства исторического и логического в современных космогонических моделях 27
- Ильин А. В. Телеработа как новая форма деятельности в информационном обществе 35
- Калинина В. В. Социальная детерминация философии науки 42
- Колганова Л. В. Информационные коммуникации в современной науке 49
- Мамина Р. И. К вопросу об этнической составляющей в деловом этикете 53
- Ронзина М. Д. Корпоративная культура в науке 61
- Склярова А. М. Нравственные принципы в деятельности ученого 65
- Сопикова Т. А. Социальный порядок явления сказки (идеальные типы на макросоциальном уровне) 71

СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

- Кудрявцева М. Е. «Системная триада» как метод изучения синергетических процессов в сфере творческих проявлений человека 79
- Почкаев Р. Ю. История связей с общественностью: необходимость изучения и преподавания 86

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Мирошевская А. В. Неологизмы в политической лексике американского варианта английского языка 92

Редакционная коллегия:

О. Ю. Маркова
(главный редактор),
Н. К. Гигаури
(ответственная за выпуск),
В. В. Калашников,
С. Л. Бурлакова,
О. А. Преображенская,
А. В. Ранчин,
Е. В. Строгеецкая

Редактор *И. Г. Скачек*
Комп. верстка *Е. Ю. Смирнова*

Подписано в печать 11.11.04 г.
Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс».
Печать: ризограф.
Печ. л. 12 .0.
Тираж 100 экз. Заказ .

Издательство
СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

197376, Санкт-Петербург,
ул. Проф. Попова, 5

© СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2004

УДК 940. 2

А. С. Пученков

СОЗДАТЕЛИ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛЫ М. В. АЛЕКСЕЕВ И Л. Г. КОРНИЛОВ И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА

Рассказывается об участии видных белых генералов М. В. Алексеева и Л. Г. Корнилова в февральской революции 1917 года.

Февральская революция, заговор генералитета, позиция высшего командования по отношению к отречению императора Николая II

Февральская революция, отречение императора Николая II стали событием огромной важности. Решающим же моментом в отречении императора Николая II явилась, как отмечал крупнейший эмигрантский историк генерал Н. Н. Головин, «реакция высшего командования» [1, с. 35]. Особый интерес в связи с вышеизложенным представляет для автора вопрос об участии в событиях революционной поры отдельных лидеров будущего Белого движения, в частности генералов М. В. Алексеева и Л. Г. Корнилова.

Оппозиционные настроения среди генералитета в период первой мировой войны нарастали по мере того, как перспектива революционного взрыва становилась все более реальной. Просчеты политических лидеров начинают восприниматься в армейской среде в качестве причины военных неудач. Последний «временщик» царского правительства, министр внутренних дел А. Д. Протопопов, писал, что «значительное число лиц из высшего командного состава сочувствовало перевороту; отдельные лица были в сношениях и под влиянием деятелей, так называемого, “прогрессивного блока” законодательных учреждений» [2, с. 174]. «Сочувствие» оппозиционным кругам в среде генералитета приняло вполне определенные формы: поведение высших армейских начальников в дни, предшествующие отречению Николая II, отнюдь не представляло собой образец верности воинской присяге. В литературе встречалось и утверждение о том, что «Государь фактически был узником заговорщиков еще до подписания отречения» [3, с. 207]. В качестве «заговорщиков» обычно называют высших военных деятелей Российской Империи – генералов Н. В. Рузского и М. В. Алексеева, занимавших должности главнокомандующего Северным фронтом и начальника штаба Верховного главнокомандующего соответственно. Роль Н. В. Рузского и М. В. Алексеева в разыгравшихся событиях трудно переоценить. Остановимся подробнее на личности последнего. Некоторые фронтовики прямо называли его «генерал-предателем» [4, с. 61]. Обвинял М. В. Алексеева в измене и двоюродный брат Николая II, великий князь Александр Михайлович [5, с. 272–273]. М. В. Алексеев пользовался популярностью как у великокняжеской фамилии, так и у лидеров Прогрессивного

блока. Например, на переговорах членов Прогрессивного блока по случаю отставки Н. Н. Янушкевича и назначения на пост начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева, товарищ председателя бюро Прогрессивного блока В. В. Шульгин выражал удовлетворение по поводу назначения М. В. Алексеева, поскольку «Алексеев – думский кандидат» [6, с. 154]. Характерно, что в великокняжеских кругах, отстаивавших осенью 1916 г. идею соглашения с «общественностью», М. В. Алексеев рассматривался в качестве подходящего кандидата на пост премьера в правительстве из «государственных и общественных деятелей» [7, с. 394]. Переговоры об участии М. В. Алексеева в готовящемся перевороте велись с ним различными общественными деятелями, например, Г. Е. Львовым и А. И. Гучковым [8, с. 99–106]. Сама идея борьбы Прогрессивного блока Государственной думы с правительством находила у М. В. Алексеева и у командного состава «несомненно сочувствие» [9, с. 137]. «Оппозиция Алексеева, – рассуждал советский историк А. Я. Аврех, – была самой верноподданнической. Тем не менее это была оппозиция, и, что существенно, она не замыкалась только на нем – ни в ставке, ни тем более в армии» [10, с. 193]. Был ли М. В. Алексеев задействован в заговоре против царя Николая II? Явившимся к больному Алексееву в Севастополь представителям «некоторых думских и общественных кругов» генерал Алексеев, если верить показаниям А. И. Деникина, «в самой категорической форме указал на недопустимость каких бы то ни было государственных потрясений во время войны, на смертельную угрозу фронту... и просил во имя сохранения армии не делать этого шага» [9, с. 139]. Сомневался в участии М. В. Алексеева в подготовке дворцового переворота и хорошо его знавший А. А. Брусилов [11, с. 269]. Один из организаторов готовившегося переворота А. И. Гучков, впрочем, полагал, что «Алексеев был настолько осведомлен [о планах заговорщиков. – А. П.], что делался косвенным участником» [12, с. 9]. А. И. Спиридович, яростный разоблачитель «генералов-заговорщиков», писал о том, что о «заговорщическом плане» было известно «генералам Алексееву, Брусилову, Рузскому и великому князю Николаю Николаевичу. Заговорщический план, – продолжает свою мысль мемуарист, – о котором названные лица, вопреки присяге, не только не предупредили императора, генерал-адъютантами которого они состояли и вензели которого они носили на погонах, но в осуществлении которого они приняли активное участие в самый критический, решительный момент» [13, с. 632]. Показательно, в подтверждение теории А. И. Спиридовича, и то, что сам манифест Николая II об отречении от российского престола был адресован как раз на имя наштаверха генерала М. В. Алексеева [14, оп. 10, д. 5, л. 11–14]. Так, перебежавший за границу русский офицер сообщал германскому командованию информацию о том, что М. В. Алексеев и другие генералы были привлечены к заговору против царя русскими «промышленниками, урегулировавшими их чрезвычайно запутанные материальные дела» [14, оп. 10, д. 43, л. 9]. В качестве аргумента в защиту Михаила Васильевича писавший о нем Н. Н. Рутыч приводит тот факт, что генерал настойчиво отговаривал Николая II не покидать Ставку, уезжая в Царское Село к императрице и больным детям. Исследователь считает несомненным, что генерал Алексеев «сделал все от него зависящее, чтобы воспрепятствовать отъезду Государя из Ставки и настаивал на посылке с фронта надежных частей с “прочными” начальниками. И уж никак не мог он рассчитывать на то, что Государь отречется в Пскове и за сво-

его сына, сделав тем самым невозможным установление регентства» [15, с. 139]. В. М. Алексеева-Борель, дочь генерала, оставившая обширные воспоминания о своем отце, ни единым словом не упоминает об участии М. В. Алексеева в каких-то интригах против Николая II. Напротив, она пишет о том, что тяжело болевший как раз в революционные дни февраля-марта (температура более 39 градусов) [16, с. 18] М. В. Алексеев на коленях умолял императора не покидать Ставку [17, с. 475]. Э. Н. Гиацинтов, считая, что созданием Добровольческой армии М. В. Алексеев «реабилитировал отчасти свою честь» [4, с. 60], все же полагал, что Михаил Васильевич «никогда монархистом не был, и монархия была для него чужда» [4, с. 82.]. Сам Николай II зла на М. В. Алексеева не держал. Показательно, что на прощании Николая II как Верховного главнокомандующего со Ставкой, на котором по распоряжению генерала Алексеева были «собраны все чины штаба Верховного Главнокомандующего и представители конвоя» [16, с. 27] [Его Величества. – *Авт.*] 8 марта 1917 г., бывший император, пожимая каждому из присутствовавших руку, лишь М. В. Алексеева «обнял... прижал к себе и трижды облобызал» [16, с. 27], [17, с. 499], [18, с. 211]. На прощание Алексеев пожелал императору «благополучного путешествия и дальнейшей, сколько возможно, счастливой жизни» [18, с. 211]. Дочь генерала также пишет о том, что М. В. Алексеев был единственный, кто сопровождал монарха на вокзал. Этим генерал исполнил свой нравственный долг перед бывшим самодержцем [17, с. 499]. 7 марта 1917 г. Временное правительство приняло решение о лишении свободы Николая и Александра Романовых [19, с. 81]. По распоряжению Временного комитета Государственной думы для сопровождения Николая II из Могилева в Царское Село были командированы: члены Государственной думы А. А. Бубликов, С. Ф. Грибунин, В. М. Вершинин и С. А. Калинин. В 3 часа дня поезд с комиссарами Государственной думы прибыл на станцию Могилев. «После кратких приветственных речей депутатов Бубликова и Грибунина, комиссары, при криках «ура» на автомобиле отправились в штаб Главнокомандующего, где имели 20-ти минутную беседу с генералом Алексеевым. А. А. Бубликов предъявил ген. Алексееву предписание Временного Правительства о лишении свободы бывшего императора. Генерал Алексеев сообщил комиссарам, что императорский поезд уже готов к отправлению и ожидает распоряжения комиссаров... Вслед за комиссарами Государственной думы на вокзал прибыли начальник штаба Главнокомандующего генерал Алексеев. Отрекшийся император в это время находился в соседнем поезде вдовствующей Императрицы Марии Федоровны. Генерал Алексеев сообщил отрекшемуся императору постановление Временного Правительства. По приказу ген. Алексеева в распоряжение комиссаров был дан наряд солдат в 10 человек гвардейского железнодорожного батальона, под командой унтер-офицера. Когда все было готово, отрекшийся император перешел из вагона царицы-матери в императорский поезд. Находившиеся на перроне лица хранили полное молчание. У окна своего вагона стояла царица-мать, наблюдая за всем происходившим... В 4 часа 50 минут поезд отбыл из Могилева. При отъезде поезда не было ни приветствий, ни враждебных возгласов. Собравшаяся публика молча приветствовала стоявших у окна последнего вагона комиссаров Государственной Думы... Поезд подошел к Царскосельскому павильону 11 часов 30 минут утра 9-го марта» [14, оп. 5, д. 1354, л. 22–23]. Как можно заметить, М. В. Алексеев отнюдь не проявлял какой-то строптивости в отношении думских комиссаров. Так, генерала Д. Н. Ду-

бенского глубоко поразил тот факт, что генерал М. В. Алексеев снял шапку и низко поклонился в тот момент, когда вагон поезда, в котором ехали думские комиссары, отвозившие бывшего царя в Царское Село, проходил мимо Алексеева [20, с. 77]. Тот же автор упрекал Алексеева в преступной бездеятельности и пособничестве заговору [20, с. 41]. Автору же настоящей статьи кажется, что выяснить степень участия Алексеева в заговоре против царя (если таковое было) в полной мере не представляется возможным.

Рассмотрим вопрос об участии другого видного представителя «контрреволюционного» лагеря, генерала Л. Г. Корнилова, в революционных событиях февраля-марта 1917 г. Еще до февральской революции генерал имел репутацию человека, который «очень резко высказывается против царя и всего царского строя» [21, с. 158]. Благодаря революции в карьере Корнилова произошел решительный поворот, некоторые исследователи особо подчеркивают то, что «Генерал Лавр Георгиевич Корнилов своим стремительным взлетом был обязан одному – русской революции 1917 г. и вызванным ею социально-психологическим сдвигам» [22, с. 25]. Скорость, с которой состоялось назначение Корнилова на ключевую должность в бурлящем революционными страстями Петрограде, говорит о том, что «его кандидатура была “заготовлена” влиятельными людьми во Временном Правительстве еще до начала февральских событий», как предполагает М. К. Басханов [23, с. 356]. Советские историки пишут о близости Л. Г. Корнилова к придворным кругам [24, с. 133]. Автору настоящей статьи предпочтительнее кажется не «придворная», а «думская» версия назначения генерала Л. Г. Корнилова на пост главнокомандующего войсками Петроградского гарнизона. А. В. Шишову кажется, что думских деятелей привлекала «легендарная храбрость» Лавра Георгиевича [25, с. 102]. По мнению автора, такой взгляд на исследовательскую проблему кажется несколько наивным. Причины, вероятно, лежат отнюдь не в профессиональных качествах генерала Л. Г. Корнилова. Еще до февральской революции Л. Г. Корнилов был близок к А. И. Гучкову, который, если верить свидетельству А. И. Верховского, «очень обхаживал» генерала [21, с. 158]. М. К. Басханов предположил, что А. И. Гучкова и Л. Г. Корнилова познакомил непосредственный начальник генерала – генерал В. И. Гурко, близкий приятель Гучкова. «Личные и профессиональные качества Корнилова, – заключает исследователь, – его жажда путешествий и любовь к Востоку импортировали Гучкову, который много путешествовал по Малой Азии...» [23, с. 356]. Г. З. Иоффе объясняет стремительный взлет Корнилова исключительно покровительством Гучкова, нуждавшегося в «своем» генерале, который бы проводил его, гучковскую линию [26, с. 39]. М. К. Басханов подчеркивает обособленность политической линии Корнилова от линии Гучкова. Генерал придерживался в отношении политики А. И. Гучкова «дистанцирования и формальной лояльности» [23, с. 356]. Интересно, что хорошо знавший Л. Г. Корнилова генерал Е. И. Мартынов вспоминал, что, находясь в плену в замке Лека в Венгрии, Корнилов в беседе с Мартыновым неоднократно говорил, что «с удовольствием перевешал бы всех этих Гучковых и Милюковых» [27, с. 16]. Впрочем, тот же автор подчеркивает, что ко времени начала февральской революции «Корнилов уже успел настроиться на революционный лад» [27, с. 18]. Г. З. Иоффе предполагает, что первым о Л. Г. Корнилове вспомнил генерал П. Аверьянов, исполнявший в то время обязанности начальника Генерального штаба [26, с. 39]. В телеграмме М. В. Алексееву от 2 марта 1917 г. Аверьянов подчеркивал, что «для спасения Петрограда от анархии и террора, дабы дать опору Временному комитету, спасающе-

му монархический строй, повелительно необходимо немедленное осуществление меры, изложенной в телеграмме председателя Государственной Думы 158 номер, т. е. безотлагательное командирование генерала Корнилова, на доблестном имени коего пришли к соглашению все члены Временного комитета. Аверьянов. 2 марта 1917» [28, с. 7]. В тот же вечер, 2 марта 1917 г., в 18 часов. 59 минут, М. В. Алексеев запросил мнение главнокомандующего Юго-Западным фронтом А. А. Брусилова, формального начальника Л. Г. Корнилова, 25-й армейский корпус которого был подчинен как раз А. А. Брусилову как командующему фронтом. По мнению Алексеева, «назначение боевого генерала с популярным именем может повести к более быстрому водворению порядка и успокоению столицы» [28, с. 8]. Исполнительный Брусилов уже в 21 час 10 минут того же дня сообщил М. В. Алексееву, что «препятствий нет, но согласия Корнилова пока не запрашивал. По совести обязан доложить, что считаю генерала Корнилова мало подходящим именно для этой должности. Он отличается прямолинейностью и чрезмерной пылкостью. Если окажется хорошим, буду очень рад. 768. Брусилов» [28, с. 8]. Отметим, что Временный комитет Государственной думы возлагал на Л. Г. Корнилова особые надежды, характеризуя его в телеграмме генерал-адъютанту М. В. Алексееву от 2 марта 1917 г. как «доблестного известного всей России героя» и предлагая М. В. Алексееву «срочно командировать генерала Корнилова в Петроград» на должность главнокомандующего Петроградским военным округом, заняв которую, последний сможет осуществить спасение «столицы от анархии» [14, оп. 10, д. 5, л. 2]. Ставке, в лице М. В. Алексеева, не очень, конечно, понравился «революционный», т. е. минуя военное командование, способ назначения Корнилова, но в тот же день Алексеев отдал приказ о допуске «к временному главнокомандованию войсками Петроградского военного округа... генерал-лейтенанта Корнилова» [9, с. 183]. Личные отношения генералов Алексеева и Корнилова не сложились. Л. Г. Корнилов, перечисляя в личной беседе с А. И. Деникиным, «вины» Алексеева, вспоминал и об этом [о революционном способе назначения Корнилова. – *Авт.*] эпизоде». При разборе бумаг генерала Корнилова Деникиным был обнаружен и «подлинник телеграммы [о назначении на должность командующего Петроградским военным округом. – *А. П.*], вышитый из дела» [29, оп. 1, д. 7, л. 31]. В 20 часов. 20 минут 2 марта 1917 г. телеграмма о необходимости назначения Л. Г. Корнилова была отправлена для вручения еще действующему императору [9, с. 8]. В 21 час 20 минут согласие Николая II на назначение Корнилова было получено [9, с. 10]. В результате, повелением Николая II Л. Г. Корнилов был назначен главнокомандующим войсками Петроградского военного округа [14, оп. 10, д. 8, л. 9]. В телеграмме же самому Л. Г. Корнилову М. В. Родзянко предлагал занять эту должность и тем «показать неоценимую услугу Родине» [14, оп. 10, д. 8, л. 3]. Корнилов в ответной телеграмме М. В. Родзянко говорил о том, что «назначение на должность главнокомандующего принял с твердым решением приложить все свои силы к благу родины» [30, 7 марта]. Л. Г. Корнилов в своем показании Чрезвычайной следственной комиссии Временного Правительства по так называемому делу Корнилова отмечал: «Тотчас же после государственного переворота 27 февраля я был назначен Временным правительством на пост главнокомандующего войсками Петроградского военного округа и, прибыв из действующей армии, 5 марта вступил в должность» [31, с. 184–185]. В правительственном же офицозе отмечалось, что назначение Л. Г. Корнилова было произведено в целях «окончательной организации военных сил» [30, 5 марта.]. До приезда Л. Г. Корнилова обязанности командующего ок-

ругом исполнял командир 19-й пехотной запасной бригады генерал Аносов. В Петроград революционный генерал прибыл 5 марта и в тот же день представился председателю Временного комитета Государственной думы М. В. Родзянко и членам Временного правительства. Л. Г. Корнилов посетил гвардейский Волынский полк, а 6 марта – гвардейский Семеновский полк, к которым обратился со следующим призывом: «Великий русский народ дал родине свободу – русская армия должна дать ей победу! ...теснее сомкните ряды и сильные своей дисциплиной и единомыслием явитесь радостным оплотом своему правительству и надежной поддержкой бойцам, грудью своей героически защищающим отчизну» [30, 7 марта]. В интервью корреспонденту столичной газеты Л. Г. Корнилов подчеркивал, что «происшедший в России переворот является верным залогом нашей победы над врагом. Только свободная Россия, сбросившая с себя гнет старого режима, может выйти победителем из настоящей мировой борьбы. Совершившийся переворот уже дал нам победу в тылу, и перед нами остался противник только на фронте – он должен быть разбит, этого требует честь и все будущее России. Только победа даст нам счастье видеть нашу Родину великой и свободной страной». Генерал отмечал, что залогом победы должна стать дисциплина, которой традиционно славилась русская армия [30, 10 марта]. Как вспоминал полковник Б. А. Энгельгардт, первый военный комендант революционного Петрограда, «Корнилов принадлежал к числу тех старших начальников, которые не только примирились с революцией, но даже приветствовали ее, ожидая встретить в ней тот подъем народной энергии, который ускорит победу над врагом» [32, л. 42]. Именно поэтому первоначально Л. Г. Корнилов проявлял особое рвение в деле служения революции. «По воле и решению Временного Правительства главнокомандующий войсками Петроградского военного округа 8-го сего марта, в 8 часов 45 минут утра, отбыл в Царское Село для приведения в исполнение указа об аресте бывшей государыни Александры Федоровны. Ровно в 11 часов главнокомандующий генерал-лейтенант Корнилов... прочел бывшей государыне... постановление Временного Правительства об ее аресте» [30, 10 марта]. Очевидец ареста бывшей императрицы К. Кологривов вспоминал спустя несколько лет об этих событиях: «Корнилов и Гучков были с огромными красными бантами, причем банты эти были с какими-то раструбами и широкими ниспадающими лентами. Такие же красные банты были и у их спутников». Вел себя Л. Г. Корнилов крайне вызывающе, «громким голосом и в грубой форме потребовал видеть “бывшую царицу”. Узнав, что Александра Федоровна спит, генерал заявил, что “не время спать”. Впечатление от поведения Л. Г. Корнилова было у присутствовавших самое “отвратительное”» [33, с. 194–195]. Вряд ли кто-то мог угадать в этом исправном служаке будущего вождя российской Вандеи. В советской историографии этот «революционный» акт Л. Г. Корнилова преподносился как данность, никак не комментируясь [19, с. 81–82]. Правда, позднее Л. Г. Корнилов никак не мог простить себе «своего постыдного поведения при аресте царской семьи» [34, с. 189]. Однако, «несмотря на показную “революционность” и на ту демонстративную суровость, с которой он лично произвел арест императрицы, Корнилов не сумел поладить с Советом Рабочих и Солдатских депутатов и в апреле стал проситься обратно на фронт» [27, с. 18]. О конфликтах Л. Г. Корнилова с Советами подробно написано в одной из книг Г. З. Иоффе [26, с. 41–44]. Л. Г. Корнилова скоро потянуло на фронт из охваченного революционным водоворотом Петрограда. Так, военный и морской министр Временного правительства А. И. Гучков в письме к председателю Государственной думы М. В. Родзянко от

19 апреля 1917 г. отмечал, что «генерал Корнилов уже давно и настойчиво просит меня ввиду фактической невозможности осуществить командование войсками назначить его в действующую армию» [14, оп. 10, д. 19, л. 28]. 7 мая 1917 г. Л. Г. Корнилов отбыл из Петрограда на фронт. Проводы генерала, как отмечалось в газете, «носили чрезвычайно сердечный характер» [30, 9 мая]. Как видно, карьера «революционного командующего» в Петрограде оказалась недолгой. Впрочем, на первых порах кандидатура Л. Г. Корнилова была оптимальной, как считает один из «советских» деятелей. «...Этот действительно популярный и отважный генерал, либеральный патриот, – полагал Н. Н. Суханов, – был крайне удачной креатурой цензовиков – безупречной с точки зрения офицеров и максимально авторитетной для солдат...». Удачная деятельность Л. Г. Корнилова облегчила «введение в норму» жизни столичного гарнизона», как думалось Н. Н. Суханову [35, с. 187]. Репутация «революционного генерала» негативно влияла на популярность Корнилова в глазах кадрового офицерства. Участник Белого движения Э. Н. Гиацингов, характеризуя Л. Г. Корнилова, писал: «Корнилов был в полном смысле красный... Нужно отдать ему должное: он любил Россию и жертвовал для нее всем, включая свою жизнь. Но он абсолютно не был монархистом» [4, с. 82]. Сам Л. Г. Корнилов не любил вспоминать свою бытность «революционным командующим» Петроградского военного округа.

Как видим, в революционные дни февраля-марта 1917 г. вожди будущей белой Добровольческой армии отнюдь не затушевались. Если роль генерала М. В. Алексеева в развернувшихся событиях нельзя классифицировать каким-то определенным термином, то Л. Г. Корнилов проявил себя в те дни вполне однозначно, став одной из центральных действующих фигур революционного процесса. Диалектика российской революции проявлялась как раз в том, что людей, изначально принявших революцию, ставших, по сути, ее творцами, революционный поток, по выражению Б. А. Энгельгардта, «нес ... как щепку и заставлял делать то, что противоречило всем ... представлениям того времени» [32, л. 11]. Для военных же людей крушение традиционных жизненных установок, гибель армии в том виде, в каком они привыкли ее видеть, было неприемлемо. Совокупность всех этих факторов приводила к возникновению так называемых контрреволюционных настроений, ничего общего с реставраторскими устремлениями не имевших. Именно эти «контрреволюционные настроения» и привели в контрреволюционный лагерь Алексеева, Корнилова, Деникина и многих других, первоначально принявших революцию и крушение старого режима.

Список литературы

1. Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Кн. 1. Ч. 1: Зарождение контрреволюции и первая ее вспышка. Париж: Иллюстрированная Россия, 1937.
2. Протопопов А. Д. Предсмертная записка. С предисловием П. Я. Рысса // Голос минувшего на чужой стороне. Журнал истории и истории литературы. Париж, 1926. Т. 1 (14).
3. Боткин П. С. Что было сделано для спасения императора Николая II // Русская летопись. Париж, 1925. Кн. 7.
4. Гиацингов Э. Н. Записки белого офицера. СПб.: Интерполиграфцентрспбфк, 1992.
5. Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. Мн.: Харвест, 2004.
6. Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. (Продолжение). С предисловием Н. Лапина//Красный архив. Исторический журнал. 1932. Т. 52.
7. Флоринский М. Ф. Самодержавие и проблема единства государственного управления в период Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990.

8. Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года. М.: Бородино-Е, 2003.
9. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. I. М.: Айрис-Пресс, 2003.
10. Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М.: Наука, 1989.
11. Брусиллов А. А. Мои воспоминания. Мн.: Харвест, 2003.
12. Александр Иванович Гучков рассказывает... М.: Вопросы истории, 1993.
13. Спиридович А. И. Великая война и февральская революция: Воспоминания. Мемуары. Мн.: Харвест, 2004.
14. Российский государственный исторический архив. Ф. 1278. (Государственная Дума).
15. Рутыч Н. Н. Генерал М. В. Алексеев – основатель Добровольческой армии//Думская монархия. СПб.: Логос, 1993.
16. Лукомский А. С. Из воспоминаний // Архив русской революции. Т. II. М.: Терра, 1991.
17. Алексеева-Борель В. М. Сорок лет в рядах русской императорской армии: генерал М. В. Алексеев. СПб.: Бельведер, 2000.
18. Тихменев Н. М. Последний приезд Николая II в Могилев // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927.
19. Спиринов Л. М. Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М.: Мысль, 1987.
20. Дубенский Д. Н. Как произошел переворот в России // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927.
21. Верховский А. И. На трудном перевале. М.: Воен. изд-во М-ва обороны Союза ССР, 1959.
22. Архипов И. Л. «Корниловский мятеж» как феномен политической психологии // Новый часовой. 1994. № 2.
23. Басханов М. К. Генерал Лавр Корнилов. Лондон: Skiff press, 2000.
24. История гражданской войны в СССР. Т. I: Подготовка великой пролетарской революции. (От начала войны до начала октября 1917 г.). М.: ОГИЗ, «История гражданской войны», 1936.
25. Шишов А. В. Корнилов. Несостоявшийся диктатор. М.: Вече, 2004.
26. Иоффе Г. З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М.: Наука, 1995.
27. Мартынов Е. И. Корнилов. (Попытка военного переворота). Л., 1927.
28. Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями северного фронта) // Красный архив. Т. 3 (22). М.; Л., 1927.
29. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5829 (А. С. Лукомский). Оп. 1. Д. 7.
30. Вестник Временного правительства. Петроград. 1917.
31. Показание Верховного главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова // Дело генерала Л. Г. Корнилова. Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. – июнь 1918 г. В 2 т. Т. 2. М.: МФД, 2003.
32. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 218. (Собрание отдела рукописей). Картон 384, ед. хр. № 927.
33. Кологривов К. Арест Государыни Императрицы Александры Феодоровны и Августейших детей их Величеств // Русская летопись. Кн. 3. Париж, 1922.
34. Винберг Ф. Крестный путь. Ч. 1: Корни зла. Мюнхен, 1922.
35. Суханов Н. Н. Записки о революции: В 3 т. Т. I. Кн. 1–2. М.: Политиздат, 1991.

A. S. Puchenkov

*CREATORS OF THE VOLUNTEER ARMY GENERALS M. V. ALEKSEYEV
AND L. G. KORNILOV AND THE FEBRUARY REVOLUTION 1917*

*The article is about the participation of the prominent white generals M. V. Alekseyev and
L. G. Kornilov in the February Revolution 1917.*

February revolution, the generals conspiracy, abdication of Nickolas II

УДК 1/14

А. Т. Александров

УЧЕНИЕ ЛЮСЬЕНА ЛЕВИ-БРЮЛЯ О КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Рассматриваются основы учения Люсьена Леви-Брюля о коллективных представлениях, определяются его аспекты, не утратившие актуальности и в наши дни, анализируются особенности первобытного мышления, отмечается влияние коллективных представлений на сознание современного человека.

Коллективные представления, первобытное мышление, мистицизм, мифология, закон партиципации

Французский психолог и этнограф Люсьен Леви-Брюль не был первым, кто ввел в науку понятие «коллективные представления». Этим мы обязаны его учителю Эмилю Дюркгейму. Но хотя Дюркгейм пользовался данным понятием, он не исследовал законы и принципы, по которым формируются коллективные представления, и не выяснял, повторяют ли они законы индивидуальной психологии, а ведь он сам считал это чрезвычайно важной задачей. «Коллективное мышление целиком, как его форма, так и содержание, должно изучаться само по себе, для самого себя», – писал Дюркгейм [1, с. 17]. Разработкой этих проблем занялся Леви-Брюль.

Дюркгейм, анализируя коллективные представления, подчеркивал в первую очередь сходство, общие черты в тех способах мышления, которые преобладают в различных обществах. Особенно его интересовала преемственность в верованиях первобытных народов и научном мышлении современных цивилизованных людей. Леви-Брюль, напротив, изучал именно различия в мышлении людей разных культур, обусловленные различиями между самими культурами.

Леви-Брюль занимался в основном вопросом развития, эволюции мышления, его перехода к современному состоянию. Для этого исследователь обратился к богатейшему фактографическому и статистическому материалу, собранному этнографами, путешественниками и миссионерами, проводившими немало времени с представителями племен, находящихся на самых ранних этапах развития. Сам он полевых исследований не проводил, за что его нередко критиковали, однако качество анализируемого им материала сомнению не подлежит. Леви-Брюль изначально выступил против того, чтобы объяснять возникновение в человеческих обществах мифов, коллективных представлений, подобных тем, которые лежат в основе тотемизма, или веры в духов, душу, магию и т. д., неизбежным следствием строения «человеческого ума», о чем писали представители английской антропологической школы Фрэнклин, Тайлор и Лэнг. Он не рассматривал специфически психологических проблем – проблем усвоения человеком коллективных представлений или

взаимодействия последних с предполагаемым индивидуальным здравым смыслом. Леви-Брюль видел свою задачу в анализе именно коллективных представлений.

Как же Леви-Брюль определяет сущность коллективных представлений? «Представления, называемые коллективными, если определять только в общих чертах, не углубляя вопрос об их сущности, могут распознаваться по следующим признакам, присущим всем членам данной социальной группы: они передаются в ней из поколения в поколение, они навязываются в ней отдельным личностям, пробуждая в них, сообразно обстоятельствам, чувства уважения, страха, поклонения и т. д. в отношении своих объектов, они не зависят в своем бытии от отдельной личности» [2, с. 9]. Это происходит потому, что они проявляют черты, которые нельзя осмыслить путем рассмотрения индивида. Леви-Брюль сравнивает их с языком, который существует лишь в сознании тех, кто на нем говорит, однако навязывает им себя, предшествует им и переживает их.

Леви-Брюль отмечает, что нужно отделаться от заблуждения, будто коллективные представления повинуются законам психологии, базирующейся на анализе индивидуального субъекта. Они имеют свои законы, которые нельзя обнаружить при изучении цивилизованного человека. Но лишь изучение коллективных представлений, их связей и сочетаний в низших обществах может пролить свет на генезис наших категорий и логических принципов.

Леви-Брюль смог показать, что механизм умственной деятельности так называемых первобытных людей не совпадает с тем механизмом, который свойствен человеку нашего общества. Он установил, в чем заключаются эти различия, и вывел определенные общие законы, присущие первобытному мышлению, и четко разграничил «представление» в общепринятом смысле слова и понимание этого термина при рассмотрении коллективных представлений дикарей. В цивилизованном обществе представление есть факт познания, так как наше сознание просто имеет образ (идею) объекта. Представление – явление интеллектуального или познавательного порядка. Совершенно иное понимание термина «представление» требуется в контексте первобытного общества. Деятельность сознания дикарей не достаточно дифференцирована для того, чтобы можно было самостоятельно рассматривать образы (идеи) объектов, независимо от чувств и эмоций, которые вызывают эти образы или вызываются ими. Под этой формой деятельности сознания у первобытных людей выступает не интеллектуальный или познавательный феномен в чистом виде, но сложное явление, в котором то, что считается собственно «представлением», смешано с иными элементами эмоционального порядка, предполагая иную установку сознания в отношении объектов.

По мнению Леви-Брюля, эмоциональная окраска коллективных представлений связана с тем, что они достаточно часто получают индивидом при обстоятельствах, способных серьезным образом повлиять на его сферу чувств. Это происходит посредством разнообразных обрядов, сопровождающихся музыкой, в присутствии большого количества людей. Нередко обряды сопряжены с пытками и самоистязанием. Полученные таким образом представления обладают огромной эмоциональной силой и воспринимаются сознанием не просто в форме идеи или образа. «Не будучи чистыми представлениями в точном смысле слова, они обозначают или, вернее, предполагают, что первобытный человек в

данный момент не только имеет образ объекта и считает его реальным, но и надеется на что-нибудь или боится чего-нибудь» [2, с. 29]. Леви-Брюль отмечает, что такой же характер, хотя в меньшей степени, имеют коллективные представления в мифах и сказках.

Если по характеру и содержанию индивидуальных представлений древний человек мало чем отличается от современного, то в своих коллективных представлениях он воспринимает мир магически и мистически. Именно слово «мистическая» применяет Леви-Брюль для обозначения общего свойства коллективных представлений, которые занимают столь значительное место в жизни первобытных людей, назвав так психическую деятельность низших обществ. Дикари верят в силы, неосязаемые для чувств, но реальные, и сама их реальность является мистической. Ни одно существо, ни один предмет или явление природы не выступают в коллективных представлениях первобытных людей тем, чем они кажутся нам. То, что видим мы, им безразлично. Зато они видят многое другое, о чем мы даже не задумываемся. Леви-Брюль объясняет это тем, что индивидуальное сознание первобытного человека опирается на личный, в основном производственный опыт, тогда как коллективное сознание вообще не восходит к какому-либо объективному опыту и поэтому апеллирует к сверхъестественным и магическим свойствам вещей. «Сознание первобытного человека уже наперед заполнено огромным числом коллективных представлений, под влиянием которых все предметы, живые существа, неодушевленные вещи, или орудия, приготовленные рукой человека, мыслятся всегда обладающими множеством мистических свойств» [3, с. 47]. Наше мышление перестало быть мистическим в том, что касается большинства окружающих нас предметов, поэтому нет ничего, что воспринималось бы одинаково дикарем и цивилизованным человеком. Очень ярко это проявляется в различном отношении к сновидениям.

Сновидение для первобытных людей не просто проявление психической деятельности, имеющее место во время сна, ряд более или менее связанных представлений, которым, проснувшись, человек не придает особого значения. Дикари рассматривают его как реальное восприятие, столь же достоверное, как и получаемое наяву. Наше восприятие направлено на освоение объективной реальности и только этой реальности. Оно отмечает все, что могло бы иметь чисто субъективное значение. Мы не ставим информацию, полученную во время сна и бодрствования, на одну доску. Дикарь же, видящий все в мистическом свете, не только делает это, но и считает увиденное во сне более достоверным, поскольку при сновидении общение с духами происходило напрямую и в полной мере.

Коллективное сознание первобытного человека, по Леви-Брюлю, является не только мистическим, но и пралогическим (дологическим). Это не означает, что оно нелогично или антилогично. В нем также существуют свои понятия и связи, но Леви-Брюль называет их «предпонятиями» (*prenotions*) и «предсвязями» (*preliasons*). Леви-Брюль окончательно изменил бытовавшее в этнологии мнение о том, что психика первобытного человека в принципе не отличается от психики современных людей. Он высказывает идею, что миф является не просто средством для удовлетворения любознательности древнего человека, а бессознательным выражением его коллективных представлений. В мифах не действуют законы формальной логики, но они не алогичны – просто логика иная, мистического порядка. В коллективных представлениях древний человек не дифференцирует мир на от-

дельные части или состояния, он воспринимает его как единое целое – объективное и субъективное, достоверное и иллюзорное, естественное и сверхъестественное, и т. д. При этом он не ищет объяснения окружающей действительности (как предполагали этнографы классической школы), ибо воспринимает их не в чистом виде, а в комплексе наряду с эмоциями, поверьями о тайных силах и магических свойствах предметов.

Для объяснения этого феномена Леви-Брюль предлагает закон партиципации (*loi de participation*) – характерный принцип первобытного мышления, который управляет ассоциацией и связями представлений в первобытном сознании. Он заменяет собой логические законы тождества, противоречия и другие, не имеющие силы для первобытного человека. Леви-Брюль не дает четкой формулировки закона, но приводит массу примеров его действия. Приблизительная же формулировка такова: «В коллективных представлениях первобытного мышления предметы, существа, явления могут непостижимым для нас образом быть одновременно и самими собой, и чем-то иным. Не менее непостижимо они излучают и воспринимают силы, способности, качества, мистические действия, которые ощущаются вне их, не переставая пребывать в них» [2, с. 62]. Итак, если научное мышление избегает логического противоречия, то первобытное просто не обращает на него внимания, опытная проверка не может разубедить дикаря. Впрочем, это касается лишь коллективных представлений, а не мышления дикарей вообще. В сфере личного практического опыта первобытный человек будет рассуждать и действовать аналогично нам. Но при вступлении в контакт с коллективными представлениями логика отходит на второй план, а действовать начинает пралогическое мышление с законом партиципации и мистицизмом.

Разумеется, рассматривая поверья, бытующие в первобытном обществе, можно провести параллели с современностью и повышенным интересом к паранормальному в наши дни. Не ускользнуло это и от внимания Леви-Брюля. Он пишет, что мода на спиритизм, бесчисленные рассказы о привидениях и нечистой силе, которыми наполнен наш фольклор, может подтолкнуть нас к выводу, что между нашим и первобытным мышлением существует только количественное различие. Однако это не так. «Эти верования, несомненно, могут рассматриваться у нас как пережиток, свидетельствующий о существовании более древнего умственного состояния, имевшего когда-то большее распространение. Остережемся, однако, видеть в сохранившихся в нашем обществе поверьях верное, хотя бы и ослабленное, отражение первобытного мышления. Для членов нашего общества, даже наименее культурных, рассказы о привидениях, духах и так далее являются чем-то относящимся к области сверхъестественного: между этими видениями, волшебными проявлениями, с одной стороны, и фактами, познаваемыми в результате обычного восприятия и повседневного опыта, с другой стороны, существует четкая разграничительная линия. Для первобытного человека этой линии не существует» [2, с. 55]. Основное отличие суеверного человека наших дней от дикаря состоит в том, что наш современник верит в два мира: реальный и духовный, неосязаемый. Для дикаря же существует только один мир – мир, исполненный мистики, в котором действуют законы иной логики.

Леви-Брюль отмечает огромную силу коллективных представлений, по сравнению с которой бледнеет даже самая впечатляющая очевидность. Конечно, с течением времени чувство сопричастности, которое так высоко развито в первобытных племенах, ослабева-

ет, и коллективные представления эволюционируют, подвергаются действию опыта. И все же они никогда не уступят науке полностью и им не суждено исчезнуть. Немалую роль играют коллективные представления и в современном обществе, в котором по-прежнему сохраняется потребность в непосредственном общении с окружающим миром. В качестве примера Леви-Брюль приводит ситуацию с попыткой логического постижения сущности Бога, которая ни к чему не приводит. Да и нуждается ли в этом сам верующий? «Разве сознание сопричастности своего существа божественной сущности не дает ему такой уверенности, по сравнению с которой логическая достоверность остается всегда чем-то бледным, холодным и почти безразличным?» [2, с. 370]. Таким образом, пралогическое мышление и коллективные представления будут существовать наряду с логическим мышлением, а закон партиципации и мистицизм по-прежнему будут удовлетворять неискоренимые потребности людей.

Список литературы

1. Дюркгейм Э. Социология. М.: Канон, 1995.
2. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
3. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М.: Атеист, 1930.

A. T. Alexandrov

LUCIEN LEVY-BRUHL'S DOCTRINE OF COLLECTIVE REPRESENTATIONS IN THE CONTEXT OF MODERNITY

The article deals with the basic principles of Lucien Levy-Bruhl's doctrine of collective representations. The most topical aspects of his theory are defined. The peculiarities of perception in primitive societies are analyzed. The influence of collective representations upon the consciousness of modern man is paid special attention to.

Collective representations, primitive thinking, mysticism, mythology, law of participation

УДК 962:004

А. В. Бабаева

ВЗГЛЯД НА КУЛЬТУРУ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОВЕДЕНИЯ

Философско-антропологический анализ проблем повседневности. Рассмотрение в его рамках поведения как феномена культуры. Исследование поведенческого аспекта как важной стороны, отражающей ценностно-нормативные аспекты культуры.

Культура, поведение, повседневности, норма, традиция, ценности

Различные направления современной философии, особенно бурно развивающиеся в последние десятилетия, в свои проблемные поля включили исследование культуры. Изучая различные проявления многогранного феномена культуры, в основном обращают внимание на какую-либо одну из его сторон. Чаще всего на первый план выступают проблемы философии культуры, художественной культуры, реже проблемы повседневности, еще реже – поведение людей в разных культурах. Но культура – это, прежде всего, деятельность людей, их формы поведения и общения. Культура каждой эпохи – это особый образ жизни, слагающийся из обычаев, нравов, законов морали. При более общем рас-

смотрении культура выступает целостным, монолитным образованием. Это предполагает выработку единой картины мира, общей памяти, единых правил поведения. Хотя «каждая локальная культура вырабатывает свою картину мира и систему норм, причем частные стандарты могут отличаться от тех, которые проводятся в жизнь официальными предписаниями» [1, с. 331], вместе с тем существуют и единые для всех культур стандарты.

В социокультурных системах возникают и функционируют сложные формы стандартов поведения, которые объединяют индивидуальные поведенческие акты в одном направлении. При изучении культуры нужно учитывать тот факт, что чем сложнее система, тем больше места в ее жизни занимает саморегуляция и самоорганизация действий ее членов. Сохранение и передача исторического опыта, закрепленного в культуре, обеспечивает системе целостность. Для включения личности в социокультурные структуры вырабатываются соответствующие механизмы, которые закрепляются в ценностях, традициях, нормах поведения и общения. Условием успешности такого включения выступает преемственность в трансляции этих механизмов от поколения к поколению. Развиваясь во времени, культура не только обновляется, но и сохраняет себя благодаря действию этих механизмов. В процессе трансляции какая-то часть оказывается отвергнутой, что-то добавляется нового. Подчас некоторые утраты становятся невозвратимыми, а некоторые, по мере потребности, частично восстанавливаются. Новые поколения исходят из результатов, доставшихся в наследство, однако отношение к нему избирательно. Они берут только то, без чего невозможно дальнейшее существование и видоизменяют те традиции, нормы, которые утратили всякий смысл.

Передача накопленной информации осуществляется при помощи закрепления в системе ценностей, социокультурных нормах, стереотипах сознания и поведения. Как видим, поведение играет здесь не последнюю роль. Взаимодействие культурных стандартов, обеспечивающих системе целостность и дающих возможность ей функционировать нормально, представляет значительный интерес при изучении культуры.

Культурные стандарты охватывают все сферы человеческой жизни и выражаются в символических формах: обрядах и ритуалах, художественных стилях и религиозных установках, системах мировоззрения и поведения. В любом обществе, в любую историческую эпоху большое место занимают устойчивые формы поведения. Каждой эпохе соответствует свой доминирующий тип общественного поведения, свой идеал. Каждая культура формирует способы, нормы и образцы поведения, выражения чувств, переживаний и т. д. «Каждая эпоха создает свой тип героя – завоевателя, рыцаря, придворного, буржуа, пролетария и т. д.» [2, с. 83], который обладает определенными формами поведения.

Естественно, каждая социокультурная группа по-своему определяет значимость тех или иных форм индивидуального и коллективного поведения. Для каждой группы характерны свои представления о важности тех или иных аспектов поведения и, следовательно, своя конфигурация между типизированными и индивидуальными формами. Причем эта конфигурация изменяется с развитием культуры. Реальное поведение человека всегда синтез нескольких типов. Передаваясь от поколения к поколению, стандарты поведения осуществляют внутри группы функции социального контроля. В историческом развитии

общества ценности, нормы, традиции, стереотипы поведения складываются в мощный социокультурный институт, регулирующий жизнедеятельность человека.

Стереотипы поведения предлагают индивиду сделать выбор конкретного варианта поведения. Если ситуация однозначно соответствует норме, то человек обязан следовать ей, особенно в традиционных обществах. Например, поведение в силу привычки или поведение потому, что «так поступали предки», и т. д. Однако в современных динамично развивающихся обществах встречаются всегда несколько вариантов стереотипов поведения. Это могут быть и однотипные образцы, которые легко взаимозаменяются, и образцы, взаимно исключают друг друга. В таких случаях, выбор того или иного стереотипа поведения коренным образом влияет на конечный результат. Именно в таких случаях очень важным становится способность стереотипов поведения изменяться.

Традиционная информация, заложенная в стереотипизированной системе поведения, ориентирована на самоподдержание системы. Такая информация не всегда бывает истинной. Но даже составленная из искаженных представлений система стереотипов поведения выполняет свои функции по защите групповых ценностей. «Они (стереотипы) крепость, защищающая наши традиции. Не удивительно, что любое посягательство на наши стереотипы кажется нам покушением на основы нашего мировоззрения» [3, с. 90]. В этом, видимо, заключается одна из причин долгого существования традиционных форм поведения. Такая программа поведения тесно связана с системой ценностей и претендует на то, чтобы дать образцы на все случаи жизни. При контакте представителей различных социокультурных групп большое внимание уделяется именно таким традиционным программам поведения. Эти образцы выступают внешним признаком отличий групп друг от друга. Когда речь заходит о том, чем различаются культуры, прежде всего упоминают «странные» обряды, привычки, правила поведения. Уже в описаниях иных культур у античных авторов (таких как Геродот, Стробон, Тацит, Полибий и т. д.) сначала выделялись необычные формы поведения. Например, в «Истории» Геродота большое место отводилось не только описанию разнообразных норм и правил поведения других народов, но и подчеркиванию, чем эти нормы и правила отличаются от эллинских. «Египетский обычай не похож на обычай какого-нибудь эллинского племени: на улице вместо словесного приветствия они здороваются друг с другом, опуская руки до колена...» [4, с. 55]. Перечень таких примеров из трудов античных и средневековых авторов можно продолжать до бесконечности.

Позднее испанский моралист XVIII века Грасиана отмечал: «Каждому народу, даже самому просвещенному свойственен какой-либо недостаток, соседи обычно подмечают его со смехом или со злорадством» [5, с. 6].

Получить полное представление о культуре народа без учета поведенческих образцов невозможно, поведение, нормы, ценности, традиции иных культур всегда представляются необычными, так как поведение других оценивается нами в соответствии с ценностной шкалой собственной группы. Стереотипизация выступает в этом случае необходимым инструментом оценки. Упрощение и схематизация, что лежит в основе создания стереотипов, необходимы при регуляции человеческой деятельности. Стереотипы поведения обобщают реальные черты культуры. В них человек находит групповую оценку явлений и строит свое поведение в соответствии с этой оценкой.

Стереотипизация действует на различных уровнях социокультурного взаимодействия, но чаще всего ассоциируется с этническими, расовыми, значительно реже, с возрастными или профессиональными особенностями. Стереотипизация осуществляется там, где разница в нормах поведения проявляется достаточно ярко.

Поведенческие шаблоны фиксируют ментальные особенности социокультурных групп, их ценностно-нормативные системы и происходящие в них изменения. Можно сказать, что стереотипы поведения как чувствительный барометр показывают происходящие изменения в культурах. Ярче всего это можно увидеть в традиционных обществах. В таких обществах в основе программы поведения лежат образцы и модели, следование которым являлось обязательным условием социокультурного существования. Важным свойством программы поведения традиционных культур выступает ее автоматизированность, т. е. поведение свершается по большей части бессознательно. В нем все образцы и стандарты представляются одинаково главными и обязательными. Многие из стандартов действуют почти без изменений в течение сотен лет, сохраняя на себе отпечаток древней культуры (например, входя в помещение, человек восточной культуры, снимает вначале обувь, не задумываясь об истоках такого правила, и т. д.). Многовековая история норм поведения свидетельствует о наличии особой человеческой потребности в ритуализации определенных на уровне общих культурно-нравственных феноменов развития общества. С развитием человеческого общества программа поведения становится все более вариативной. Стандарты поведения в современном мире зависят от реальной стратификации общества. Каждая социокультурная группа имеет свои специфические формы поведения. Именно они создают внешние различия между группами и их культурами.

Стереотипы поведения усваиваются рано и используются детьми задолго до возникновения ясных представлений о тех группах, к которым они относятся. Выработка стереотипов и их усвоение происходят как путем подражания, так и в результате прямого или опосредованного обучения. Выработанные обществом правила поведения, являясь частью культуры, выступают необходимым условием социализации личности.

Включение человека в культуру начинается с усвоения принятых норм поведения и общения. В процессе социализации транслируются алгоритмы выработки поведенческой линии. Именно эта сторона культуры достаточно точно и весьма дифференцированно отражает специфику развития общества. Эталоны поведения постоянно обогащаются новыми чертами, переосмысливаются. В результате влияния меняющихся социокультурных условий или локальных причин (бытовых условий, личного опыта, опыта общения с другими социокультурными группами и т. д.) система поведения постоянно видоизменяется. На изменение поведенческих образцов оказывают непосредственное воздействие перемены происходящие в «ядре» культуры. Следовательно, изучение поведенческих аспектов позволяет проследить изменения, которые происходят в обществах или группах, выделить их основные черты. Без исследования поведения людей в конкретной группе, в конкретное время нельзя понять культуру эпохи. Каждый из народов мира – это особая культура. Эти особенности – результат конкретных исторических деталей развития, отражение специфики взаимодействия каждого народа с окружающей средой и другими народами. Устойчивые формы поведения в большинстве случаев тесно связаны с национально-

психологическими особенностями развития культур. Различия между внешне похожими группами, людьми проявляются в первую очередь в стереотипах поведения. В каждой социокультурной группе свой «запас» правил поведения. Разнообразии традиционных форм поведения у народов просто поразительно. Наша жизнь заполнена до предела случаями, для которых предусмотрены стереотипные формы поведения. Именно различие в таких мелочах создает неповторимый колорит каждой из культур. Усвоенные стереотипы поведения представляют основное отличие членов одного этноса от другого.

Поведенческий аспект помогает увидеть существенные черты культуры. Кажущиеся случайными детали обряда, норм могут сигнализировать о важных, глубинных процессах в жизнедеятельности общества. Очень часто бывает так, что воспринимающиеся как случайные культурные символы несут глубинный ценностный смысл.

Поведение позволяет проследить, как и какие изменения происходят в социокультурных системах. Культура и поведение взаимосвязаны. Культура создает идеальные для нее образцы поведения, поведение – выражает сущность глубинных пластов культуры. При изучении поведенческих особенностей не просто формируется более полное представление о культурах, «оживляются» прошедшие эпохи.

Список литературы

1. Шибутани Т. Социальная психология. М.: Высш. шк., 1969.
2. Марков Б. В. Разум и сердце. СПб.: Алетея, 1993.
3. Lippman W. Public opinion. NY.–L. 1966.
4. Геродот. История. В 9 кн. Л.: Наука, 1972.
5. Грасиан Б. Карманный оракул. Критикон. М.: Наука, 1984.

A. W. Babaewa

INTERACTION CULTURE IN BEHAVIORS

Attempt «hermeneutic perusal» text culture over behavior. The impression on behaviors culture. Allege, behaviors to be in the ascendant on culture. Regulations put together main body value culture.

Culture, behavior, hermeneutic, regulations

УДК 130.2

А. В. Данилов

РИТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Рассматриваются вопросы развития культуры в начале XXI века. Автор обращается к вопросу формирования и развития ритуальной культуры на современном этапе эволюции общества. Особое внимание уделяется понятиям «традиция» и «ритуал» как основным формам проявления ритуальной культуры.

Культура, общество, традиция, ритуал, семья

Культура – система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни во всех ее основных проявлениях. Программы деятельности,

поведения и общения, составляющие основу культуры, представлены многообразием различных форм: знаний, навыков, норм и идеалов, образцов деятельности и поведения, идей и гипотез, верований, социальных целей и ценностных ориентаций и т. д. В своей совокупности и динамике они образуют исторически накапливаемый социальный опыт. Культура хранит, транслирует от поколения к поколению и генерирует программы деятельности, поведения и общения людей. В жизни общества они играют примерно ту же роль, что и наследственная информация (ДНК, РНК) в клетке или сложном организме; они обеспечивают воспроизводство многообразия форм социальной жизни, видов деятельности, характерных для определенного типа общества, присущей ему предметной среды, его социальных связей и типов личностей – всего, что составляет реальную ткань социальной жизни на определенном этапе ее исторического развития.

Понятие «культура» развивалось исторически. Вначале оно обозначало процессы освоения человеком природы (возделывание земли, продукты ремесел), а также воспитания и обучения. В качестве термина стало широко использоваться в европейской философии и исторической науке, начиная со второй половины XVIII века. В это время культура начинает рассматриваться как особый аспект жизни общества, связанный со способом осуществления человеческой деятельности и характеризующий отличие человеческого бытия от животного существования. Возникает несколько линий в разработке проблематики культуры. В первой из них культура рассматривается как процесс развития человеческого разума и разумных форм жизни, противостоящих дикости и варварству первобытного бытия человечества (французские просветители); как историческое развитие человеческой духовности – эволюция морального, эстетического, религиозного, философского, научного, правового и политического сознания, обеспечивающих прогресс человечества (немецкий классический идеализм – Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель; немецкий романтизм – Шиллер, Шлегель; немецкое просвещение – Лессинг, Гердер). Вторая линия акцентировала внимание не на поступательном историческом развитии культуры, а на ее особенностях в различных типах общества, рассматривая различные культуры как автономные системы ценностей и идей, определяющих тип социальной организации (неокантианство – Риккерт, Кассирер, Вебер). К этой же линии примыкали Шпенглер, Данилевский, Сорокин, Тойнби. Вместе с тем, было расширено понимание культуры путем включения в нее всего богатства материальной культуры, этнических обычаев, разнообразия языков и символических систем.

В конце XIX и первой половине XX веков при изучении проблематики культуры стали активно использоваться достижения антропологии, этнологии, структурной лингвистики, семиотики и теории информации (культурная антропология – Тэйлор, Боас; социальная антропология – Малиновский, Радклифф-Браун; структурная антропология и структурализм – Леви-Стросс, Фуко, Лакан; неофрейдизм и др.). В результате, возникла возможность по-новому взглянуть на феномен культуры в его социальном ракурсе. Культура пронизывает все без исключения области и состояния социальной жизни общества и тем самым является одним из определяющих факторов его развития в рамках исторического процесса.

Любой исторический тип культуры представляет собой неразрывное единство двух составляющих – актуальной культуры и культуры накопленной, или культурной памяти. Под «актуальной» понимается та часть культуры, которая непосредственно функциониру-

ет в данном обществе и выражается в повседневных проявлениях – культуре труда, быта, поведения. Культурная память представляет собой определенную культурную деятельность, которая непосредственно не участвует в воспроизводстве общественной жизни. Это как бы отложенные, но не стертые прогрессом старые знания и умения, лежащие в основе современного уровня развития и, при необходимости, извлекаемые из забвения. Так, спички выступают сегодня элементом актуальной культуры, в то время как получение огня при помощи трения относится к сфере культурной памяти. При необходимости можно вспомнить древний способ и заняться трением палочек, но лишь при том условии, что спички безнадежно отсырели.

На все встающие перед человеком вопросы он ищет ответ в усвоенной им культуре. Последняя же предлагает ему не слишком богатый выбор – актуальный или накопленный опыт. Выбрать что-то третье невозможно, ибо нельзя выбрать то, чего нет или что еще неизвестно. Когда социальные катаклизмы сотрясают общество и жизнь человека становится невыносимой, а актуальная культура ни в экономике, ни в политике, ни в идеологии не дает ответа на животрепещущие вопросы, человек начинает искать ответ за ее пределами. И здесь иного, чем накопленный опыт, чем традиция, культура ему не дает. Люди ищут ответ в прошлом, потому что больше им искать негде. Отдельный человек – мыслитель, творец, гений – способен подняться над ограниченностью культуры и увидеть новые горизонты развития. Масса же всегда исповедует принцип «Новое – это хорошо забытое старое». И не надо ее за это винить – таков парадокс культуры.

Но, никого не обвиняя, описанную особенность феномена культуры нельзя и недооценивать. В противном случае любой возврат к традициям (будь то традиции национальной культуры или народной педагогики, экономического уклада или политической организации) обернется иной своей стороной – традиционализмом. Последний же, как справедливо отмечает Г. С. Батищев, «по своей сути не способен самокритично учиться у своей традиции, что потребовало бы раскрыть и развернуть все многообразие и сложность, всю антиномичность присущего ей одновременно и положительного, и отрицательного культурно-исторического опыта былого при столь же непредубежденной готовности творчески обновляюще продлить жизнь традиции» [1].

Говоря о традиционной, или ритуальной, культуре, необходимо четко дифференцировать роль и место данного феномена в общей системе общественной культуры.

Культура раскрывает свое содержание через систему норм, ценностей, значений, идей и знаний, получающих выражение в системе морали и права, религии, в художественной сфере и науке. Вместе с тем о социальной культуре, ее характеристиках, принципах и динамике следует судить отнюдь не только по собственно культурным проявлениям: художественная продукция, религия, право, наука и т. д. Культура существует и в практически действенной форме, в форме событий и процессов, в которых проявились установки и ориентации участников, т. е. различных групп и индивидов. Эти процессы и события, входящие в общую историю или связанные с какими-то проявлениями хозяйственной, социальной и политической жизни, имеют и культурную подоплеку, оказываются фактами и факторами культурной истории и культурного достояния данного общества. Зарождение или принятие религии, формирование государства, социальные смуты, нашествия и вой-

ны, политические реформы, освободительные течения, технологические перевороты и научные открытия – во всем этом проявляются и культурные закономерности, формирующие данное общество.

Самые простые типы поведения складываются, прежде всего, на основе целостных, привычных образцов – традиций. Образец укладывается в какую-то часть деятельности, ее отрезок, не подверженный четкому делению, изменению или рефлексии. Традиция характеризует достаточно широкий круг явлений, и данный термин обычно применяется к более дифференцированным формам регуляции деятельности. Ритуал же, в свою очередь, – более формализованный вариант привычного поведения, принятый в определенных частях совокупной структуры культурной регуляции. Ритуал как формализованное и специализированное поведение служит целям упрочения связей либо между постоянными членами групп, либо во взаимодействии между группами, снимая напряжение, недоверчивость и повышая уровень коммуникативности.

Любые ритуалы, обычаи и традиции в своей основе отражают жизнь той или иной группы людей, а возникают они как результат эмпирического и духовного познания окружающей действительности. Другими словами, обычаи, традиции и ритуалы – это те ценные жемчужины в океане жизни народа, которые являются результатом практического и духовного постижения реальности. Исследуя корни какой бы то ни было традиции или обычая, как правило, приходим к выводу, что она жизненно оправдана и за формой, подчас кажущейся претенциозной и архаичной, скрывается живое рациональное зерно. Обычаи и традиции любого народа, это его «приданое» при вступлении в огромную семью человечества, живущего на планете Земля. Каждый этнос своим существованием обогащает её и совершенствует.

Традиции – это элементы социального и культурного наследия, передающиеся из поколения в поколение и сохраняющиеся в определенном сообществе в течение длительного времени. А вот какое определение традициям даёт, к примеру, И. В. Суханов: «Традиции – это не регламентируемые юридическими установлениями, поддерживаемые силой общественного мнения формы передачи новым поколениям способов реализации сложившихся в жизни данного класса, общества идеологических отношений (политических, нравственных религиозных, эстетических)» [2, с. 86]. Конечная цель традиций сводится к тому, чтобы ввести деятельность нового поколения в то русло, по которому развивалась деятельность старших поколений, считает И. В. Суханов. Можно согласиться с этим мнением, ведь наши предки не зря передавали традиции, скажем, земледелия из поколения в поколение, чтобы сыновья не повторяли ошибок, сделанных отцами, но мы почему-то считаем, что по традиции должны всё делать так, как делали наши предки, и это глубоко неправильное мнение. Ведь если повторять пройденное, то прогресс остановится. Поэтому человечество вносило и вносит что-то новое в то, чем занимались предыдущие поколения. Между тем предыдущему поколению трудно передать весь социально накопленный опыт, ведь деятельность, связанная с традициями, настолько многогранна, что поколение старается направлять развитие в русле этих традиций, а не следуя в точности по стопам отцов. То есть традиция не детально регламентирует поведение в конкретных ситуациях, а решает задачу через регламентацию норм мировосприятия, необходимых для правильного, с точки зре-

ния данных индивида, группы, общества, поведения в той или иной сфере общественной или личной жизни.

Традиции и ритуалы передают, закрепляют и поддерживают разнообразный социальный опыт, и тем самым осуществляется духовная связь поколений. Традиции выполняют две социальные функции: являются средством стабилизации утвердившихся в данном обществе отношений и осуществляют воспроизводство этих отношений в жизни новых поколений. Эти функции традиция осуществляет следующим путём: традиции обращены к духовному миру человека, они выполняют роль средств стабилизации и воспроизводства общественных отношений не непосредственно, а через формирование духовных качеств, требуемых этими отношениями. Идейным содержанием, формулой традиции выступает непосредственно норма или принцип поведения. Последние, в отличие от правил, не дают детальных предписаний поступка. Они указывают направление поведения.

Любое общество (или отдельная социальная группа) должно упорядочивать отношения в своей среде, ослаблять тенденции, ведущие к разладу и произволу, устранять влияние стихийных настроений. Оно должно также согласовывать действия отдельных личностей и групп, приводить их в соответствие с общими интересами данного общества. Наведение порядка может быть достигнуто через насилие и принуждение, через политическое, идеологическое и психологическое манипулирование обществом, что выходит за рамки собственно культуры и влечет за собой ответную психологическую реакцию отторжения источника такого принуждения. Разоблачение манипулирования ведет к росту недоверия, двоемыслия и цинизма, что также разрушает социальное взаимодействие. Поэтому устойчивое и действенное регулирование отношений достигается через нормы, которые обеспечивают добровольное и сознательное сотрудничество людей, опираются на внутренние мотивы и потребности, соответствующие общественно одобряемым целям, стимулируют устойчивые отношения в коллективе, опирающиеся на привычные ожидания.

Функция нормы состоит в том, чтобы исключить влияние случайных, чисто субъективных мотивов и обстоятельств, психологических состояний, обеспечить надежность, предсказуемость, стандартность и общепонятность поведения. Норма формирует ожидаемое поведение, понятное окружающим людям.

Содержательная сторона норм определяется целями той конкретной сферы деятельности, к которой они относятся. При этом различные виды деятельности нормированы не в одинаковой степени, а содержание и способы нормирования различны в разных культурах. В сфере производства действуют технические нормы, обусловленные практическими интересами, устройством машин, свойством материалов. Сфера взаимоотношений между гражданами и социальными институтами регулируется юридическими нормами. В большинстве культур существуют довольно строгие нормы, касающиеся приема алкоголя и наркотиков, которые, правда, стираются в условиях городской массовой культуры. Нет обществ, в которых отсутствовали бы нормы, регулирующие сексуальные отношения. Более того, нет данных, указывающих, что такие общества вообще когда-либо существовали. Не произволен и выбор одежды. Допустимая степень обнаженности – объект строгого нормирования. Общество не безразлично к форме прически, длине волос, бороды, к манере ходить, говорить, пожимать руку, смеяться, смотреть на другого человека.

Традиции, по своей сути, не имеют жёсткой связи с конкретным действием в определённой ситуации, поскольку те духовные качества, которые прививает нам традиция, необходимы для любых конкретных действий и реализация этих действий не самоцель, а лишь средство для формирования духовного облика человека.

Традиции также производят и воспитательное действие на человека, они формируют сложные привычки – определённую направленность поведения. Сложная привычка – это активная форма отражения требований жизни; в любой ситуации, имеющей к ней отношение, она в границах утверждаемой ею направленности поведения предоставляет человеку свободу выбора конкретного поступка [2, с. 103]. На основе сложной привычки всегда имеется возможность импровизировать поведение. Традиции как массовые сложные привычки ориентируют поведение не только в утвердившихся отношениях, но и в тех их новых вариантах, которые возникают неожиданно, резко отличаясь от привычного.

Традиция прямо и непосредственно устанавливает связь между действиями и духовными качествами. Причём очень важно, что в этой связи духовное качество всегда становится в положение причины соответствующего действия. Например, кто-то неизменно держит данное им слово, точно выполняет данные им обязательства. Причину такого поведения мы усматриваем в порядочности, обязательности человека. Действия в традиции подчинены сознательной цели воспитания. «Покажи мне, – гласит индийская пословица, – как ты воспитываешь детей, и я скажу, что у тебя на уме».

Традиция – это самый ранний способ обеспечения единства поколений и целостности субъектов культуры. Традиция не допускает какого-либо логического опосредования и не нуждается в рациональных доказательствах для существования и законности.

Традиционные формы деятельности и поведения ориентированы не на достижения определённой цели, а на повторения заданного образца или стереотипа, в этом смысле традиция обеспечивает устойчивость любого социума. Преклонение перед традицией её культуры – это характерная черта таких обществ и культур, которые различаются традиционными чертами культур, и в наибольшей степени ими обладают первобытные, азиатские и патриархальные социальные формы. Их особенностью является нетерпимость ко всяким новшествам в механизме традиций, а также сохранение и укрепление соответственного общественного порядка, нетерпимость даже к малейшим проявлениям индивидуализма и духовной самостоятельности. Восточные корпорации представляют собой некий символ стабильности и традиционности уже на протяжении достаточно длительного времени. Весь восточный уклад жизни с его яркой характерной традиционностью отразился на основе работы этих предприятий. Иллюстрацией вышеизложенному является сам факт наличия корпоративных кладбищ у подобных организаций, что отдаёт дань традиционной приверженности восточного человека к одной компании, одному коллективу, одной сфере деятельности. Характерной особенностью традиционных культур является их так называемый антиисторизм, отрицание возможности исторического развития и какого-либо изменения вообще. Время в традиционных обществах как бы свёрнуто в кольцо, т. е. происходит вращение по кругу.

Хотя в качестве основного регулятора поведения традиция выступает лишь в архаичных этнографических обществах, в устойчивой бытовой среде, инертных социальных

группах, она присутствует и на всех более продвинутых ступенях. Социально-признанные образцы складываются в традиции, по которым накопленный опыт передается из поколения в поколение и от индивида к индивиду. К традициям можно отнести и специфические трудовые приемы, и формы поведения, жизненного уклада, воспитания. В повседневной жизни действуют привычные правила гигиены, сложившиеся варианты общесуществования. Традицией регулируются часы и условия приема пищи и сна. Выбор пищи диктуется отнюдь не только потребностями организма. В России, например, не принято есть змей, собак, лягушек, кошек. Индусы не едят говядины, а мусульмане свинины. В обществах с традиционной кочевой культурой употребляют в пищу конину. Выбор в данном случае обусловлен не питательностью пищи, а традициями. При входе в жилище европеец первым делом непременно снимает головной убор, восточный человек прежде всего вспоминает об обуви. Не всегда можно прямо соотнести то и другое с ситуацией, но такова традиция. Традиции общепризнанны и утверждены властью массовой привычки. Они большей частью не получают объяснения и могут не осознаваться самими членами коллектива. На вопрос «Почему вы так поступаете?» они отвечают: «Так принято».

Традиции играют немалую роль в воспитании, способствуя приобщению к культуре ребенка или же взрослого человека в инокультурной среде. Включение в культурную деятельность в данном случае сводится к знакомству с определенными образцами: «Поступай так, как поступает такой-то взрослый или окружающие». Суть поведения не объясняют, а просто знакомят с традицией, которая выполняет функцию обязательного для исполнения образца поведения. Образец может быть положительным (так надо поступать) или отрицательным (так не надо поступать). Традиция может выступать как решительное вмешательство в жизнь индивида, резко поворачивающее его естественную или привычную жизнь. В некоторых племенных культурах принято подвергать юношей и девушек по достижении определенного возраста суровым испытаниям – инициациям, пройдя через которые они должны преодолеть свою прежнюю детскость и только после этого могут быть допущены в мир взрослых. Подобными церемониями, как правило, обставляется и бракосочетание, после которого молодожены утрачивают некоторые вольности, но приобретают и новые права [3].

Традиции, формируемые на протяжении жизни многих поколений, являются не только и не столько четким указанием к действию, правилом или тем более законом, а представляют собой напутствие, призыв к тому или иному поведению, обусловленный накопленным опытом. Таким образом, традиция становится неким духовным руководством, иррациональной мотивацией, сформированной в обществе на базисе его культурного наследия.

В то же время традиция имеет также и материальное отражение – ритуал. В данном случае ритуал становится действием, формой реализации заложенного в индивида традиционного «плана действий». Формирование традиций идет в неразрывной связи с формированием ритуальной формы их материального воплощения.

Ритуал – это неотъемлемое и важное средство организации общественной жизни. Ритуалы – прежде всего это видимое действие лица или лиц, призывающих всех, кто присутствует, обратить внимание на какое-либо явление или факт и не только обратить внимание, но и выразить определенное эмоциональное отношение, содействовать общественному настрою. При этом обязательны некоторые принципы: во-первых, общепринятая ус-

ловность действия; во-вторых, общественная значимость явления или факта, на котором концентрируется ритуал; в-третьих, его особая цель.

Ритуал призван создать единый психологический настрой в группе людей, вызвать их к активному сопереживанию или признанию факта или явления. В чем и как выражается это психологическое переживание, зависит от конкретной цели.

Любое действие или текст в ритуале приобретает специфическое значение. Даже прямой текст, употребляемый в ритуале, несет не тот смысл, который был бы свойственен этому же тексту вне ритуала.

Однако красота многих форм ритуального поведения не может служить объяснением ценности ритуального поведения вообще. Ритуал ценен своим соответствием особым потребностям социального человека.

Ритуальность поведения создает некую всеобщность целей, стоящих над «естественными» целями отдельных индивидов, и тем самым, не подавляя их свободы, обеспечивает нужную степень предсказуемости событий. Если мы уверены, что те, с кем нам приходится общаться, считают самоценным поддержание неких норм вежливости, то этим уже сильно облегчается наше общение. И при этом уже гарантируется некоторая свобода и нужная степень предсказуемости чужого поведения.

Ритуальная культура является неотъемлемой составляющей общественной культуры. Ее существование и развитие является отражением существующего общества, показывает вектор его эволюции и дает возможность формулировать прогнозы дальнейшей судьбы этого общества.

Традиция и ритуал как формы воплощения и отражения ритуальной культуры не могут существовать без субъектов – носителей традиций, обычаев, ритуалов, нравов и норм. Субъектами ритуальной культуры, базисом, на котором происходит развитие общества, являются не только отдельно взятые индивиды; носителями, трансляторами и регуляторами традиций и ритуалов выступают общности людей, такие как семья, род, поколение, или даже организации, компании, корпорации.

Семья как социокультурный феномен достаточно редко становится объектом исследования ученых и философов. Однако в рамках рассмотрения ритуальной культуры она является одним из основных носителей традиций и ритуалов, которые формировались в обществе на различных стадиях его развития и продолжают влиять на процессы, протекающие в нем, и сегодня.

Семья – один из основных социальных институтов – опирается в процессе выполнения своей социализирующей функции в том числе и на традиционно-ритуальную культурную составляющую. Формирование и ретрансляция семейных традиций, таких как рождение ребенка, вступление в брак, совместное времяпрепровождение, празднование юбилеев, разделение домашних обязанностей и т. д., а соответственно, и реализующих их ритуалов, происходит уже на протяжении многих поколений и веков. Семья, таким образом, с одной стороны, является одним из наиболее традиционалистских социальных институтов. Однако в то же время основные изменения уклада жизни в обществе в первую очередь затрагивают внутрисемейные отношения и тем самым вступают во взаимодействие (как разрушительное, так и созидательное) с семейными традициями.

Несмотря на то, что в условиях социальной нестабильности нашего времени современная семья не может претендовать на ту роль, которую она играла в традиционных обществах, ее значение в процессе социализации личности, а также накопления и ретрансляции накопленного социального опыта и традиций остается чрезвычайно высоким.

Список литературы

1. Батищев Г. С. Социальные связи человека в культуре // Культура, человек и картина мира. М.: Наука, 1987.
2. Суханов И. В. Обычаи, традиции, преемственность поколений. М.: Наука, 1976.
3. Ахметова С. А., Беляев В. А., Большаков А. Г. Социология / Под ред. С. А. Ерофеева, Л. Р. Низамовой; Казан. гос. ун-т. 2-е изд., перераб. и доп. Казань, 2001.

A. V. Danilov

RITUAL CULTURE AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

The article is devoted to questions of development of culture in the beginning of XXI century. The author addresses to a question of formation and development of ritual culture at the present stage of evolution of a society. The special attention is given to such concepts as tradition and ritual, considered as the basic forms of ritual culture.

Culture, society, tradition, ritual, family

УДК 16:113/119

А. Ф. Иванов

ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА ИСТОРИЧЕСКОГО И ЛОГИЧЕСКОГО В СОВРЕМЕННЫХ КОСМОГЕНИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ

Философско-методологический анализ проблемы логической реконструкции реального процесса эволюции космических систем, в первую очередь – Солнечной (планетной) системы. Показано, что развитие космогонии в XX столетии связано с выходом за пределы механической формы движения материи и установлением более фундаментальных законов природы. Отмечается тот факт, что сегодня в научном познании идея развития приобретает статус мировоззренческого и методологического принципа, что обусловлено переходом от моделей локального космогенеза к моделям глобального космогенеза.

Космогенез, развитие, эволюция, космология, космогония, актуализм, единство исторического и логического, методология научного познания

Естественно-научный подход к проблеме космогенеза зародился во второй половине XVIII в., реализовавшись в небулярной гипотезе происхождения Солнечной системы Канта–Лапласа. Однако последующие попытки количественной интерпретации этой гипотезы в XIX в. выявили целый ряд ее недостатков. Стало ясным, что построить даже концепцию локального космогенеза (хотя бы в рамках планетной системы) на основе классической механики невозможно без порождения глубоких противоречий. Действительно, небулярная гипотеза Канта–Лапласа несет в себе такое противоречие. Дело в том, что «момент количества движения есть одна из важнейших характеристик всякой изолированной от внешнего мира механической системы» [1, с. 115]. Из гипотезы Канта–Лапласа следует, что момент количества движения Солнца должен быть значительно больше, чем у сово-

купности планет и их спутников. Но этот вывод противоречит фактическому распределению момента количества движения: Солнце – 2 %, планеты – 98 %. В рамках гипотезы Канта–Лапласа это противоречие непреодолимо.

Дальнейшее развитие астрономии и физики, главным образом в XX в., показало путь преодоления ограниченности механистической космогонии. Во-первых, необходимо было выйти за рамки классической механики, т. е. установить более глубокие фундаментальные закономерности развития материи. Во-вторых, перейти от моделей локального космогенеза к моделям глобальной эволюции Вселенной как целого. Именно таким образом и развивалась космогония. С одной стороны, была создана новая научная картина мира, основанная на теории относительности А. Эйнштейна и квантовой механике. С другой стороны, выдвигались новые концепции локального космогенеза – происхождения планетной системы, но который понимался как часть более общей звездной эволюции. Такое движение космогонической теории связано с отказом от рассмотрения локальной космической структуры, каковой является планетная система, в качестве изолированной системы. Это обстоятельство достаточно четко проявляется в космогонических гипотезах происхождения Солнечной системы, выдвинутых в XX столетии.

Одной из первых была создана космогоническая гипотеза Джеймса Хопвуда Джинса (1877–1946). В работах Джинса обращает на себя внимание то обстоятельство, что идея глобального космогенеза (естественно, в том виде, в каком она присутствует у него, – надо иметь в виду, что Джинс был одним из пионеров в этой области) теснейшим образом сопряжена с формированием новой научной картины мира, в основе которой лежит теория относительности Эйнштейна.

Анализируя новые физические закономерности, отраженные в теории относительности, английский астрофизик, строя образ Вселенной, приходит к однозначному выводу, что Вселенная неустойчива, следовательно, она нестабильна [2, с. 136]. Можно сказать, что идея развития для Джинса является исходной посылкой исследования Вселенной. Он нисколько не сомневается в том, что Вселенная постоянно меняется [3, р. 2].

Как уже не раз отмечалось ранее, исследование предмета с точки зрения его развития с необходимостью генерирует методологическую проблему единства исторического и логического. Эта закономерность познания в полной мере проявилась и в исследованиях Джинса. Интересно, что английский ученый вполне сознательно придерживается принципа единства истории и логики, в соответствии с которым он строит свою модель Вселенной. Задача астрономии, как полагает Джинс, состоит в простом описании Вселенной. Другая наука – космогония – изучает те изменения, которые производит в космических телах игра природных сил: она (космогония) пытается всмотреться в их прошлое и предвидеть их будущее, всегда следуя при этом принципу, «что законы природы формируют настоящее из прошлого, и точно таким же способом будут создавать будущее из настоящего» [3, р. 2]. Между астрономией и космогонией, по мнению Джинса, находится третья наука – космическая физика (которую правильнее было бы назвать космологией. – А. И.), задачей которой является добывание необходимой информации о физической природе и структуре астрономических тел, главным образом космической материи, посредством дедукции из наблюдений астронома [3, р. 2]. Таким образом, согласно Джинсу, теория (мо-

дель) развивающейся Вселенной должна строиться следующим образом: описание, которое дает наблюдательная астрономия, объяснение, являющееся задачей космической физики (космологии), логическая реконструкция прошлого и будущего, что является основной задачей космогонии [3, р. 2].

Переводя на язык философии, эпистемическая цепочка, построенная английским астрофизиком, трансформируется в такую: явление, от него – к сущности (вместе взятые, они дают единство онтологического и логического), и затем – к логической реконструкции исторического становления явления на основе его сущности (что означает переход от единства онтологического и логического к единству исторического и логического).

Как видно, схема построения теории, предложенная Джинсом, та же, что и у Лапласа, с той лишь разницей, что у последнего объектом логической реконструкции выступает процесс происхождения Солнечной системы, а у Джинса объектом является целая Метагалактика, включающая в себя несколько «последовательных поколений астрономических тел», как он сам определяет. Характерен и тот факт, что данные наблюдательной астрономии излагаются Дж. Джинсом в том порядке, в каком они были получены в истории этой науки, а именно: Солнечная система, ближние звезды, дальние звезды, галактическая система, Большие туманности, внегалактические туманности. Такой ход мыслей Джинса опять же продиктован одним из требований единства исторического и логического – единством истории теории и логики развертывания этой теории. В другой своей работе, посвященной тем же проблемам, Джинс вполне отчетливо формулирует это требование: «Порядок нашего изложения должен отображать постепенное увеличение расстояний в науке о небесных светилах», т. е. «описание будет следовать в общем хронологическому порядку вещей» [4, с. 27]. Иначе говоря, описание астрономических объектов должно соответствовать той исторической последовательности, в какой открывались и изучались все более масштабные космические структуры, образующие Вселенную. Как следствие, в процессе изложения Джинсом своей космогонической концепции происхождения Солнечной системы воспроизводится определенное отношение его теории, которая, в данном случае, является теорией в самой развитой своей фазе, к предшествующим ей теориям Канта–Лапласа и Мультона–Чемберлина [3, р. 396–400]. Здесь реализован тот аспект единства исторического и логического, который определяется отношением истории теории исследуемого объекта и теории того же объекта в самой развитой ее фазе.

Завершив описание явления – наблюдаемой Вселенной, Джинс формулирует целый ряд вопросов, ответы на которые должны раскрыть сущность физических процессов, протекающих в звездах, их скоплениях, в галактиках, в конечном счете, во всей Метагалактике. То есть, по мысли Джинса, следующим за описанием явления шагом в познании предмета должно быть раскрытие сущности этого предмета. Однако это будет абстрактное определение сущности предмета, воплощающееся в единстве явления и сущности, которая обнаруживает себя в этом явлении, потому что это единство взято безотносительно к процессу становления этого единства. Другими словами, будет достигнуто единство онтологического и логического. «И после всего, – продолжает Джинс, – неясно вырисовывается самый фундаментальный вопрос: какие изменения имеют место в этой сложной системе астрономических тел (имеется в виду наблюдаемая часть Вселенной – *А. И.*), как они воз-

ники, и каков будет их конец?» [3, р. 29]. Такими словами английский ученый формулирует проблему глобального космогенеза. Здесь также отчетливо проявляется действие принципа исторического и логического в движении космолого-космогонического знания: только после выяснения вопроса о том, что есть исследуемый предмет с точки зрения его настоящего состояния, исследователь может и даже должен задаться вопросом о его генезисе и развитии и далее, по возможности, найти ответ на этот вопрос, т. е. предпринять логическую реконструкцию истории предмета.

В процессе дальнейшего изложения своей теории Вселенной Джинс достаточно строго придерживается намеченной им в самом начале схемы: явление – сущность – генезис явления. Примечателен тот факт, что отправным пунктом при выяснении закономерностей космических объектов в исследованиях Джинса выступают звезды. Такой ход теоретических построений английского ученого отнюдь не случаен. Дело в том, что звезды и их скопления являются самыми распространенными объектами в космическом пространстве. Это, во-первых. Во-вторых, как установила современная астрофизическая теория, 90,0–99,9 % массы галактик приходится на звезды [5, с. 332]. В-третьих, именно звезды являются теми гигантскими машинами, которые «перерабатывают» первичный материал Вселенной (сильно ионизированный водородно-гелиевый газ) в более богатую смесь химических элементов, в которую помимо водорода и гелия входят такие элементы как углерод, кислород, азот и др. Без этих элементов невозможно возникновение Солнца (наше светило относится ко второму поколению звезд, которые формируются из этой смеси), планет, тем более самой жизни на Земле [5, с. 333]. В свою очередь, эволюция звезд не может быть объяснена вне природы и генезиса галактик (туманностей), а эволюция последних – вне генезиса Вселенной как целого. Таким способом Джинс решает проблему начала логической реконструкции эволюции Вселенной и отдельных ее составляющих. Отсюда вытекает последовательность построения космогонической теории: восхождение от локального космогенеза к более общему процессу космообразования (соответственно, к той космической структуре, которая формируется в рамках этого процесса), вплоть до глобального космогенеза – эволюции Вселенной как целого. Здесь отчетливо прослеживается идея необходимости перехода к рассмотрению проблемы локального космогенеза в рамках проблемы глобального космогенеза.

Итак, проанализировав эволюцию звезд, их скоплений, туманностей, Джинс приступает к исследованию происхождения Солнечной системы. Джинс замечает, что с самого начала возникновения космогонии ее целью было установить, как образовалась Солнечная система. Однако нигде мы не встречали что-либо, имеющее сходство с ней. Отсюда вытекает вся сложность проблемы космогенеза Солнца и семьи планет, обращающейся вокруг него [3, р. 395]. Дело в том, что мы наблюдаем планетную систему во всех подробностях в единственном числе, поэтому при ее изучении не можем применять статистические методы исследования, метод сравнения и ряд других, по крайней мере, на современном этапе развития наблюдательной астрономии. В этом смысле проблема происхождения Солнечной системы стоит в одном ряду с проблемой генезиса всей нашей Вселенной в целом, так как и здесь нет возможности сравнить, сопоставить одно с другим. Учитывая все это, можно сделать вывод, что решение проблемы локального космогенеза – происхождения

Солнечной системы – в методологическом плане, в конечном счете, зависит от проблемы глобального космогенеза – происхождения и эволюции нашей Вселенной.

Изложение своей космогонической концепции происхождения планетной системы Джинс начинает с критического обзора двух предшествующих гипотез: небулярной гипотезы Лапласа и «планетезимальной» гипотезы Мультона–Чемберлина [3, р. 396–400]. Уже отмечалось, что камнем преткновения для концепции Канта–Лапласа была проблема распределения момента количества движения между Солнцем и планетами. Другое непреодолимое препятствие для всех «небулярных» гипотез состояло в том, что горячий газ первичной туманности не может сгуститься в планеты, даже если он расслоится на кольца. Такой газ обязательно рассеется [6, с. 241].

Дальнейший импульс в своем развитии научная космогония получила в результате отказа от интерпретации планетной системы как изолированной. В связи с этим поиск путей устранения указанных противоречий (прежде всего первого из них) стал вестись на основе идеи взаимодействия Солнца с внешним телом, например со звездой, как это предполагали авторы «планетезимальной» гипотезы. Эта же идея была положена в основу и других космогонических концепций происхождения планетной системы (К. Брауна, С. Аррениуса), которые можно отнести к одной группе – катастрофических, уходящих своими корнями к гипотезе Бюффона. Однако все эти гипотезы, в том числе и гипотеза Мультона–Чемберлина, не в состоянии выдержать испытание математическим анализом и объяснить – самые характерные особенности строения Солнечной системы [3, р. 399–400].

Учтя ошибки предшественников, в 1916 г. Джинс выдвинул свою приливную гипотезу. Суть ее состоит в том, что в прошлом имела место локальная катастрофа: тесное сближение двух звезд – Солнца и другой звезды. В результате такого взаимодействия из нашего светила под действием приливной силы произошел выброс огромной массы вещества, из которого впоследствии образовались планеты и их спутники. На первый взгляд кажется, что в джинсовской концепции космогенеза планетной системы устранены основные противоречия предшествовавших ей космогонических гипотез. Тем не менее, дальнейшая количественная интерпретация его космогонии Солнечной системы показала, что проблема распределения момента количества движения решена Джинсом искусственным образом. Впервые на это обстоятельство указал Г. Н. Рессел (1935). В сороковые годы советский ученый Н. Н. Парийский подтвердил соображения Рессела подробными математическими расчетами [7, с. 93–94]. К тому же, как выяснилось позже, в реальных условиях нашей галактики такое тесное сближение звезд, как это предполагал Джинс, представляется маловероятным. Да и «с теоретической точки зрения предположение о тесном сближении выглядит очень искусственным. Существенно также, что условия для конденсации в выброшенной из Солнца струе, по-видимому, неблагоприятны, и ее вещество должно скорее рассеяться, чем собраться в сгустки» [5, с. 351–352].

В джинсовской гипотезе происхождения Солнечной системы помимо указанных естественно-научных недостатков наличествует также изъян философского характера. Речь идет об изрядной доле случайности, лежащей в основании его приливной теории. В связи с этим логическая реконструкция действительного исторического процесса оказывается существенным образом затруднена. И даже если удалось построить правдоподобную ло-

гическую модель истории объекта, то происходит это не без постулирования некоторого или некоторых положений спекулятивного свойства. Таким образом, в естественно-научном мышлении проявляется натурфилософский рецидив.

Подытоживая свои космолого-космогонические исследования, Джинс делает вывод принципиальной важности: «Мы обнаружили, – пишет он, – что гравитационная неустойчивость объясняет рождение четырех последовательных поколений астрономических тел: туманностей из хаоса, звезд из туманностей, планет из звезд и спутников из планет. Наш вывод, что эти последовательные поколения рождаются посредством гравитационной неустойчивости, не требует никаких предположений сверх того, что имеются силы, о которых уже известно, что они существуют, а именно гравитация и давление газа (аналоги, соответственно, притяжения и отталкивания в гипотезе Канта. – *А. И.*); он также выдерживает в каждом шаге проверку цифровыми вычислениями» [3, р. 416]. Из приведенного отрывка явствует, что Джинс пытается построить свою концепцию глобального космогенеза, включая все процессы космообразования локального масштаба, на основе действия одного фактора – гравитационной неустойчивости. «Принцип гравитационной неустойчивости» английский ученый сформулировал на основе механики Ньютона [3, р. 351–353]. Вывод об универсальности этого фактора процесса космообразования базируется на одной из исходных посылок джинсовской методологии – постулирования инвариантности законов природы, т. е. на принципе абсолютного актуализма. Закон всемирного тяготения, по мнению Джинса, действует одинаково как в начальные времена Вселенной, так и в современную эпоху [2, с. 136].

Более общая формулировка принципа актуализма дана Джинсом в «Астрономии и космогонии»: «Законы природы формируют настоящее из прошлого и точно таким же способом будут создавать будущее из настоящего» [3, р. 2]. Таким образом, оказывается, что Джинс пытается решить проблему как локального, так и глобального космогенеза на основе классической механики.

Последующее развитие космогонической теории показало, что гравитационная неустойчивость имеет локальный характер (и в этом смысле она действительно играет важную роль в процессе космогенеза, например, таких космических структур как звезды и галактики) [5, с. 101–117] и является важным фактором космоэволюции в эпоху после рекомбинации, т. е. в современную эпоху развития Вселенной [5, с. 187–190]. Из вышеизложенного со всей очевидностью вытекает вывод, что при решении проблемы космогенеза Джинсу не удалось выйти за рамки классической механики.

Относительно реализации принципа единства исторического и логического в джинсовской космогонии можно сказать, что, как и в космогонической гипотезе Лапласа, английский астрофизик не сумел преодолеть ограниченность закрытого типа их единства, что определяется, в первую очередь, постулированием принципа инвариантности законов природы (абсолютный актуализм). Плюс ко всему английскому ученому не удалось также выйти за пределы механической формы движения материи, в границах которой он пытался решить проблему космогенеза. Здесь будет небезынтересно отметить, что Джинс при построении своей модели Вселенной опирался уже на новую картину мира, в основе которой лежит теория относительности А. Эйнштейна и квантовая механика. Однако он не сумел понять их значение для решения про-

блемы космообразования. Отчасти Джинса можно оправдать тем, что новая картина мира еще не была разработана столь детально, как ньютоновская, чтобы с ее помощью можно было решить старые и новые вопросы науки о Вселенной.

Последующие шаги планетной космогонии со всей очевидностью продемонстрировали комплексный характер основной проблемы этой отрасли естествознания. Стало ясно, что одними лишь средствами механики проблема космогенеза не может быть решена.

В этом отношении заслуживает внимания подход к проблеме происхождения Солнечной системы советского математика и геофизика О. Ю. Шмидта (1891–1956). «Исторически возникнув в недрах астрономии, планетная космогония является проблемой, лежащей на стыке многих наук, комплексной проблемой астрономических дисциплин и наук о Земле, – писал он в своих знаменитых лекциях о теории происхождения Земли. – С астрофизикой и другими разделами астрономии наша проблема связана, в частности, через состояние материи, предшествовавшее образованию планет, с геофизикой и геологией она связана своим конечным результатом» [8, с. 26–27]. О. Ю. Шмидт совершенно прав, говоря о том, что было бы неверно отнести проблему происхождения планетной системы исключительно к области астрономии. Современное состояние Земли связано с ее прошлым состоянием законами развития. Поэтому космогония при решении своей основной задачи должна учитывать данные таких наук как геофизика, геология, геохимия [9, с. 112]. Сюда же примыкают рассуждения Шмидта относительно роли физики и механики в решении космогонических вопросов. «Важнейшие процессы эволюции материи относятся к области физики, а не механики – образование атомов из элементарных частиц, образование звезд, излучение ими света в результате внутриядерных процессов, обратное превращение фотонов в частицы вещества, – все это явления физики, в которых тяготение есть не только одна из сил, и не главенствующая. Образование малых твердых частиц, играющих такую роль в нашей теории, происходит по закону оседания капель из пара и их слипания, где первоначально преобладают электрические силы. Но когда тело достигло известных размеров, то сила тяготения начинает преобладать...» [9, с. 111]. Только механическая форма движения материи становится преобладающей, следовательно, только этот этап космогенеза планетной системы может быть реконструирован с помощью механики.

Из вышеизложенных соображений российского ученого вытекает принципиально важный в методологическом отношении вывод: развивается не только предмет исследования, но и законы его эволюции. Таким образом, уже осознание комплексного характера проблемы локального космогенеза – происхождения планетной системы, не говоря даже о проблеме глобального космогенеза, открывает возможность реализовать открытый тип тождества единства исторического и логического. Только в этом случае эволюционирующая система рассматривается как открытая (в смысле допустимости перехода закономерностей одного рода в закономерности другого, т. е. переход одной формы движения материи в другую); при этом теоретическая модель учитывает действие многих факторов процесса эволюции изучаемого предмета, каждый из которых играет доминирующую роль на конкретной, строго ограниченной во времени, стадии развития этого предмета.

Несмотря на плодотворность подхода О. Ю. Шмидта к проблеме происхождения Солнечной системы, его гипотеза, как и предыдущие, не смогла преодолеть трудностей с кон-

денсацией газово-пылевого облака в планеты и их спутники, а также с распределением момента количества движения между компонентами системы [5, с. 352].

Проблема космогенеза планетной системы не нашла своего общепринятого решения до сих пор. Тем не менее, в методологическом плане современная планетарная космогония явно отдает предпочтение комплексному подходу О. Ю. Шмидта. Поиск решения этой проблемы идет в именно им указанном направлении. На Международном симпозиуме по происхождению Солнечной системы, проходившем в апреле 1972 г. во Франции, также было указано на комплексный характер проблемы: «С большой степенью уверенности можно утверждать, что мы постепенно выясняем, какие фундаментальные физические процессы должны были играть роль в возникновении Солнечной системы. Но мы еще очень далеки от понимания того, как эти процессы взаимодействовали между собой» [1, с. 33]. Здесь речь идет о том, что действительное историческое развитие планетной системы может быть реконструировано только с учетом действия многих факторов, каждый из которых предполагает определенного рода закономерности, т. е. логическое. Таким образом, оказывается, что построение концепции космогенеза планетной системы означает решение вопроса о временной последовательности этих закономерностей друг за другом, т. е. решение вопроса о собственной эволюции сущности, лежащей в основе такого явления универсума как планетная система. В результате, будет достигнуто конкретное тождество исторического и логического, причем будет реализован открытый тип этого тождества.

Современная планетарная космогония вполне отчетливо осознает связь своей главной проблемы – раскрыть историю Солнечной системы – с проблемой глобального космогенеза, тем самым, дополняя подход О. Ю. Шмидта одним из составляющих подхода к проблеме локального космогенеза (необязательно планетной системы) Джинса: объяснение процесса локального космогенеза через призму более общего космогонического процесса вплоть до глобальной эволюции всей Вселенной как целого. Дело в том, что для решения проблемы происхождения и развития планетной системы особое значение имеет знание закономерностей эволюции звезд и галактик. Последние, в свою очередь, предполагают изучение эволюционных процессов в масштабах Вселенной в целом. В итоге, проблема космогенеза приобретает глобальный характер, а идея развития трансформируется в один из базовых мировоззренческих и методологических принципов научного познания [10, с. 3–6].

Список литературы

1. Происхождение Солнечной системы / Под ред. Х. Ривса // Тез. докл. междунар. симпоз., Ницца, 3–7 апреля 1972 г. М.: Наука, 1976.
2. Джинс Дж. Г. Движение миров / Пер. с англ. М.: ГТТИ, 1933.
3. Jeans J. H. Astronomy and cosmogony. Cambridge: Univ. press, 1929.
4. Джинс Дж. Вселенная вокруг нас / Пер. с англ. М.–Л.: ГТТИ, 1932.
5. Гуревич Л. Э., Чернин А. Д. Введение в космогонию: Происхождение крупномасштабной структуры Вселенной. М.: Наука, 1978.
6. Воронцов-Вельяминов Б. А. Лаплас. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1985.
7. Козенко А. В. Джеймс Хопвуд Джинс. 1877–1946. М.: Наука, 1985.
8. Шмидт О. Ю. Четыре лекции о теории происхождения Земли. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
9. Шмидт О. Ю. Избранные труды: Геофизика и космогония. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

10. Иванов А. Ф. Принцип развития в современной космологии: некоторые особенности и следствия // Изв. СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Сер. Гуманитарные и социально-экономические науки. 2000. № 1.

A. F. Ivanov

UNITY PROBLEM OF HISTORICAL AND LOGICAL IN MODERN COSMOGONIC MODELS

The philosophical and methodological analysis of a problem of logic reconstruction of real processes of evolution of space systems, first of all – Solar (planetary) system. It is shown, that the development of cosmogony in the XX century is connected with the over the limits of the mechanical form of a matter movement and establishment of more fundamental laws of nature. The fact is marked, that today the idea of the development gets the status world visional and methodological principle in scientific knowledge that is determined by transition from models of local Cosmogonesis to models of global Cosmogonesis.

Cosmogonesis, development, evolution, cosmology, cosmogony, principle of the actualism, unity of historical and logical, methodology of scientific knowledge

УДК 316.3

А. В. Ильин

ТЕЛЕРАБОТА КАК НОВАЯ ФОРМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассматривается феномен телеработы как явление, характерное для эпохи информационного общества, представлен анализ факторов, способствующих и препятствующих распространению телеработы, и последствий этого явления как для индивида, так и для общества в целом на примере стран Запада. Отдельное внимание уделяется перспективам развития телеработы в России.

Телеработа, надомная работа, дистанционная работа, телекомьютинг, электронный коттедж, гибкое рабочее место, телецентр, информационная технология, постиндустриализм, информационное общество

Мир стоит на пороге грандиозных социальных перемен, технических и культурных нововведений. Глубинное и поразительное по своим следствиям развертывание потенциала техники оказывает воздействие на все стороны социальной жизни. Меняется содержание труда, возрастает его производительность. Существенные преобразования происходят во всем строе культуры и современной цивилизации. Технологические новшества оказывают влияние на социальную структуру общества. По существу, рождается новый цивилизационный уклад, в котором сфера труда будет принципиально иной. В предлагаемой статье рассматривается телеработа как явление, характерное для эпохи информационного общества, представлен анализ факторов, способствующих и препятствующих распространению телеработы, и последствий этого явления как для индивида, так и для общества в целом.

Современные достижения в информационной сфере носят поистине революционный характер и создают предпосылки для движения к совершенно новому типу общества XXI века – информационному, обществу знания. Информационное общество – социологическая и футурологическая концепция, полагающая главным фактором общественного развития производство и использование научно-технической и другой информации, это разновидность теории постиндустриализма, основу которой заложили З. Бжезинский, Д. Белл, Э. Тоффлер, М. Кастельс. Капитал и труд как основа индустриального общества уступают место информации и знанию в информационном обществе [1].

Информационное общество – это цивилизация, в основе развития и существования которой лежит особая нематериальная субстанция, условно именуемая *информацией*. С одной стороны, информация формирует материальную среду жизни человека, представляя в виде инновационных технологий, компьютерных программ, телекоммуникационных протоколов и т. п., с другой – составляет содержание межличностной коммуникации, постоянно возникая, видоизменяясь и трансформируясь в процессе перехода от одного человека к другому. Таким образом, информация одновременно определяет материальную, социальную и духовную жизнь человека.

Постиндустриальная проблематика – одна из ведущих в западной социологии. Основной акцент в исследованиях 1970-х годов делался на необходимости совершенствования средств получения, обработки и распространения информации. Гуманитарные аспекты формирования нового общества, социальные проблемы стали изучаться лишь в результате осознания того, что наблюдаемый качественный скачок в развитии информационных технологий привел к революционным изменениям в социальной структуре. Социологи прогнозировали влияние информационных технологий на трудовую деятельность человека. В частности, в работах Тоффлера и Кастельса уделяется внимание понятиям «электронный коттедж» и «телеработа». Однако ученые не могли предвидеть современный масштаб развития информационных технологий, а также полностью оценить потенциал новой формы осуществления трудовой деятельности [2], [3].

Обратимся к современной российской действительности. Можно отметить, что Россия является активным участником процесса формирования информационного общества. В стране создаются и внедряются новейшие информационные и телекоммуникационные технологии, используются уникальные информационные ресурсы, естественным образом формируется культура, порождаемая информационной эпохой. В целом по общему объему информационных ресурсов Россия занимает весьма достойные позиции в мире, однако их качество и структура, а также степень использования, к сожалению, отстают от современных потребностей. Вместе с тем в стране активно формируется рынок электронной информационной продукции и услуг, в котором основную роль играют негосударственные структуры, быстрыми темпами развивается индустрия мультимедиа.

Можно прогнозировать дальнейший активный рост информатизации российского общества и его трансформацию в связи с новыми реалиями. Одной из таких реалий в обозримом будущем станет *телеработа*. Уже на сегодняшний день благодаря информационным технологиям традиционная форма осуществления трудовой деятельности претерпевает изменения. Все шире распространяясь на Западе, практика телеработы находит все большее применение и в России.

Изучение феномена телеработы насчитывает почти три десятилетия. Условно можно выделить три периода в ее исследовании [4]:

- 1972–1980-е годы – введение термина, зарождение концепции: необходимость решения транспортных проблем больших городов и проблемы недостатка рабочих мест в удаленных сельских районах подтолкнула ученых и специалистов к поиску новых идей. Интерес к телеработе обнаружился после первых нефтяных кризисов (в начале 70-х годов), когда в целях экономии энергоресурсов предлагалось использовать потенциал информа-

ционных технологий для замены длительных переездов электронными коммуникациями, и уменьшения, таким образом, использования транспорта. В 1972 году американский ученый Джек Ниллс изобретает термин «телекоммутинг» как альтернативу работе в офисе и способ решения вышеуказанных проблем с помощью телекоммуникаций. В 1979 году специалист по экономическому развитию Фрэнк Скифф ввел понятие «гибкое рабочее место» (flex-place). В 1982 году была организована первая научная конференция, начинает издаваться регулярный бюллетень, посвященный телеработе.

- 1980-е – середина 1990-х годов – умеренное развитие, накопление опыта: развивается технологическая инфраструктура. В 1980 году во Франции основан первый телецентр, затем в Швеции (1982) и в Швейцарии (1985). К середине 1980-х годов уже получены данные по пилотным проектам: результаты не могли быть названы однозначно положительными. Исследования показали, что работа телецентров организована недостаточно хорошо, а специфика удаленного труда еще не до конца изучена. В 1990 году в США использование телерабочих было официально одобрено правительством. В 1992 году был организован Европейский форум по телеработе (www.eto.org.uk) для продвижения идей дистанционного труда в Европейском сообществе (ЕС).

- Середина 1990-х – настоящее время – период активного развития. Переломным моментом в отношении к телеработе можно считать 1996 год. Одновременно были созданы технологические, организационные и финансовые условия для ее развития. Технологическим условием стало широкомасштабное распространение Интернета. Западные государства административной и финансовой поддержкой создали благоприятные условия для телеработы.

Сегодня почти в каждой стране ЕС создана или создается ассоциация по телеработе. По форме такие организации различны – это и компании, заинтересованные в телеработе, государственные учреждения, научные общества, общества по интересам и пр.

Международная ассоциация и Совет по удаленной работе приводят следующие данные по занятым телеработой в США по состоянию на 2000 год [5]:

16,5 млн (5,8 %) – регулярно заняты телеработой один раз в месяц;

9,3 млн (3,4 %) – работают удаленно один полный день в неделю.

Согласно опросу телеработники распределились по следующим категориям:

89 % – работают только дома;

7 % – работают в центрах для удаленной работы;

4 % – работают и дома и в центрах.

Приведем имеющиеся данные относительно количества телеработников в Европе [6]:

в 1997 году – 2 млн человек;

в 1999 году – 10 млн человек;

в 2002 году – 20 млн человек.

Концепция телеработы постепенно начинает привлекать внимание российских ученых и специалистов. Россия переживает переломный момент, после которого дистанционная работа станет стремительно внедряться во все сферы деятельности организаций. На сегодняшний день телеработа – удел высококвалифицированных специалистов. Существует также целый ряд препятствий для широкого распространения этой формы деятельности.

На государственном уровне можно выделить следующие факторы: нестабильность и динамичность российского рынка, сравнительно высокая стоимость компьютерной техники, услуг; недостаточное качество телекоммуникационных услуг; недостаточное развитие системы электронных платежей; отсутствие правового регулирования телеработы.

На уровне работодателя можно выделить следующие факторы: склонность к стереотипизации со стороны работодателя; недостаточная осведомленность руководителей о возможностях телеработы; отсутствие управленческого персонала для организации телеработы; ограничения по профпригодности телеработника.

Однако постепенно, по прогнозам российских специалистов, гибкость, инновационность, креативность, глобальность возможностей телеработы должны преодолеть эти препятствия.

Телеработа представляет собой очередной шаг, предпринимаемый организациями для достижения гибкости, необходимой, чтобы соответствовать быстро меняющемуся деловому окружению и правилам управления человеческими ресурсами. Растущая потребность в гибких методах труда является следствием социального, экономического и технологического развития.

На сегодняшний день во многих западных компаниях (преимущественно связанных с телекоммуникациями) работа построена по принципу мобильного офиса. Сотрудник может даже не иметь собственного места, так как большую часть времени он проводит, работая над проектом за пределами офиса. Существует лимит времени, который сотрудник обязан отработать, однако он может самостоятельно распределить это время, так как в таких компаниях работа оценивается не по временным затратам, а по конечному результату.

Технологические инновации в сочетании с постоянной заботой об окружающей среде и вниманием к меняющимся потребностям современного общества и условиям бизнеса можно рассматривать как потенциальные факторы, способствующие внедрению телеработы. Инновации в области телекоммуникационных технологий, которые имели место в течение последнего десятилетия, поставили новые вопросы и предоставили новые возможности глобальному деловому сообществу. «Исход работников из офиса» стал возможным вследствие повсеместного распространения относительно недорогих компьютеров, в том числе портативных, факсимильных аппаратов, электронной и голосовой почты, спутниковой связи, сотовых телефонов, телеконференций, персональных пейджером. Цифровые сети увеличивают эффективность сетевого доступа из дома. В связи с этим у работников появляется возможность работать на дому, в любое время, когда у них возникнет желание это сделать, в соответствии с их биологическими часами.

Телеработа соответствует ценностям, поведению и ориентации на семью, свойственным современным работникам. Рост числа семей с двумя работающими родителями, все более выраженное стремление совместить работу, семью и досуг, потребность в автономии, самореализации и самовыражении оказали значительное влияние на индустрию телеработы.

Раньше идеалом была работа на одного начальника или заказчика. Предполагалось, что наемные работники должны быть лояльны своему боссу. Сегодняшний идеал работы радикально изменился. Лояльность к нанимателю сменилась лояльностью к клиентам и верности договорам. Новый идеал делает акцент на свободе, удовлетворении от работы, гибкости, ответственности, самостоятельном выстраивании пути к успеху [7].

Такая трудовая практика, как работа в организационном окружении по строго фиксированному графику, доминирующая в настоящее время на Западе и стремительно распространяющаяся в России, постепенно признается дисфункциональной. Растет важность проблемы длительных и беспорядочных часов, проводимых за работой. В условиях глобализации делового окружения уже не коммерческие организации соперничают со своими конкурентами, теперь эта конкуренция приобрела интернациональный масштаб. Размывание традиционных границ рабочего времени будет способствовать созданию глобального бизнес-сообщества.

Важные составляющие телеработы – мобильные компьютеры, электронная почта, сотовые телефоны, факсы, принтеры, сканеры, сочетая в себе доступность и мощь, дают возможность даже небольшим компаниям по оперативности связи и доступу конкурировать с крупными корпорациями. Однако информатизация общества идет быстрее, чем компании могут к этому подготовиться. Принятые среди руководителей стереотипы порождают недоверие к свободному графику подчиненных. Руководители западных и российских фирм опасаются за информацию, передаваемую через мобильные системы.

Интересное объяснение указанным стереотипам дал ранее упомянутый Джек Ниллс, предложив выражение «комплекс офиса» (the edifice complex – на английском языке выражение созвучно эдипову комплексу). Идея автора термина «телеработа» состоит в том, что компании стремятся иметь солидный офис для демонстрации своего богатства и престижа. Отсутствие этого комплекса, как считает Ниллс, во многом упростило бы внедрение телеработы [7].

Итак, на основании вышеизложенного можно перечислить факторы, способствующие распространению телеработы в современном информационном обществе:

- дальнейшее увеличение производительности компьютерной техники;
- постепенное снижение стоимости на компьютеры и средства коммуникации;
- необходимость находить новые возможности успешного ведения бизнеса;
- развитие сетевой экономики, рост числа электронных сделок;
- «интеллектуализация» труда;
- переход от «системы рабочих мест» к «возможностям для работы»;
- трансформация отношений «работник – работодатель»;
- изменение отношения к труду.

Чтобы охарактеризовать явление телеработы, были придуманы многочисленные термины: телекоммьютинг, гибкое рабочее место, дистанционная работа, удаленная работа, внешняя работа, телекоттедж, электронный коттедж, надомная работа. Хотя эти термины взаимозаменяемы, каждый из них отражает разные особенности этого явления. Например, понятие «телекоммьютинг» больше связано с переездами, в то время как термин «телеработа» больше связан с оборудованием. Однако оба термина определяют одно и то же явление – использование телекоммуникаций, компьютеров, а также Интернет-технологий для изменения принятой географии работы.

Четкого определения, которое могло бы отразить все разнообразные грани телеработы, пока не найдено. Одним из возможных оснований для определения является перемещение само по себе – замена переезда телекоммуникациями. Однако этот признак был

признан неудовлетворительным, поскольку возможность экономить на переездах является только одним из многочисленных преимуществ телеработы.

В соответствии с признаком местоположения работника можно выделить следующие виды работ:

- надомная работа, т. е. выполнение заданий работодателя на дому;
- мобильная работа, т. е. оказание услуги на базе заказчика, осуществления проекта;
- работа из телецентра, т. е. выполнение заданий работодателя из телецентра.

Другим возможным основанием для определения телеработы может быть сама технология, т. е. это любая деятельность, которая требует электронных коммуникаций между центральным офисом работодателя и работником, выполняющим свои обязанности дистанционно [8].

Альтернативной базой для создания определения может быть характер контрактных взаимоотношений работника с его работодателем. В этом случае можно выделить три типа контрактов:

- 1) замещающую деятельность, когда работники получают оклад и выполняют свои обязанности на дому;
- 2) дополнительную деятельность, когда работники заняты полный рабочий день в офисе, выполняют некоторую работу на дому дополнительно;
- 3) независимую деятельность, когда телеработник работает на себя, руководит домашним бизнесом.

Учитывая вышеизложенные признаки, можно определить *телеработника* как штатного или контрактного работника, занятого частично или полностью, удаленно осуществляющего свою профессиональную деятельность посредством использования информационных технологий без прикрепления к определенному рабочему месту.

Телеработа, как любое социальное явление, став массовым, непременно повлияет на современное общество. Необходимым и чрезвычайно важным является анализ последствий ее распространения как для отдельного человека, занятого телеработой, для работодателя, внедряющего телеработу, так и для общества в целом.

На микроуровне можно выделить те последствия, которые отмечают, согласно проведенным исследованиям, сами телеработники: баланс работы, личной и семейной жизни; большой энтузиазм и желание работать; независимость; возможность работать на нескольких работах; сокращение затрат времени на дорогу; привычные и комфортные условия для работы; возможность не менять местожительства при смене работы; самостоятельное планирование рабочего времени, гибкий график; осуществление коммуникации с партнерами в разных часовых поясах; возможность для более полного раскрытия потенциала; сохранение навыков (работа при вынужденном домашнем режиме).

Преимущества телеработы для работодателя заключаются в следующем: экономия средств на организацию офиса, офисный персонал; увеличение производительности; применение гибкой организации и гибкого штата; новые возможности для обслуживания заказчиков (круглосуточно, без оплаты сверхурочных за счет создания «распределенных рабочих групп»); снижение размеров оплаты (использование более дешевых ресурсов); оплата результата деятельности, а не процесса; привлечение квалифицированных специали-

стов из удаленных регионов; обучение и обмен знаниями сотрудников различных подразделений; возможность сокращения штата за счет временных работников.

Можно с уверенностью утверждать, что наибольшую выгоду от использования телеработы в наше время знаний получают «работники знаний» и «компании знаний».

Подробнее рассмотрим возможности телеработы на макроуровне. Для общества в целом выгоды от использования телеработы могут быть следующими:

1. Уменьшение транспортных проблем, передвижений и связанным с этим загрязнением окружающей среды. Телеработники обеспечивают снижение общего автомобильного трафика.

2. Увеличение занятости в районах с повышенным уровнем безработицы, децентрализация работы, т. е. перемещение ее в сельскую местность. Последствия оттока населения из крупных городов в сельскую местность весьма многообещающи. Такое изменение приведет к оживлению деятельности в регионах с низкой экономической активностью, высоким уровнем безработицы, низким уровнем жизни и большими расстояниями между населенными пунктами. Более рациональное использование земельных ресурсов.

3. Глобализация научных, коммерческих контактов.

4. Интерэтническое общение, вызывающее более интенсивное изучение языков.

5. Гуманизация труда. Здесь имеется в виду, что освобождаясь от необходимости выполнения разнообразных рутинных операций, человек становится генератором идей.

6. Увеличение занятости людей с ограниченными возможностями. В их числе:

– инвалиды, люди с ограниченной подвижностью. Признавая ценность знаний и умений человека, компании, привлекающие телеработников, дают уникальный шанс лицам, имеющим ограниченные физические возможности, реализовать свой творческий и профессиональный потенциал;

– люди с реальными или мнимыми физическими недостатками. Психологические барьеры препятствуют успешному трудоустройству этой категории. Реальные или мнимые недостатки не должны встать на пути к тому, чтобы человек занял достойное его место в обществе;

– работники, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком. Временное переключение на режим телеработы поможет сохранить работникам прежний уровень квалификации, непрерывно осуществлять свою рабочую функцию, сохранить заработок;

– студенты. Особенность телеработы – отсутствие жесткой привязки ко времени. Работу над проектом, творческим заданием студент может осуществлять в свободное от занятий время;

– люди, ухаживающие за пожилыми и больными родственниками. Стимулирование профессиональной активности лиц, ограниченных рамками режима по уходу за другими, поможет расширить диапазон их деятельности;

– пенсионеры. По мере увеличения средней продолжительности жизни в развитых странах неизбежно встанет вопрос о вовлечении пенсионеров в трудовой процесс. Стремление к сокращению расходов должно стимулировать руководство компаний к более ответственному отношению к интеллектуальным ресурсам компаний. Если ранее труд людей пенсионного возраста был затруднен возрастными факторами, препятствующими их

физическому присутствию на рабочем месте, то положение телеработника может решить для человека проблему занятости, сохраняя для компании ценные кадры.

Однако, как любое явление, телеработа имеет и обратную сторону. Негативные последствия информатизации уже привлекли внимание исследователей, очередь за телеработой. Принимая во внимание положительные последствия телеработы, можно заключить, что необходимо дальнейшее изучение этого явления для эффективного использования ее потенциала.

Список литературы

1. Негодаев И. А. На путях к информационному обществу / Дон. гос. техн. ун-т. Ростов н/Д., 1999.
2. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.
4. Шмелькова Е. Телеработа для всех // Мир Интернет. № 9 (59), 2001.
5. <http://www.workingfromanywhere.org/pdf/ITACTeleworkAmerica2000KeyFindings.pdf>
6. www.jobbank.ru/view/news/2002/10/26/163.html
7. Pink D. Free agent nation: How America's new independent workers are transforming the way we live. New York: by Daniel H. Pink, Warner Books, 2001.
8. Рихтер Дж. Информационные технологии в бизнесе / Под ред. М. Желены. М.: Питер, 2002.

A. V. Ilyin

TELEWORK AS A NEW FORM OF ACTIVITY IN THE INFORMATION SOCIETY

The concept of telework is considered as a social phenomena, distinctive for the era of information society; promotional and impedimental factor analysis is presented; there is a review of telework spreading consequences both for individual and for the whole society by the example of the western countries. Future trends of spreading telework in Russia are shown.

Telework, out-work, telecommuting, distance work, telecottage, flex-place, telecenter, information technology, post industrialism, information society

УДК 001.1+1

В. В. Калинина

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Существование философии науки социально детерминировано. Оно зависит от исторических, экономических, политических, идеологических, национальных и ряда других факторов. Социум на определенном этапе своего исторического развития создает социальные предпосылки, условия и возможности научного поиска, философского осмысления науки.

Философия науки, социальные факторы, детерминация, преобразование

Круг проблем философии науки обширен. Одной из них является проблема детерминации самой философии науки. В данной статье предпринята попытка выявить социальные факторы, обуславливающие формирование философии науки. Развитие философии науки рассматривается как процесс, детерминированный социальным бытием.

К проблеме социальной обусловленности науки и философии науки обращались многие ученые, философы. Среди них можно выделить работы Е. А. Мамчура, М. Н. Косаревой, Н. В. Мотрошиловой, Н. Злобина.

Социальная детерминация – это исключительно безличное, надындивидуальное [1, с. 73–74]. Олицетворением его выступают либо общество в целом, либо его отдельные сферы – производство, политика, искусство и т. д.

Второй характерной особенностью обсуждения социальной детерминации является почти безраздельно господствующее понимание детерминации как стимулирующей, активно содействующей возникновению того, что она детерминирует. Между тем в термин «детерминация» («определение») вкладывается другой, ныне почти забытый, смысл – как ограничения, пределов для свободы целеполагания. В этом смысле она носит пассивный характер.

В философской литературе двух последних десятилетий выросло число дискуссий о роли науки в динамике современного социума*. Можно выделить три главных аспекта обсуждения этой проблематики.

- Во-первых, проблема социальных предпосылок научного поиска, условий и возможностей, которые создает социум на том или ином этапе своего исторического развития для исследования наукой все новых типов объектов и процессов, для ее прорыва к освоению новых предметных миров.

- Во-вторых, проблема принятия обществом научных достижений, их включение в поток трансляции постоянно обновляющегося социально-исторического опыта.

- В-третьих, проблема мировоззренческой роли науки, ее влияния на другие сферы жизнедеятельности общества и ее функционирования в качестве одной из приоритетных ценностей социума.

Все указанные аспекты тесно связаны между собой, но в данной статье более подробно остановимся на первом из них.

Наука в современном мире претерпевает глубокие преобразования. Только в течение XX столетия наука, по сути дела, пережила два радикальных переворота – переход от Ньютоновой физики к Эйнштейновой, а теперь от «новой» физики к синергетике. Осмысление преобразований и формирование современного образа науки – приоритетная задача философии науки. Образ науки – это комплекс представлений, которые складываются в обществе о природе и целях науки, о ее социальной функции и месте среди других социальных институтов. Образ науки формируется во многом за счет социальной среды. Тот социальный контекст, в котором развивается современная наука, быстро изменяется. Вместе с ним изменяются и формы взаимодействия науки с другими сферами культуры.

Трансформируется и самосознание философов, понимание ими предназначения своей работы. Самобытность и многообразие российских проблем, многообразие практической деятельности порождает необходимость и востребованность отечественных специалистов. Но при этом нужно заметить, что среди гуманитарных наук по степени финансирования философия науки занимает далеко не первое место. Это происходит вследствие того, что

---

* См., например: Вопросы философии. 1995. № 11; 1996. № 5, 9, 12; 1998. № 10; 2000. № 1; 2001. № 12; 2003. № 12; Концепции самоорганизации: становление нового образа научного мышления. М., 1994; Аксиологические проблемы научной и технической реальности: Тез. научн. конф. Санкт-Петербург 28–29 января 1998 г. СПб., 1998; Социальная детерминация познания: Тез. докл. науч. конф. Тарту, 1982.

значимость философского осмысления науки постигается не в полной мере. Философия закладывает мировоззренческую основу для будущих достижений человеческого духа в других сферах общественного сознания, т. е. выступает в качестве программы научной и культурной работы. Определенные идейные движения в науке уходят корнями в определенную философскую почву.

Так, марксизм связывает развитие естественных наук не просто с природой, а с природой, вовлеченной в человеческую практику, в производство. «Как естествознание, так и философия, – пишет Ф. Энгельс, – до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой – только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз изменение природы человеком, а не одна природа, как таковая, и разум человека изменялся соответственно тому, как человек научился изменять природу» [2, т. 20, с. 545].

Производство способствует развитию науки прежде всего тем, что доставляет все более мощные и более тонкие средства воздействия на природу, позволяющие глубже и дифференцированней познавать предметы и явления внешнего мира. Производство может влиять на развитие науки непосредственным образом при помощи различного рода технических конструкций, которые выступают в качестве исходной базы научного анализа и теоретических построений [3, с. 8–10]. Производство побуждает науку решать определенные технические задачи. «Если у общества появляется техническая потребность, то это продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов» [2, т. 39, с. 174].

Соединение науки и практики, в свою очередь, детерминировано социальным пространством, в рамках которого оно происходит.

В современной науке именно преобразовательная функция, точнее ее практический аспект, выходит на первый план. Это имеет свои положительные и отрицательные моменты. С одной стороны, позитив – выполнение социального заказа привлекает инвестиции в науку, с другой стороны, познавательная функция науки отодвигается на второй план, что влечет за собой кризис фундаментальных исследований, на которых, в свою очередь, зиждется прикладная наука. Ведь последняя в отрыве от первой (фундаментальной) неизбежно трансформируется в совокупность технологических сведений. Как отмечает Н. В. Карлов, великое множество научных теорий формировалось в борьбе с установившимися взглядами, которые оказывали сопротивление проникновению новых идей как в науку, так и в практику. В частности, еще в XIX веке возникли геометрии Лобачевского, Римана, алгебра Буля, группы Ли и т. п., которые нашли свое использование лишь в XX столетии. «Путь постепенного приобретения фундаментальными исследованиями нового качества был тернист, – пишет Н. В. Карлов. – Еще и сейчас, несмотря на убедительные примеры прикладной плодотворности фундаментальных исследований, эти исследования как таковые не очень-то поддерживаются обществом» [4, с. 40]. Это серьезная проблема для философов науки. Именно интенсивные исследования в области философии науки, почти полностью неизвестные древности, должны стать мощным катализатором процесса теоретизации науки, что будет способствовать развитию фундаментальной науки.

Фундаментальное и прикладное знания аккумулируют в себе как логико-гносеологический, так и аксеологический аспекты знания. Они выступают как социокультурные образования, несущие в себе все черты социума, так как они формируются и функционируют в социуме.

Таким образом, наука вообще и фундаментальные и прикладные науки в частности, формируясь под воздействием производственной деятельности общества, а также «широкой культурной и социальной среды со всеми ее философскими, религиозными, этическими и институциональными элементами» [3, с. 30], должны учитывать социальный и культурный смыслы проблем, которые исследуются их средствами. Это положение относится к любому этапу развития науки.

Современная наука уделяет большое внимание проблемам ценности научно-технического развития. Ученые осознают, что развитие наук о природе и технике необходимо рассматривать в плане целостного развития человека, его материальных и духовных начал, в контексте развития всего социума. В ходе укрепления гуманистического взгляда на развитие естествознания и техники происходит и изменение наших взглядов на природу, которая ныне рассматривается не просто как кладезь материалов и энергии, необходимых для существования человека, но как своеобразный целостный организм. Разрабатывается концепция коэволюции человека и окружающей его среды, набирает силу исследование социально-этических проблем науки. В частности, ведется работа по анализу взаимодействия науки, идеологии и государственной власти.

Изучение конкретного материала по истории советской науки показало, в частности, что одним из важнейших факторов, оказывающих негативное воздействие на науку, явилось отсутствие автономии научного сообщества в определении задач, целей и перспектив развития науки. Успешными, как правило, оказывались именно те программы и проекты, в разработке и осуществлении которых лидеры научного сообщества выступали равноправными партнерами по отношению к представителям власти. Политическое давление властных структур зачастую тормозило развитие науки либо делало его искусственно неравномерным. Именно острая борьба с догматизмом и давлением пресса официальной политики сопровождала возрождение в российской науке таких областей философских исследований как философия науки, история философии, логика, этика, социология и др.

Сегодня научное сообщество ведет намного более широкий диалог с общественностью, обыденным стало то, о чем нельзя было даже помыслить несколько лет назад, – не только иностранные философы посещают Россию для чтения лекций, участия в конференциях и семинарах и пр., но и философские центры за рубежом постоянно приглашают для чтения лекций и проведения совместных исследований наших специалистов. Таким образом, в процессе происходящих социальных перемен изменяется и стратегия поведения российского научного сообщества. Поворот от самоизоляции к конфронтации, открытости, сотрудничеству российской философии и философии науки, в частности, по достоинству оценивается мировым сообществом. Сегодня можно сказать, что исследования по философии науки в России ведутся на уровне мировых стандартов. Можно констатировать, что время единомыслия в философии сменилось временем самого широкого плюрализма и поиска.

Формирование постмодернистского методологического сознания в конце XX века привело к тому, что в фокусе основных вопросов науки оказались вопросы глобального

характера: «Куда течет история человечества и чего можно ожидать, каковы пути исторического развития и варианты будущего развития, каковы особенности и последствия демографических кризисов и происходящего ныне демографического взрыва, как избежать неприятных, катастрофических ситуаций и каковы условия самоподдерживающего и оберегающего развития человечества» [5, с. 72] и др. Современная постнеклассическая наука определяется приоритетами социального характера. Такая смена ориентаций науки предполагает усиление ее этизации, включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений, поскольку «наука является проявлением действия в человеческом обществе совокупности человеческого мышления» [6, с. 344]. Такого мнения придерживался В. И. Вернадский, один из первых ученых, поставивший перед человечеством цель постепенного превращения биосферы в ноосферу. Идеи, близкие В. И. Вернадскому, высказывал П. Тейяр де Шарден. Он говорил о том, что наука повернется, наконец, лицом к человеку. В отличие от постнеклассической науки, классическая и даже неклассическая науки свысока относились и к природным объектам, и к человеку, не видели сложных и неоднозначных связей между ними. Исследуя феномен человека, П. Тейяр де Шарден обратил внимание на то, что в силу качества и биологических свойств мысли мы оказываемся в уникальной точке, в узле, господствующем над целым участком космоса, открытым в настоящее время для нашего опыта. Центр перспективы – человек – одновременно центр конструирования универсума. Поэтому к нему в конечном итоге следует сводить всю науку. И это столь же необходимо, сколь и выгодно. «Если поистине видеть – это существовать полнее, то давайте рассматривать человека – и мы будем жить полнее» [7, с. 38].

Действительно, сейчас рассмотрение различных аспектов человеческого существования стало неотъемлемой частью любой науки. Жизнедеятельность современного человека неотделима от развития науки. Поскольку «человечество преступило допустимую грань» [8, с. 578] и чисто природные ресурсы, которые создают условия его существования, почти исчерпаны, люди вынуждены искать искусственные источники сырья, энергии, еды, воды и т. п. А это возможно только при помощи новых научных разработок, объединенных усилий ученых, работающих в различных отраслях науки, в том числе и в сфере социально-гуманитарного знания, и их внедрения в общественную жизнь. Как пишет Ю. В. Сачков, «и ныне вполне очевидно “искусственное” происхождение самих предпосылок биологического существования современного человека: как потребляемые основные продукты питания, так и жилье, транспорт и связь представляют собою прямое порождение деятельности человека. Если же иметь в виду высшие формы жизнедеятельности человека – разнообразные виды его духовной жизни, основу чего составляют наука и искусство, то они заведомо представляют продукты творческой деятельности человека» [9, с. 48]. Отсюда становятся более понятными аксиологическая, праксиологическая, социокультурная интенции современных научных исследований.

Не случайно в последнее время философы, культурологи, методологи науки, ученые обсуждают вопрос о том, а, собственно, в какую эпоху мы сейчас живем? Одни называют ее эпохой кибернетики и компьютеризации, другие – информационной эпохой, а третьи ставят вопрос более широко: общество уже перешагнуло эпоху модерна или еще находится в ней? Большинство из них считают, что современное состояние общества, во всяком случае ду-

ховное, представляет собой начало новой эпохи, названной ими постмодерном. Термин «постмодерн» определяет состояние культуры после трансформаций, которым были подвергнуты наука, культура, искусство в связи с возникновением и развитием кибернетики, информатики, современной алгебры, с развитием вычислительных машин, а также проблем обработки, хранения, передачи информации. Становление постмодерна также необходимо связывать с качественными изменениями в экономическом, социально-политическом, научном, эстетическом, религиозном и т. д. мышлении общества, которому свойственны черты неоднородности, нелинейности, бифуркационности, плюрализма взглядов, концепций, подходов в объяснении процессов материального и духовного развития мира в целом и отдельных его явлений, признание человека в качестве составной, причем существенной части Универсума. Эти социальные процессы задают направленность современной постнеклассической науке, формируют ее, наполняют новыми смыслами.

Современная наука, в свою очередь, реализуя свою социальную интенцию, вырабатывает соответствующий ей понятийный аппарат, который выходит за рамки традиционных подходов к пониманию роли науки в общественном бытии и он органически вплетается в существующую ткань социальной действительности, обогащая ее новыми элементами.

Изменения, происходящие в науке и научном мировоззрении в контексте постмодернистских поисков, создают на данный момент ситуацию, в которой нет подлинных ответов на традиционные проблемы философии науки. Поиск этих ответов стал острой потребностью современного общества, которую и призваны удовлетворить философы, культурологи, методологи науки. На выступлении «круглого стола» по вопросам соотношения науки и культуры академик В. С. Степин, говоря об одной из перспектив развития науки, предположил возможность детерминации науки религиозным мировоззрением в связи с угрозой экологического коллабса. «Наука окажется подчиненной религиозным догматам – это один из возможных сценариев развития науки» [10, с. 8].

Среди фактов современной жизни, подтверждающих значимость, востребованность, социальную обусловленность философского осмысления научных новаций, можно выделить следующие:

- Ассимиляцию научных знаний в обществе. Адекватное восприятие действительности и вхождение во взрослую жизнь стали затруднительными без понимания роли науки и научных достижений в современном мире.
- Экспансию науки в профессии. Возникли особые требования к качеству работников: творческие способности, общий кругозор, исследовательские навыки и др. Наука и ее методы стали неотъемлемой частью традиционных специальностей.
- Омолаживание профессий, ассоциирующихся с наукой. Это происходит вследствие улучшения возрастной адаптивности, высокой динамики обновления научных знаний.

В настоящее время философия не успевает за быстрыми темпами научных исследований, за изменениями социальной жизни. В сложившихся условиях задачей философии науки является выработка новых жизненных смыслов для самой науки, из которых последняя сможет выбрать для себя наиболее приемлемые.

Новая жизненная тенденция, заложенная в экономических фактах, как подчеркивали Маркс и Энгельс, наталкиваясь на существующие общественно-политические препятствия

и преграды, устремляется в сферу общественного сознания, которое дает ей большую свободу для проявления. Стихийная материальная тенденция превращается постепенно в социально-политическое и культурное движение. Диалектико-материалистическая философия определяет науку как форму общественного сознания. Н. В. Хорев уточняет, что «формы общественного сознания не просто надстраиваются над человеческим опытом: они представляют собой способ социализации человеческого восприятия мира, от которого в известной степени зависит и сам вид того, что обнаруживается» [3, с. 10].

Жизнедеятельность современного общества и существующей в нем науки органичны и находятся в тесной взаимосвязи. Тенденции современной науки таковы, что наука должна быть осознана в своей культурной сущности. Смена техногенной цивилизации информационной в современном мире активизирует критику ценностных приоритетов техногенного общества и поиск новых мировоззренческих ориентаций. Это, в свою очередь, детерминирует философию науки, задает ей непосредственную цель, проблему, которую необходимо решить. Философия науки, как и любая философия, оказывается особенно востребованной в моменты коренных социальных преобразований, изменений. Много надежд возлагается на проекты новых метафизических парадигм с использованием идеалов человека и природы. Часть из них базируется на отечественных традициях философии и культуры, часть восходит к восточной культурной традиции (Б. Калликотт, Р. Атфилд, Ф. Капра, Э. Ласло и др.), часть ориентирована на Запад. По существу речь идет о поиске духовных оснований нового типа цивилизационного развития, призванного найти выход из глобальных кризисов, которые породила техногенная цивилизация. Для этого необходимо разобраться в истоках проблем, вернуться к началу их возникновения в социуме и попытаться искоренить, либо видоизменить их, используя при этом достижения науки, наработанный учеными потенциал. Решив большую часть проблем социального характера, можно устранить и значительную часть проблем, стоящих перед современной наукой.

В обществе всегда существуют некие типы мышления и деятельности, которые творят и преобразуют науку. В. Л. Хромова утверждает («Целостность духовной культуры»), что основным каналом воздействия социума и его культуры на научное знание является категориальный строй мышления. Каждой эпохе общественного сознания свойственна своя категориальная структура.

Исторические условия, материальная база, творческий и интеллектуальный потенциал научного сообщества, востребованность научных разработок и их результатов обществом – все это в значительной степени обуславливает, детерминирует науку, а также философию науки.

Список литературы

1. Алексеев И. С. Индивидуальное и надындивидуальное в социальной детерминации развития науки // Социальная детерминация познания: Тез. докл. научн. конф. Тарту: Крона, 1982.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Политиздат, 1985.
3. Хорев Н. В. Философия как фактор развития науки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
4. Карлов Н. В. О фундаментальном и прикладном в науке и образовании, или «Не возводи дом свой на песке» // Вопр. философии. 1995. № 11.
5. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Антропный принцип в синергетике // Вопр. философии. 1997. № 3.
6. Вернадский В. И. О науке. Дубна: Луч, 1997. Т. 1.
7. Де Шарден Гейяр. Феномен человека. М.: Наука, 1987.

8. Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рендерс Й. За пределами допустимого: глобальная катастрофа или стабильное будущее? // Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Прогресс, 1999.
9. Сачков Ю. В. Полифункциональность науки // Вопр. философии. 1995. № 11.
10. Наука и культура (материалы «круглого стола») // Вопр. философии. 1998. № 10.

V. KALININA

SOCIAL DETERMINATION OF PHILOSOPHY OF SCIENCE

Existence and development of philosophy of science is socially determined. It depends on historical, economical, political, ideological, national and some other factors. Society on a certain stage of its historical development creates social preconditions, terms and opportunities for scientific searches and philosophical understanding of science.

Philosophy of science, social factors, determination, transformation

УДК 001+14

Л. В. Колганова

ИНФОРМАЦИОННЫЕ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Рассматривается проблема определения сущности и места информационных коммуникаций в современной науке. Уделяется особое внимание роли современных средств коммуникации, новых типов носителей информации и способов её хранения в детерминации характеристик постнеклассической науки.

Наука, коммуникация, междисциплинарность

Изучение современного общества сегодня невозможно без анализа коммуникативной практики, так как современные средства коммуникации (телефон, телеграф, радио, компьютерные технологии) значительно «расширили сферу общественной жизни, “упраздняют” власть пространства и времени на планете, вовлекая человека во всё происходящее» [1, с. 3], как настоящее, так и будущее.

Наука, являясь одновременно и «формой общественного сознания» и «видом духовной деятельности по производству знаний» [2, с. 232], представляет собой сложное социальное явление, существующее только в обществе. Её философский анализ предполагает выделение различных аспектов: онтологического, гносеологического, методологического, аксиологического, социально-психологического, исторического, организационного или иного, относительно которого представляется возможным проведение строгого научного исследования. Можно выделить и коммуникационный аспект науки [3, с. 9].

Развиваясь вместе с обществом, оказывая на него непосредственное влияние, наука выступает одним из показателей уровня цивилизационного процесса, достигнутого социумом. В наш век – «время бурного развития науки и вторжения её во все сферы человеческой деятельности» [4, с. 3] – особое значение приобретает анализ свойств и характеристик науки, а также различных факторов её развития, к каковым следует отнести и исследования в области «профессионального общения ученых – научной коммуникации» [3, с. 5].

Предметная область коммуникации в науке и обществе в целом до XX века была мало изученной, «хотя наличие коммуникации, то есть интенсивного общения учёных относитель-

но их работы и её результатов, всегда признавалось существенной характеристикой научной деятельности» [3, с. 6]. Становление коммуникации в науке как объекта специального анализа было связано с необходимостью разработки крупномасштабных систем научно-технической информации, с широким применением средств вычислительной техники в научном познании. Если в США и Европе первые попытки проведения подобных исследований были предприняты в начале 50-х – конце 60-х годов, то в СССР данная проблема стала обсуждаться в научной литературе лишь с начала 70-х годов, что свидетельствует об определённом отставании нашей страны в области научно-технического прогресса и использовании его достижений в области хранения, обработки и передачи информации.

Обращаясь к анализу коммуникаций в современной науке, хотелось бы уделить особое внимание *информационным коммуникациям*, важнейшей функцией которых является передача релевантной научной информации.

Информационные коммуникации являются неотъемлемой характеристикой науки и научной деятельности и «представляют собой *сложную целостную систему*, различные компоненты которой (формальные, неформальные, устные, письменные, межличностные, массовые и т. д.) столь тесно связаны между собой, что любая попытка исследования (моделирования и технической реализации) одного из них или даже нескольких без учёта остальных заведомо неадекватна» [3, с. 6–7]. Сама же система информационных коммуникаций в науке носит конкретно-исторический характер, обусловленный как уровнем развития средств коммуникации (личные беседы, рукописные работы, печатные публикации, электронные носители информации, средства массовой коммуникации), так и объектами, предметами информационной коммуникации в процессе научного познания.

Поскольку основной целью науки является получение нового знания, то информационные коммуникации можно считать одним из необходимых условий его создания. Но в силу того, что знание является субстанциальным понятием, которое сложно чётко определить как объект исследования, представляется целесообразным рассматривать информационную коммуникацию в процессе движения информации в науке, научной деятельности.

Ю. М. Лотман при разработке своей семиотической модели коммуникации задавался вопросом о том, каким образом порождается новая информация. Он пришел к выводу, что «новыми сообщениями мы будем называть такие, которые не возникают в результате однозначных преобразований, и, следовательно, не могут быть автоматически выведены из некоторого исходного текста путем приложения к нему заранее заданных правил трансформации... Только творческое сознание способно вырабатывать новые мысли» [5, с. 568–569]. А «ведь образование новых сообщений, наряду с хранением и передачей информации и деятельностью по правильному преобразованию этих сообщений составляет суть мыслящего объекта» [6, с. 65].

Специфической особенностью научного познания является тот факт, что, приступая к получению нового знания, исследователь может использовать опыт уже проведенных ранее научных работ, а также воспользоваться наработками современных ему исследователей подобных проблем, т. е. информация попадает к исследователю двумя последовательными этапами. Сначала информационные коммуникации в процессе научного познания реализуются в ходе обучения. Результатом становится уровень научной квалификации и

степень подготовленности специалиста. Полученные на данном этапе знания являются неким информационным базисом, не требующим обоснования в силу того, что эти научные сведения и факты, как правило, относятся к жесткому ядру науки. Таким образом, информационная коммуникация обеспечивает оптимизацию процесса научного поиска, способствует более динамичному развитию науки.

На последующем этапе исследователь получает знания, знакомясь с работами своих современников, «эти знания специалист приобретает путём восприятия научной информации, участвуя в информационных связях, осуществляющихся внутри науки» [7, с. 3]. То есть на данном этапе исследователь впитывает в себя информацию, порожденную «творческим сознанием» своих коллег, принимает или отрицает её, участвует в дискуссиях. Можно говорить, что на данном этапе объектом информационных коммуникаций, имеющих место в процессе научного познания, поиска новых идей и решений, является та научная информация, которую следует отнести к переднему краю науки. В силу своей «необщепринятости» такая научная информация требует обоснования, разъяснения научной общественности.

Учитывая то, что коммуникативными функциями науки являются подготовка научных кадров, передача и хранение информации, обладающей научным характером, правомерным будет отметить, что они реализуются на вышеуказанных этапах процесса научного познания.

Но познавательная деятельность, реализующаяся в процессе осуществления информационной коммуникации, подразумевает также осуществление социальных функций, т. е. для выполнения основной цели научной деятельности, создания условий для реализации плодотворной информационной коммуникации ученые вступают в общение друг с другом, в процессе которого происходит не только движение информации, но и устанавливаются определённые социальные отношения, происходит формирование и стратификация научного сообщества. Сегодня наука является одновременно системой научного знания об окружающем мире и сложной социальной системой для развития и отражения этого знания, где коммуникация представляет собой форму сбора и представления результатов научной познавательной деятельности [8].

В 70-х годах XX века происходит переход науки на новый (постнеклассический) этап своего развития, характеризующийся необходимостью решать многие научные задачи путём комплексного использования знаний различных научных дисциплин, учитывая место и роль человека в исследуемых системах. Вступление науки в новую (постнеклассическую) эпоху характеризуется рядом структурных изменений, растет понимание целостности, системности объектов и процессов, стремление познать их в динамике, что, в свою очередь, актуализирует проблему применения междисциплинарного подхода в процессе научного познания. В настоящее время наблюдается стирание граней и перегородок между традиционно обособленными естественными, общественными и техническими науками, узкая специализация ограничивает кругозор ученого.

Таким образом, для постнеклассической науки характерно выдвижение на первый план по значимости коммуникативной функции науки, в особенности информационной коммуникации, которая становится одним из основных условий реализации принципа междисциплинарности современной науки. Изобретение новых типов носителей информации и способов её хранения способствовало расширению возможностей человека и деятеля науки, в частно-

сти, при осуществлении прямых/межличностных (электронная почта, мобильная связь и т. п.) и опосредованных (новые технологии в печати, электронные носители информации, Интернет-сайты и электронные библиотеки и т. п.) коммуникаций. Упрощение процесса налаживания непосредственного контакта с коллегами, находящимися на различных уровнях формальной системы науки, способствовало, по мнению автора статьи, расширению неформальных информационных коммуникаций в современной науке.

Тем не менее, можно выделить и обратные процессы: практически беспрепятственная возможность представления своих научных идей, результатов исследований и пр. (прежде всего в электронной сети Интернет) ведёт к их опосредованию от учёного-создателя, т. е. использование технических средств передачи информации приводит к уменьшению непосредственного взаимодействия общающихся сторон и к необходимости специального изучения закономерностей опосредования информации в социальных системах. Таким образом, можно наблюдать своеобразную трансформацию современного научного сообщества.

Ускорение темпов наращивания научной информации привело к необходимости создания некоего «информационного посредника», каковым стали многочисленные библиотеки, справочно-информационные фонды, электронные поисковые системы, различные реферативные журналы и пр. Подобные «информационные посредники» осуществляют концентрацию информационных материалов, а также способствуют их перераспределению среди заинтересованных потребителей этой информации.

Существуют различные классификации коммуникативных процессов по отношению к информации. Если же говорить об информационных коммуникациях, реализующихся при взаимодействии источников и потребителей информации в процессе научного познания, то, по мнению автора статьи, заслуживает внимания разделение их на две большие группы: аксиальные (от лат. axis – ось) и ретиальные.

Аксиальные информационные коммуникативные процессы предполагают передачу конкретной информации отдельному адресату (субъект – субъект), тогда как ретиальные – осуществляются путем передачи информации некоторому множеству вероятных реципиентов данной информации (субъект – множественный субъект). Так, письменный или устный диалог, выдача информации каким-либо информационным фондом по запросу потребителя могут быть отнесены к аксиальному типу информационной коммуникации в науке.

К ретиальным, информационным коммуникациям следует относить выступления докладчиков на конференции, выпуск научной, технической литературы, информационные сообщения в СМИ, т. е. у информационного сообщения нет заранее определённого адресата, а получение им распространяемой информации носит вероятностный характер [7].

Формы же и виды информационных коммуникаций в науке по иным основаниям являются очень разнообразными, они специфичны для различных уровней объединений учёных, набор же таких форм меняется от эпохи к эпохе.

Таким образом, в результате рассмотрения вопроса информационных коммуникаций в современной науке можно прийти к выводу, что их осуществление является одним из основополагающих факторов развития современной науки. Широкое применение технических средств передачи и хранения информации способствовало интенсификации процессов информационного обмена, что, по мнению автора, оказало значительное влияние на «популяризацию» междисциплинарного подхода в современной науке.

Кроме того, представляется необходимым определение роли технических средств, используемых при осуществлении информационных коммуникаций в науке, их влияния на трансформацию коммуникационных процессов, изменение структуры современного научного сообщества. Данная проблема требует особого внимания как со стороны исследователей (развитие научных исследований в данной области), так и со стороны административных органов различных уровней управления (создание условий для облегчения осуществления информационных коммуникаций исследователей в процессе научного познания).

Список литературы

1. Бусыгина О. В. Функционирование информации как фактора достижения оптимального режима коммуникации: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Казань, 2003.
2. Учебный словарь по курсу современной философии (для студентов высших учебных заведений). СПб.: ООО «Изд-во «Петрополис»», 2002.
3. Коммуникация в современной науке // Сб. пер. (с англ.) / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Э. М. Мирского и В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1976.
4. Злочевский С. Е. Гносеологический анализ научной информации: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 1969.
5. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство. С.-Петербург. отд-ние, 2000.
6. Березин В. М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. М.: Рил-холдинг, 2003.
10. Злочевский С. Е. Информационные коммуникации в современной науке. Киев: Общество «Знание» УССР. Киевский дом научно-технической пропаганды, 1971.
11. International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. Amsterdam, Paris, New York, Oxford, Shannon, Singapore, Tokyo: Elsevier, 2001. Vol. 20. P. 13654.

L.V. Kolganova

INFORMATION COMMUNICATIONS IN MODERN SCIENCE

Problems of information communication essence and its place in modern science are considered in the article. Modern communication devices and techniques, new information media and information storage methods and their special role in determination characteristics of post-non-classical science are attended.

Science, communication, multidisciplinary

УДК 174

Р. И. Мамина

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В ДЕЛОВОМ ЭТИКЕТЕ

Посвящена этноэтикету как важной составляющей в налаживании эффективной коммуникации в межкультурном общении.

Деловой этикет, этноэтикет, этика, межкультурная коммуникация, информационная цивилизация, национальная культура, национальные ценности

Важной составляющей структуры современного делового этикета на уровне международного сотрудничества является этноэтикет. Для этого существует целый ряд объективных причин. Так, особенностью современного развития общественного прогресса стали процессы глобализации всех сторон общественной жизни. В своей известной книге «Зада-

чи менеджмента в XXI веке» П. Друкер подчеркивает, что в новом столетии человечество ожидают серьезные перемены в области экономики, политики, общества, философии и, прежде всего, в мировоззрении. В основе этих грядущих изменений лежат процессы глобализации, которые ученый называет «новыми реалиями». К ним с позиций глобального менеджмента он, например, относит такой процесс, как «растущее несоответствие между экономической глобализацией и политической разобщенностью». Рассматривая этот фактор, Друкер отмечает, что мировая экономика становится все более глобальной, тогда как национальные границы являются препятствиями и создают дополнительные расходы. «...Коммерческие предприятия, а равно и многие другие учреждения, – пишет Друкер, – больше не могут ограничивать масштабы своей деятельности национальной экономикой и национальными границами. Их масштабы должны соответствовать деятельности соответствующих отраслей и компаний во всем мире» [1, с. 95]. В то же время он отмечает, что политические границы вовсе не собираются исчезать и поэтому для компаний важно научиться работать в двух измерениях: с одной стороны, в системе глобальной экономики, с другой – разобщенного мира политики. «В такой ситуации партнерство, – подчеркивает Друкер, – безусловно лучший вариант» [1, с. 100]. Партнерство разных типов рассматривается ученым в современных условиях как основной и необходимый вид экономических взаимоотношений, который идет на смену таким прежним формам расширения деятельности компаний, находящихся в разных частях света, как слияние, приобретение, принуждение, контроль и др.

Таким образом, с точки зрения глобального менеджмента, партнерство расценивается как основной вид экономических взаимоотношений в новых условиях. В этой связи следует подчеркнуть возрастающее значение деловой этики, а также новых этических проблем, которые принесли с собой процессы глобализации. В свою очередь, возрастает значение и актуальность делового этикета как инструмента общения, обеспечивающего оформление содержательной, в том числе и нравственной стороны партнерства в бизнесе, равно как и в любой другой сфере деятельности, в вид делового сотрудничества.

Партнерские отношения – это отношения, построенные на принципах равенства, взаимного уважения и взаимных интересов. Однако сотрудничество с представителями другой культуры, другой страны – это еще и проблема трансформации оппозиции «свое – чужое» в оппозицию «свое – иное». Поэтому в современных условиях на международном уровне наряду с нормами протокола, нормами светского и служебного этикета важной составляющей структуры делового этикета выступает этноэтикет. Этническая составляющая в деловом этикете становится условием успешного решения вопросов, связанных с потребностью взаимопонимания.

Каждый народ, несмотря на стремительное расширение прямых контактов в области экономики, политики, культуры, появления многих общих черт в образе жизни, сохраняет только ему присущие специфические национальные особенности. Это касается в первую очередь языка, традиций, условностей, привычек, обычаев, способов общения, определяющих культурное своеобразие каждого народа, его менталитет, его национальное самосознание. Процессы глобализации и культурной динамики, как показывает практика, не ведут к формированию единой безнациональной мировой культуры. «Постиндустриальное общество, определившее постиндустриальный период в развитии этногенеза, – пишет

М. Н. Росенко, – не отменяет ни этносы, ни нации, ни этнонациональные отношения, а наполняет их новым содержанием, поднимая на уровень региональных объединений, и в значительной мере актуализирует эти проблемы, перемещая их в сферу социокультурного взаимодействия» [2, с. 144]. Современная культура существует в национальных формах и остается множеством самобытных культур. Поэтому общение с другими народами предполагает необходимость понимания их культурной самобытности, признание правомерности существования другого мировоззрения, умение строить диалогические отношения, идти на разумные компромиссы. Однако вопросы понимания чужой культуры в настоящее время во многом остаются открытыми.

Многие сегодня уже слышаны о тех сложностях, с которыми сталкиваются бизнесмены при попытке организовать бизнес с другими странами: это и проблемы языкового характера, и различия в стилях ведения переговоров, в подходах к ведению дел, к принятию решений, подписанию договоров, в отношении к срокам выполнения заказов и т. д. Наиболее показательные ошибки такого характера уже стали хрестоматийными и переведены на многие языки. Например, когда компания «American Airlines» начала рекламировать в Мексике новые кожаные кресла в салонах первого класса, лозунг «Летайте в натуральной коже» был переведен на испанский язык как «Летайте обнаженными!» и др. В целом ошибки такого рода возведены в разряд ошибок глобального маркетинга, поскольку речь идет не просто о казусных ситуациях в мировой бизнес-практике, последствия таких ошибок влекут за собой значительные материальные и моральные потери, а иногда и полный разрыв отношений с инофирмой-партнером, и еще, что немаловажно, страдает репутация страны-производителя. Однако причины неудачной коммуникации межкультурного характера, с точки зрения специалистов, объясняются не только недостаточным знанием языка и потребительских привычек населения другой страны, но и целым рядом факторов, которые, как правило, остаются скрытыми для взаимодействующих сторон.

По степени значимости в первую очередь называются особенности механизма инкультурации, в соответствии с которым происходит освоение родной культуры одновременно как на сознательном, так и бессознательном уровнях. В этом отношении культуру часто сравнивают с дрейфующим айсбергом, у которого на поверхности воды находится лишь небольшая часть, а основная часть айсберга скрывается под водой. Это и есть та невидимая часть культуры, которая находится, в основном, в подсознании и проявляется лишь тогда, когда возникают непредвиденные обстоятельства или необычные ситуации при контакте с представителями других культур, например, конфликтная ситуация на переговорах.

Не менее важным фактором, определяющим коммуникативное поведение людей, является причина, которую Эдвард Холл определил как «культурные очки». Она заключается в том, что большинство людей рассматривают собственную культуру как центр и меру всех вещей. Человек, как правило, не осознает, что образцы его поведения и способы восприятия окрашены национальной формой его собственной культуры и что люди других культур имеют другие точки зрения, системы ценностей, нормы, традиции. Нередко это порождает убеждение, что собственная культура превосходит другие, в результате, другие культуры недооцениваются по сравнению с собственной. Поэтому, чтобы понять коммуникативное поведение пред-

ставителя другой культуры при межкультурной коммуникации, необходимо рассматривать это поведение в рамках его родной культуры, а не своей собственной.

Наиважнейшая цель и функция коммуникации – это объединение людей как внутри одного сообщества, так и между разными культурными сообществами. Это объединение людей в единых действиях, что, по мнению исследователей, определяет цель коммуникации как взаимодействие, а не как воздействие, поскольку речь идет не просто о передаче информации от одного к другому, а о получении отклика, обратной связи у получателя. Этот отклик, обратная связь, как собственно и сама передача информации, имеет много аспектов, в том числе и этикетного содержания, а также этноэтикетного, если речь идет о представителях разных культур. Представителям одной культуры легче понять друг друга, хотя и здесь существуют свои проблемы. Взаимодействие и взаимопонимание в условиях межкультурной коммуникации требуют взаимодействия кодов и концептов, стоящих за внешним поведением для заполнения межконцептуального культурного пространства, что, в свою очередь, предполагает понимание чужой культуры.

Отсюда совет специалистов о необходимости посмотреть на себя со стороны: «Более объективная самооценка, – пишет Р. Льюис, – и преодоление собственных и принципиальных международных барьеров (“культурная идиосинкразия”) приводит нас к последнему шагу на пути к достижению гармонии – развитию эмпатии в отношениях с другой стороной» (3, с. 420). В то же время Р. Льюис подчеркивает, что в отличие от симпатии, основанной на культурном сходстве, например, между шведами, датчанами, итальянцами, эмпатия базируется на признании культурных различий между странами и строящихся на основе этого позитивных отношений.

Чтобы признать чужую культуру, ее нужно понять. Для этого необходимо установить соответствие между внешним поведением и ценностями группы или сообщества, важно проникнуть в глубинные установки, которые, как уже отмечалось, обычно не осознаются, но реально являются причиной того, как члены группы воспринимают, осмысливают окружающий мир, чувствуют себя в нем. В то же время, поскольку люди имеют когнитивную потребность в порядке и согласованности, специалисты считают, что все группы вырабатывают такие ценности, установки, верования, которые будут взаимозависимы, а также согласованы с нормами и моделями поведения людей в данной культуре. В начале 60-х годов XX века американские ученые Ф. Клакхон и Ф. Стродтбек, проверяя предположение о том, что установки, верования и ценности внутри каждой культуры не хаотичны, а взаимосвязаны, т. е. представляют собой единую культурную систему и значительно отличаются от соответствующих ценностей и верований в других культурах, выделили для анализа пять категорий, касающихся, по их мнению, общечеловеческих проблем, которые решаются в каждой отдельно взятой культуре: отношение человека к природе; отношение человека к реальности; модальность межчеловеческих отношений; представление о внутренней природе человека; модальность человеческой активности.

Применяя эти категории, Клакхон и Стродтбек отмечали, что, например, западная культура ориентирована скорее на активное овладение природой и опирается на отношения индивидуальной конкуренции. Она использует ориентированную на будущее линейную и монокроническую концепцию времени, рассматривает пространство и природные

ресурсы как безграничные, утверждает, что человеческая природа нейтральна и, в конечном счете, способна к совершенствованию, в понимании истины и реальности эта культура опирается на науку и прагматизм.

В противоположность западной культуре некоторые восточные культуры относятся к природе пассивно. Они стремятся жить в гармонии с природой и друг с другом, но группа для них представляет бóльшую важность, чем индивидуум, они ориентированы на настоящее и прошлое; рассматривают время как полихроническое и циклическое, а пространство и природные ресурсы как очень ограниченные; полагают, что человек по своей природе очень плох, но исправим, и осознают реальность, опираясь на откровения, а не на эмпирические эксперименты и др.

В целом, как подчеркивают ученые, несмотря на процессы межкультурного взаимодействия и непрерывных изменений в рамках конкретной культуры, глубинные части культуры либо не меняются, либо изменяются очень медленно.

По мнению специалистов, более поздние исследования, нацеленные на выявление показателей, по которым мировые культуры и этнические субкультуры разнятся между собой, фактически идут в русле, проложенном работами Клакхона и Стродтбека, уточняя и обращая более пристальное внимание на те или иные базовые установки.

Так, попытка классификации национальных культур была предпринята Г. Хофстеде, который получил доступ к изучению данных, собранных фирмой IBM от менеджеров более чем из 70 стран. Он утверждал, что менеджеры разных стран различаются по степени устойчивости своих взглядов и ценностей. По мнению Хофстеде, можно говорить о четырех важнейших параметрах деловой культуры: *дистанции власти; избегании неопределенности; индивидуализме – коллективизме; маскулинности – феминности* (соотношение мужественности и женственности).

Данная четырехфакторная модель, по мнению Г. Хофстеде, с высокой убедительностью объясняла большинство поведенческих особенностей, присущих представителям многих культур. Однако позднее, в результате дополнительных исследований, проведенных в Китае, Японии и странах Юго-Восточной Азии, четыре фактора культуры были дополнены еще одним, восточным фактором. Он был назван Г. Хофстеде фактором конфуцианского динамизма и отразил соотношение долгосрочной и краткосрочной ориентации в деловой культуре разных стран.

В целом в настоящее время одной из немногих переменных, относительно которой у специалистов в области современной сравнительной культурологии нет разногласий, является континуум: «индивидуализм – коллективизм». По мнению ученых, большинство существующих культур можно расположить между этими двумя полюсами, поэтому в одной культуре человек будет принимать решения, ориентируясь на потенциальную реакцию соответствующей социальной группы, в другой – на собственные силы и личную оценку.

Однако, например, Р. Льюис вводит в качестве основного критерия для сравнения культур способ организации такого объективного измерения реальности, как время. По Льюису, культуры делятся на три типа: моноактивные (или линейно организованные), полиактивные и реактивные.

В моноактивных культурах, согласно Льюису, человек приучен планировать свою жизнь, составлять расписание, организовывать деятельность в определенной последовательности, занимаясь в данный момент только одним делом. Типичными представителями такой культуры являются англосаксы: американцы, англичане, немцы, северные европейцы, методично, последовательно и пунктуально организующие свое время и жизнедеятельность.

В культуре полиактивной, типичными представителями которой выступают латиноамериканцы, южные европейцы, принято делать одновременно много дел, планируя очередность дел не по расписанию, а по степени их привлекательности, значимости мероприятия в данный момент времени.

И, наконец, в реактивных культурах, придающих большое значение вежливости и уважению, деятельность организуется также не по строгому и вымеренному плану, а в зависимости от меняющегося контекста, как реакции на появившиеся изменения. Представителями этой категории являются китайцы, японцы, финны.

Различие между указанными культурами Р. Льюис рассматривает и по такому основанию как способ сбора информации. Моноактивные культуры опираются на формализованные информационные системы, полиактивные – на впечатления от личных встреч и данные, получаемые во время беседы. Реактивные культуры используют комбинацию этих двух стилей. Льюис называет их ориентированными на безличную информацию, ориентированными на диалог и слушающие культуры [3, с. 64–100].

Таким образом, набор базовых установок по таким вопросам как время, пространство, человеческие отношения, природа реальности и истина, как подчеркивают ученые, отличают одну культуру от другой.

Рекомендации, вырабатываемые специалистами в области межкультурной коммуникации, дают возможность представителям различных культур лучше понять друг друга, в том числе и в условиях деловой среды, в частности, оказывают важное влияние на дальнейшее развитие делового этикета с точки зрения его этнической составляющей. В настоящих условиях этноэтикет не может быть представлен как просто набор или ряд норм, предписывающих то или иное поведение в определенном месте, в определенных условиях в зависимости от особенностей той или иной культуры. Составляющие культурную парадигму ценности верования и установки не могут не предопределять способы общения людей в разных культурах. Это, в свою очередь, означает, что этноэтикетные нормы выступают как форма реализации базовых ценностей и установок каждой отдельно взятой культуры в повседневных поведенческих практиках. Поэтому опора на наиболее характерные черты той или иной культуры позволяет легче ориентироваться в поведенческих нормах, а значит и более компетентно взаимодействовать с представителями других культур. Так, например, согласно данным Хофстеде, Франция относится к культурам с высокой дистанцией власти. В условиях деловой среды этот базовый показатель реализуется как проявление высокой степени официальности в поведении представителей данной культуры. И, наоборот, Великобритания и США отнесены Хофстеде к культурам с низкой дистанцией власти. Действительно, представители этих культур стремятся, как правило, выйти на межличностный уровень деловых отношений, сделать эти отношения более теплыми.

Возьмем другой показатель: индивидуализм – коллективизм. Так, поведение американских переговорщиков как представителей индивидуалистической культуры будет значительно отличаться от поведения японских переговорщиков как представителей коллективистской культуры. Американцы демонстрируют высокую степень коммуникативности, самостоятельность и независимость в принятии решений, предпочитают вести переговоры «один на один». Японцы, наоборот, предпочитают коллективную ответственность, поэтому переговоры всегда ведутся в групповом составе, при этом чем более серьезное принимается решение на переговорах, тем больше будет численный состав группы, при этом очень большое значение придается тонкостям делового протокола и т. д.

Таких примеров реализации базовых ценностных установок в культуре поведения и непосредственной их проекции в плоскость делового общения можно привести великое множество. Поэтому подчеркнем еще раз значение этнической составляющей в деловом этикете, который выполняет роль инструмента, обеспечивающего взаимоуважение и взаимопонимание в диалоге культур.

Таким образом, этноэтикет должен рассматриваться не как определенная совокупность норм, регламентирующих правила поведения и общения в различных ситуациях в зависимости от специфических особенностей той или иной культуры, а как форма реализации базовых ценностей и установок каждой отдельно взятой культуры. Отсюда необходимость знания базовых черт других культур, что позволяет деловым партнерам более успешно взаимодействовать. «Если японец или кто-то другой снимет свои национальные “очки”, то поначалу мир будет казаться ему мутным и расплывчатым. И пройдет немало времени, прежде чем его зрение станет стопроцентным. Но только так развивается кросс-культурная сензитивность», – пишет Р. Льюис [3, с. 62].

Однако диалог в межкультурном пространстве, в том числе и деловом, обеспечивается не только с учетом того, что отличает одну культуру от другой, но и того, что их объединяет. В частности, в настоящее время лингвисты, занимающиеся проблемами межкультурной коммуникации, большое внимание уделяют исследованиям культурно-обусловленных моделей концептуализации действительности, проявляющихся в различных языках.

Исследователи отмечают, что активная роль языка в познании человеком действительности, а также в формировании образа мира в сознании человека дает право говорить о различных языковых картинах мира: мир един, но его моделей, созданных посредством естественных языков, великое множество. В то же время, как подчеркивают ученые, при всех существующих различиях в концептуализации и означивании явлений внешнего мира значительная часть концептуальных систем человека носит универсальный характер, что находит отражение в естественном языке, поскольку язык служит средством обработки, упорядочения и хранения полученных знаний в памяти человека, т. е. функционирует как система, но система вторичная по отношению к той непосредственной картине мира, онтологически заданной, когнитивной, или как ее еще называют перцептивной, которая является результатом отражения мира органами чувств и мышлением человека, результатом познания и изучения мира общественным и индивидуальным сознанием [4, с. 350]. Поэтому, по мнению специалистов, лингво-когнитивные исследования, направленные на поиск взаимосвязи между языком и национальной концептосферой, будут во многом спо-

способствовать эффективному решению проблем межкультурной коммуникации. Ученые подчеркивают, что владение универсальными когнитивными схемами позволяет интерпретатору сделать правильный семантический вывод даже при отсутствии эквивалента в родном языке.

Таким образом, современные представления о диалоге культур включают в себя не только взаимодействие, но и взаимопонимание в межкультурной коммуникации, которое достигается в результате диалектического единства особенного и общего, где в роли особенного выступают многочисленные различия, обусловленные ценностями, верованиями и установками, отличающими одну культуру от другой, а в роли общего – когнитивно-онтологическая или перцептивная картина мира, создающая общность мировидения людей. Отсюда и направленность исследований, посвященных проблемам межкультурной коммуникации на поиск, с одной стороны, базовых ценностей и установок, по которым одна культура отличается от другой культуры; с другой стороны, это поиск учеными взаимосвязи между языком и национальной концептосферой с целью выявления универсальных когнитивных схем. В совокупности такие знания и представления и составляют категорию «взаимопонимание» в межкультурной коммуникации. Поэтому применительно к культуре делового общения они реализуются как практическое знание базовых ценностей и установок, проявляющихся в поведенческой культуре каждого народа – этноэтикете, а также маркетинговый поиск не только потребительских интересов и привычек населения другой страны, другой культуры, но и эквивалентов в иностранном языке, отражающих общность мироощущений и мировосприятий людей, что является важным условием правильного выбора речевых и поведенческих стратегий партнеров по бизнесу, и относится как к этнической составляющей делового этикета, так и к деловому этикету в целом, поскольку в таком случае учитываются и взаимные интересы и взаимное уважение сторон, а значит выстраиваются подлинно партнерские отношения, соответствующие современным требованиям цивилизационного развития общества.

Список литературы

1. Друкер П. Задачи менеджмента в XXI веке: Учеб. пособие / Пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2000.
2. Росенко М. Н. Этнонациональные процессы в современном обществе (Философско-методологический анализ). СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996.
3. Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию / Пер. с англ. 2-е изд. М.: Дело, 2001.
4. Лаенко Л. В. Перцептивная картина мира в языке и межкультурной коммуникации // Информация – Коммуникация – Общество (ИКО – 2002): Тез. докл. и выст. на междунар. науч. конф. 12–13 нояб. 2002 г. СПб., 2002.

R. I. Mamina

ON THE QUESTION OF ETHNIC COMPONENT IN BUSINESS ETIQUETTE

Ethnic etiquette is considered as an important component in the establishment of efficient cross-cultural communication.

Business etiquette, ethno-etiquette, ethics, cross-cultural communication, information civilization, national culture, national values.

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА В НАУКЕ

Сегодня одним из важнейших факторов конкурентоспособности любой организации на рынке является наличие сильного командного духа, единых ценностей. В связи с этим деятельность по формированию эффективной корпоративной культуры организации, ядром которой как раз и выступают ценности, является актуальной для практики сегодняшнего дня. Рассмотрены особенности корпоративной культуры применительно к организациям, занимающимся научной деятельностью.

Корпоративная культура, наука, научная организация, научное сообщество, этические ценности и нормы, коммуникационные проблемы науки

Корпоративная культура в науке – это корпоративная культура организаций, занимающихся научной деятельностью. Вопрос о корпоративной культуре в науке актуален в силу по меньшей мере двух причин.

1. Чтобы наука могла оказывать положительное влияние на общество, она должна руководствоваться в своей деятельности «полезными» (благоприятными) ценностями. Как будет показано далее, ценности как раз и являются ядром любой корпоративной культуры.

2. В современных условиях любая научная организация (государственная или негосударственная) является участником рынка товаров и услуг, в том числе научных. Научные корпорации, также как и коммерческие корпорации, конкурируют между собой. «Конкурируют как крупные предприятия. За доходы и за власть. И ... за ученых, поскольку ученые выбирают, где работать» [1, с. 23–24]. Чтобы выжить в условиях конкуренции, научным сообществам необходимо иметь сильную корпоративную культуру.

Таким образом, вопрос о корпоративной культуре в науке актуален как с точки зрения жизни всего общества, так и с точки зрения самой науки как организации.

Прежде всего необходимо определить, что представляет собой корпоративная культура любой организации независимо от направления ее деятельности, а далее приступить к характеристике корпоративной культуры в науке. Для ответа на этот вопрос рассмотрим два определения этого феномена. «В современной литературе существует довольно много определений понятия организационной культуры» [2]. Определения культуры, получившего общепризнанное распространение, нет.

«Корпоративная культура – это система материальных и духовных ценностей, проявлений, взаимодействующих между собой, присущих данной корпорации, отражающих ее индивидуальность, восприятие себя и других в социальной и вещественной среде, проявляющаяся в поведении, взаимодействии, восприятии себя и окружающей среды» [3].

«Организационная культура»* – это специфические для данной организации ценности, отношения, поведенческие нормы. О. к. определяет типичный для членов организации подход к решению проблем» [4].

* В данной статье термины «корпоративная культура» и «организационная культура» приняты как равнозначные.

Представляется целесообразным указать на общие моменты в различных определениях рассмотренного понятия. О. Виханский и А. Наумов, анализируя понятие «организационная культура» утверждают: «Большинство авторов сходится на том, что культура организации представляет собой *сложную композицию важных предположений* (часто не поддающихся формулированию), бездоказательно принимаемых и разделяемых членами группы или организации» [2].

На основе анализа определений можно сделать следующие выводы относительно феномена «организационная (корпоративная) культура»:

1. Можно говорить о феномене «корпоративная культура» как применительно к организациям коммерческой, так и некоммерческой сферы.

2. Основой корпоративной культуры организации являются ценности (убеждения), разделяемые ее сотрудниками.

3. Корпоративная культура включает в себя параметры как духовного, так и материального порядка. Фактически любые проявления материальной и духовной жизни организации могут рассматриваться как проявления корпоративной культуры. Обобщая различные определения, можно составить возможный перечень параметров корпоративной культуры: философия, лежащая в основе деятельности, ценности, убеждения, верования и отношения к чему-то, нормы поведения, стандарты, запреты, стиль управления, стиль работы, подход к решению проблем и принятию решений, традиции, ритуалы, фольклор, принятый характер взаимоотношений между людьми, коммуникационная система и язык общения, принятые формы одежды, организация питания, отношение ко времени, способ информирования работников, трудовая этика и мотивирование, внутренняя производственная среда. Данный перечень является открытым и иллюстрирует разнообразие возможных параметров корпоративной культуры.

Теперь рассмотрим особенности корпоративной культуры в научных организациях. Это могут быть как государственные университеты, институты, НИИ, академии и пр., так и негосударственные.

Анализ отечественных периодических изданий двух последних десятилетий по философии, социологии, психологии, культурологии и науковедению показал, что вопрос о корпоративной культуре научных организаций практически не исследовался. Изучались вопросы культуры в науке как *социальном институте*, как *в профессиональном сообществе людей*, как *в особой сфере человеческой деятельности*. Утверждается, что существует культура науки в целом, включающая этические принципы ученого, «нормы общения, взаимосвязи и взаимодействия научного сообщества (эмос науки)» [5]. Можно предполагать, что корпоративная культура отдельного научного сообщества включает в себя аналогичные аспекты, что и культура науки в целом, а также аспекты, имеющие отношение к жизни отдельного научного сообщества, коллектива. Таким образом, корпоративная культура отдельной научной организации может включать следующие аспекты: проблемы мировоззрения (ценностные ориентации, приоритеты в деятельности ученых), проблемы коммуникации, обмена информацией в рамках (внутри) данного научного сообщества и с внешней средой, отношение ко времени, принятая одежда, нормы поведения, коммуникационная система и язык общения, взаимоотношения между людьми, стиль руководства, трудовая этика, система мотивации, процесс

развития работника, обучение и т. д. Далее рассмотрим некоторые проблемы и аспекты корпоративной культуры, которые представляются наиболее существенными как для жизни всего научного сообщества, так и для отдельной научной организации, а именно: этические нормы и ценности и коммуникационные проблемы.

Этические ценности и нормы науки. Ценности науки принято подразделять на две группы: «внутринаучные ценности» и «институциональные ценности». Первые имеют отношение к научному знанию, а вторые «являются ориентирами для деятельности по производству этого знания» [6]. «Совокупность институциональных ценностей науки представляет собой “этос” науки... Понятие научного этоса ввел Р. Мертон для обозначения комплекса норм, предписаний и ценностей этического порядка, господствовавших в общественном мнении научного сообщества» [6].

Этические нормы определяют, «что допустимо, что поощряется, а что считается неопозволяемым и неприемлемым для ученого в различных ситуациях» [7].

По мнению автора статьи, роль институциональных ценностей в научном сообществе может быть сведена к следующему:

– регуляция деятельности, сопровождающей производство знания (сюда могут относиться такие аспекты, как: этические нормы, касающиеся проведения исследований; этика взаимоотношений между представителями научного сообщества; этические моменты, связанные с донесением результатов научных исследований до различных групп общественности, а также с использованием результатов научных открытий);

– фиксация тех принципов, которые являются основой самосознания науки, видения наукой самой себя, своего места и роли в социальном мире.

На основании изложенного можно утверждать, что вопросы этических ценностей и норм актуальны не только на уровне общенаучных дискуссий или в рамках различных дисциплинарных подразделений и специализаций, но и на уровне *отдельных научных организаций*. Связано это с тем, что каждое научное сообщество в силу особенностей своей деятельности нуждается в специфических этических регуляторах. Каждое научное сообщество может заботиться об этическом измерении своей деятельности: применять этические принципы, выработанные на уровне всего научного сообщества или дисциплинарной специализации, дополняя их своими этическими стандартами и правилами. Может случиться и так, что отдельная научная организация выберет самобытный, идущий вразрез с научным сообществом вариант этической регуляции. Таким путем могут родиться новые ценности, новые этические подходы, регулирующие научную деятельность.

Коммуникационный аспект в науке – это еще один аспект культуры науки, который обсуждается в литературе. По мнению автора данной статьи, коммуникационный аспект науки имеет две стороны:

1. Коммуникация внутри научного сообщества (*внутренняя коммуникация*).
2. Коммуникация научного сообщества или отдельных научных организаций с различными группами общественности (*внешняя коммуникация*).

В рамках коммуникационного аспекта наука оказывается перед лицом следующих задач:

1. Организация процесса по обмену научной информацией между различными научными организациями.

2. Организация процесса по обмену научной информацией в рамках одной научной организации.

3. Разработка и выбор эффективных форм донесения этой информации (результатов исследований, идей и т. д.); эффективность донесения информации зависит от множества факторов, как-то:

– особенностей используемого тем или иным ученым языка, терминологии, которые являются условием его адекватного понимания слушателями/читателями;

– способностей ученого внятно донести научную информацию в устной или письменной форме;

– обеспечения возможности получения информации о последних достижениях науки через разные каналы (например, не только через присутствие на конференции или симпозиуме, а еще и через Интернет);

– возможно выделение и других факторов.

При донесении научной информации также очень важно определение ее *оптимального объема*, особенно в условиях ускорения социального времени и ускоренного возрастания информации в мире.

4. Организация процесса донесения научных результатов до широких слоев населения (что имеет свои особенности в отличие от коммуникации между учеными).

5. Выработка норм и образцов взаимодействия ученых как на формальном, так и на неформальном уровне, что другими словами можно назвать «культурой общения».

6. Разработка проблем, связанных с кооперацией труда ученых.

7. Формирование собственного имиджа как социального института перед лицом государственной власти, различных групп общественности.

В силу вышеизложенного очевидно, что для обеспечения эффективной работы научных организаций различные аспекты коммуникации требуют тщательной разработки.

В заключение хочется отметить, что в современных условиях нарастания глобальных проблем (экологических, информационных и т. д.), в возникновении которых часто обвиняют науку, каждая научная организация, если она хочет укрепить свой статус в обществе, на деле доказать необходимость научной деятельности и ее соответствие этическим ценностям человечества, должна работать над своей корпоративной культурой, в особенности над ее базисом – ценностями, этическими принципами. Она должна четко осознавать свою миссию и стремиться максимально следовать ей.

Список литературы

1. Кустарев А. Государства-нации или фирмы-корпорации? Где поселится мировая наука // Новое время. № 43. 2000.
2. Виханский О. С., Наумов А. И. Менеджмент: Учеб. 3-е изд. М.: Экономистъ, 2003.
3. Спивак В. А. Корпоративная культура. СПб.: Питер, 2001.
4. Шекшня С. В. Управление персоналом современной организации: Учеб.-практ. пособие. 4-е изд, перераб. и доп. М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез»», 2000.
5. Культурология: Словарь / Под ред. И. Ф. Кефели / БГТУ, СПб., 1997.
6. Котенко В. П. Основания науки: Монография. СПб.: Кольна, 2000.
7. Фролов И. Т. Введение в философию: Учеб. для вузов: В 2 ч. Ч. 2 / И. Т. Фролов, Э. А. Араб-Оглы, Г. С. Арефьева и др. М.: Политиздат, 1989.

Strong team spirit & shared values turn to be the most important factors of market competitiveness of any organization nowadays. That's why such activity as forming of effective corporate culture, the core of which being shared values, is very urgent. This article dwells on the peculiarities of corporate culture of scientific organizations.

Corporate culture, sciences, scientific organization, ethical values & norms, communicational problems in the sciences sphere

УДК 316.752

А. М. СклЯрова

ПРАВСТВЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНОГО

Наука не может быть высшей целью.
Высшая цель – нравственность.

В. С. Соловьев. Оправдание добра

Проанализирована дихотомия научного и ценностного отражения. Показаны механизмы проникновения социально-этических ценностей в познавательный процесс и науку, разнообразные формы их проявления. Выявляется специфика нравственных норм и ценностей ученого, его установки, выражающие гуманистические устремления. Этические принципы ученого в современной парадигме сводятся к четырем основополагающим ценностям: универсализму, бескорыстию, организованному скептицизму, коллективизму.

Ценности, этика науки, наука о культуре, нравственные принципы науки, гуманистические ценности науки: универсализм, бескорыстность в науке, принцип научного коллективизма, организованный скептицизм, профессиональная этика

Особый интерес в разделе гуманитарного знания составляют этические аспекты науки. Формируется новая дисциплина – этика науки. Свои истоки она находит в учении И. Канта, в его противопоставлении теоретического и практического разума и зафиксированной им резкой антиномии сущего и должного. Кант трактует это следующим образом: в мире сущего, где действует закон причинности, природная необходимость, нет места моральному закону. Моральное сознание достраивает, по убеждению Канта, мир сущего миром должного, в котором действует высший моральный закон – категорический императив. Человек как постигающий и реализующий безусловный моральный закон, противостоящий миру естественных и общественных зависимостей, свободен и разумен. Кант подчеркивает, что моральное должествование по самой его природе не может быть обосновано эмпирической наукой, теоретическим разумом. Оно – требование практического разума. Несомненной заслугой Канта является фиксирование специфики моральных ценностей в системе научного и ценностного отношения. И. Кант формулирует эту проблему в виде дихотомии (метафизического противопоставления). Указанная дихотомия получила свое крайнее выражение в философии неокантианства Баденской школы, представители которой В. Виндельбанд и Г. Риккерт резко противопоставили науки о природе и науки о культуре. Принципиальная особенность (и ограниченность) естествознания усматривается ими в раскрытии закономерностей бытия и отсутствии средств для уяснения обществен-

ной жизни как области принципов, норм, идеалов для решения вопросов о назначении человека и смысла жизни. Все это было отнесено к сфере компетенции наук о культуре. Ценностный подход, преобладающий в науках исторических, «науках о духе», был представлен в неокантианстве в качестве антитезы подходу научному, точнее, естественно-научному [1], [2]. Ценностный и научно-познавательный аспекты рассматриваются как расположенные в разных плоскостях и в известном смысле дополняющие друг друга. При этом определяющая роль приписывается ценностному подходу, а философия истолковывается как чистое учение о ценностях. Абсолютизация ценностного подхода в неокантианской философии, утверждение приоритета аксиологии как учения о системе всеобщих норм и ценностей в ряду наук о природе и обществе, завершилась в конечном счете явным отождествлением философии в целом и отдельных ее разделов с аксиологией. «Я могу понимать под философией, – писал В. Виндельбанд, – в систематическом ее смысле только практическую науку об общеобязательных ценностях» [3, с. 23].

Точка зрения чужеродности науки и ценностей, но с противоположным акцентом на науку, сохраняется и в неопозитивизме, где статус научности приписывается только информативным, проверенным в опыте положениям. Оценочные же положения считаются нефактуальными, непроверенными, лишенными смысла.

Другая крайность в понимании интересующей нас проблемы заключается в стирании специфики познавательного и ценностного. Так, осознание того факта, что отношение человека к окружающему миру является не просто созерцательно-теоретическим, но несет на себе печать заинтересованности, субъективного, эмоционально-окрашенного предпочтения, нашло своеобразное выражение в прагматизме. Отрицая логическое различие между познавательной и оценочной деятельностью, считая, что путь к истине и осмысление ценностей, как и сама истина и ценность, совпадают, Д. Дьюи формулирует это в виде тезиса: «Истина... – это родовое название для всех видов определенных рабочих ценностей в опыте» [4, с. 42].

В советской литературе 60–70-х гг. XX в. активно обсуждались проблемы ценностного отражения, его специфики и взаимодействия с научным познанием. Работа по уяснению специфики познавательного и ценностного привела к пониманию их глубокой взаимосвязи, нерасторжимости, принципиальной включенности ценностно-нормативных компонентов в познавательный процесс и в само знание. Это положение отчетливо фиксируется в общегносеологических работах П. В. Копнина, А. М. Коршунова, К. Н. Любутина в рамках методологии научного познания.

В литературе по методологии научного познания проникновение ценностных факторов в науку рассматривается в качестве одного из ведущих «каналов» социализации, весомым элементом социокультурной детерминации. Под таким узлом зрения проблема изучается в работах В. С. Степина, Е. А. Мамчур, Л. А. Микешиной, А. Ф. Зотова и других авторов. В связи с этим в целом ряде работ исследуются конкретные механизмы проникновения социально-этических ценностей в познавательный процесс и науку, разнообразные формы их проявления и функционирования в них [5, с. 60].

То, что анализ социокультурных ценностей регуляторов развития научного знания выдвинулся в последнее время в методологической литературе на видное место, связано с общей тенденцией смещения акцента с исследования относительно завершенных, безлич-

ных структур знания на его процессуальную сторону. Сейчас уже ясно, что создание конкретного образа развивающейся науки требует всестороннего учета множества детерминирующих ее факторов. Очевидно, что ценности при таком подходе рассматриваются как внешние по отношению к самому познанию факторы. Взаимодействие же познания и ценностей представляется производным от синтеза различных областей культуры, естествознания, обществознания и этики, призванного придать науке гуманистическую значимость и, следовательно, соответствующую направленность. Это означает, что понимаемый таким образом ценностный аспект познавательного процесса следует рассматривать не только в общей методологии, но и в специальных разделах общепсихологической теории социологии, психологии и этики науки.

Вместе с тем, в нашей общегносеологической и методологической литературе значительное внимание уделяется анализу собственно познавательных ценностей. К ним относятся прежде всего науку в целом. Ценность науки, по мнению И. А. Майзеля, определяется тем, что она – «высшее, специфически человеческое средство ориентации человека в жизненно-практической сфере» [5, с. 60]. Кроме того, к собственно «гносеологическим» ценностям можно отнести разнообразные критерии оценки знания, выбора, предпочтения.

Несмотря на то, что ценностный подход к познанию приобрел право «гражданства», тем не менее соотношение истины и ценностей (прежде всего моральных) все еще вызывает дискуссии, известную напряженность, побуждающую к дальнейшему, более тщательному исследованию всех аспектов данной проблемы.

Остановимся на этических ценностях науки, научных исследований, этике ученого. В условиях проникновения науки во все сферы общественной и личной жизни, в процессе углубляющейся и расширяющейся глобализации – это весьма актуальная проблема: можно сказать, что это проблема перспектив выживания и существования. Спектр проблем, которые входят в этику науки, – это нравственные критерии деятельности ученых и их социальная ответственность за судьбу своих открытий и применение этих открытий, а также нравственные нормы и ценности ученого, его установки, отражающие гуманистические устремления. Особенно важны нравственные оценки в условиях современного общества, углубляющегося и расширяющегося научно-технического прогресса, позволяющие заглядывать и вмешиваться в генное строение человека (генная инженерия), совершенствовать биотехнологию и даже конструировать новые формы (клонирование) [6, с. 246].

Этические нормы в современной парадигме знания можно свести к четырем основополагающим ценностям: *универсализму*, *бескорыстности* в научной деятельности и внедрении ее достижений; *принципу коллективизма*; *организованному скептицизму*; высочайшему *профессионализму* (строгое соблюдение профессиональной этики).

Реализация указанных ценностей в деятельности ученых означает реализацию гуманистической функции этики и самой науки. Поскольку в развитии науки есть своя логика и никакая мораль ее остановить не может, то все чаще ставится вопрос о соблюдении принципа коллективизма. Сущность его состоит в необходимости соблюдения ученым правила огласки научных исследований, ученый не имеет права скрывать результаты своих исследований. Это один из аспектов ответственности ученого за результаты своего труда и их использование, ибо при современных достижениях и технологиях без общест-

венного контроля (соблюдения принципа коллективизма) за внедрением научных исследований последствия могут быть необратимыми.

Конкретизацией принципа коллективизма является универсализм в науке. Он означает внеличностное использование научных открытий, принадлежность открытий всему мировому научному сообществу. Несмотря на видимость нарушения принципа справедливости (вознаграждение и признание персонализации научных открытий), для науки не столь важно, кто сделал открытие. Принцип универсализма реализуется через международное многостороннее сотрудничество ученых сообществ: международные конференции, коллоквиумы, научно-технические проекты (по космическим, медицинским, психологическим, физическим исследованиям и т. п.), форумы и другие формы коллективного сотрудничества. Оба принципа – коллективизма и универсализма – опираются на *бескорыстие* в деятельности ученого и научных сообществ. Бескорыстие само по себе является сущностной характеристикой морального отношения субъекта к миру и другим людям. Бескорыстие в науке рассматривается в смысле широких этических позиций. Этот принцип означает, что ученый принадлежит к особой когорте людей, которые руководствуются высшими, абсолютными ценностными установками – стремлением к Истине, Добру, Красоте. Эти ценности для подлинного ученого должны быть безусловными, не требующими обоснования. Здесь, как говорил Вольтер, уместно правило: «Добродетельную мораль ничто в мире не опровергает кроме фактов». Для ученого фактом является бескорыстный мотив исследования. Многие достижения в науке и культуре остаются не вознагражденными не только в материальном, но и в моральном отношении. Поэтому, конечно же, истинный ученый должен «карабкаться по каменистым тропам, не боясь обжечь пальчики». Современная Россия является ярким тому подтверждением. Оплата ученых ниже прожиточного минимума, научные исследования не финансируются, в обществе социальный статус ученого очень низок. Тем не менее тысячи ученых трудятся бескорыстно уже в течение многих лет на благо России. Сам процесс творческой работы и поиск истины является главным принципом самореализации этих бескорыстных людей. Поэтому наличие бескорыстия как принципа в деятельности ученых очевидно. И для российских ученых этот гражданский подвиг в течение всех лет перестройки подтверждает, что бескорыстие воплощено в полном объеме. Вся история науки также подтверждает это. Многие ученые, находясь на грани истощения, отдавали свои сбережения во имя науки – вкладывали в исследования не только свои силы, но и состояния.

Обязательным этическим принципом в научных исследованиях является *организованный скептицизм*. Сущность его заключается в умении выступать с критикой и самому выдерживать критику к себе и своему исследованию. Этот этический принцип позволяет бороться с консерватизмом и догматизмом в науке, которые могут стать существенным препятствием в развитии науки и деятельности отдельных ученых. Основные этические принципы деятельности ученых, сформулированные Мертоном (приведены ранее), были подвергнуты очень серьезной критике с двух позиций. Во-первых, с точки зрения реализации этих принципов. Сами по себе эти принципы хороши, но дело в том, что множество ученых не соблюдают их в полном объеме: они очень редко реализуются. Однако можно сказать, что это возражение не существенно, ибо речь идет об идеале. Ибо если нет идеала

абсолютного, то не будет и относительного. «Если нет мадонны, то не будет и сапог». И это справедливо. Во-вторых, многие критики Мертона говорят о чрезвычайной абстрактности этих принципов. Есть сферы исследования, которые сразу не могут быть обнаружены, и т. п.

На современном этапе развития научного знания классические принципы, выдвинутые Мертоном, актуальны и дополняются требованием соблюдения профессиональной этики учеными и научными сообществами. Профессиональная этика – это прикладная этика. В ней сочетаются интересы общества и гарантии суверенности личности как носителя определенной профессии, а также высокие требования к профессионалу, в том числе к его моральному облику. Профессиональная честь и достоинство – это показатели моральной ценности человека. Это своеобразный эталон для определения нравственности человека, который представляет определенную социальную группу. И мнением этой социальной группы, представителем которой он является, человек дорожит более всего. *Профессиональная честь и достоинство*, как правило, выступают мерой профессионализма в любой области. В науке это связано с гарантией социальной безопасности, так как на современном этапе функционирование социальных систем связано с двумя особенностями: 1) знания и умения, которые требуются от работников, связаны больше с профессиональными, а не моральными качествами (конструктор авиалайнера, корабля, машинист должны быть профессионалами – это гарантирует нашу безопасность, когда мы пользуемся этими видами транспорта); 2) предохранить себя от злых намерений отдельных личностей общество может только в том случае, если социальные субкультуры и институты вообще не будут зависеть от моральных мотивов. Политика, скажем, становится подлинной, когда она не зависит от доброй воли политиков, а ее институты могут успешно функционировать даже в том случае, если бы, как выразился Кант, на месте людей оказались бы дьяволы [7, с. 267].

Следует также заметить, что сохраняется тенденция этического насыщения образовательных программ во многих странах. Выпускник, освоивший такую программу, должен обладать такими моральными убеждениями, которые обращали бы его профессиональные знания на благо общества. Вводится дополнительный этический критерий при приеме в вуз – отсеивать кандидатов с искаженными моральными устоями уже на стадии зачисления, во время обучения ставится цель сделать этическую проблематику неотъемлемой частью каждой дисциплины, не ограничиваясь одним курсом по этике.

Интересным направлением, иллюстрирующим появление новых этических принципов в медицинской, психологической и биологической науках, является *биоэтика* – направление современной философии и этики, в русле которого осмысливаются *морально-этические* дилеммы, порожденные развитием медико-биологических наук последней трети XX в., в особенности применением новейших технологий в клинической практике. В настоящее время биоэтика отождествляется с современной медицинской этикой. Ее исследования сосредоточены на проблемах границ жизни и смерти – тех проблемных ситуаций, которые возникают, с одной стороны, при медицинских вмешательствах в процессы репродукции человека, а с другой – при оказании помощи терминальным (в критическом состоянии, безнадежным, умирающим) больным, например, смерть мозга, когда головной мозг не функционирует, а сердце еще несколько суток продолжает биться; эвтаназия, от-

каз от экстраординарных методов лечения, так как они лишь затягивают умирание терминального больного, тягостны для него и др. Комплекс проблемных ситуаций, связанных с зарождением человека, включает проблемы искусственного аборта, контрацепции, стерилизации, искусственного оплодотворения, клонирования. Поиск выходов из таких ситуаций – это моральный выбор, стоящий перед человечеством. Благодаря биоэтике в медицине сформировалась новая система ценностей, во многих отношениях отличающаяся от традиционной. Базисные принципы биоэтики: *благодеяние (милосердие, гуманность), непричинение вреда, справедливость, уважение автономии (самоопределения)* пациента.

Биоэтика является не только научной дисциплиной, но и социальным институтом. Свидетельство тому – существующие во многих странах центры биоэтических исследований, многочисленные биоэтические журналы и другие издания, этические комитеты для общественного контроля за решением морально-этических проблем в биомедицинских исследованиях, а затем и в практическом здравоохранении. В состав комитетов входят врачи, медицинские сестры, юристы, администраторы, духовные лица и просто граждане. Этические комитеты выполняют консультативные, образовательные, а иногда и властные функции. Так, уже 25 лет действует запрет на публикацию в научных журналах результатов биомедицинских исследований на людях, если эти исследования не были одобрены этическим комитетом, который курирует данный научный проект. Национальная консультативная комиссия по биоэтике США выступила за мораторий на финансирование (в течение ближайших 3–5 лет) любых практических попыток клонирования человека, в России этические комитеты возникали в 90-е гг. XX в. [8, с. 54–56]

Список литературы

1. Виндельбанд В. Прелюдии. СПб., 1904.
2. Риккерт Г. Два пути познания: науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911.
3. Виндельбанд В. Что такое философия?, СПб., 1904.
4. Джеймс Д. Прагматизм. СПб., 1910.
5. Майзель И. А. Наука и проблема ценностей // Проблема ценности в философии. М.-Л.: Наука, 1966.
6. Обществознание. СПб., 2001.
7. Гусейнов А. А. Великие моралисты. М.: Республика, 1995.
8. Человек. Философско-энциклопедический словарь. М.: Наука, 2000.

A. M. Sklyarova

THE MORAL PRINCIPLES OF THE WORK AS A SCIENTIST

In the article the duality of a scientific and valuable reflection has been analysed and the machinery of penetrating the social-moral values into cognition and science, various forms of their manifestation have been shown. A specificity of the moral norms and values of a scientist, his purposes, conveying humane aspirations, has been exposed. The ethic principles of a scientist in the modern paradigm can be reduced to four fundamental values: universalism, unselfishness, organized skepticism and collectivism.

Ethic of science, the science of culture, ethic principles of science, humanitarian values of science: universalism, unselfishness, organized skepticism and collectivism

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ЯВЛЕНИЯ СКАЗКИ (идеальные типы на макросоциальном уровне)

Рассматривается актуализация сказки как социальное действие, что дополняет многочисленные обращения исследователей к сказке как к речевому действию. Предмет изучения – социальный порядок явления сказки. В качестве методологической основы берется метод идеальных типов по М. Веберу. Результат исследования состоит в создании пяти идеальных типов социального порядка, описывающих полное пространство существования сказки на макросоциальном уровне. В научной литературе не обнаружено исследования такого аспекта сказки и такого подхода к её познанию, и потому настоящая разработка – пионерская.

Сказка, социальное действие, социальный порядок, идеальный тип, коммуникация, традиционность

В социальной действительности лексема «сказка» является обозначением для множества весьма разнородных понятий: устных повествований, рукописных и гуттенберговских изложений, театральных и кинопостановок, аудио- и видеофиксаций на различных носителях и др. Сложилось так, что из этого мозаичного пространства тщательно и продуктивно исследуется, как правило, только речевой компонент сказки, извлекаемый по большей части из рукописных и гуттенберговских изложений. Таково положение и в монодисциплинах (этнографии, филологии, лингвистике и др.), и в мультидисциплинах (культурологии, философии и др.).

Придерживаясь позиции, что сказка есть речевое действие, ученые, анализируя кинопродукцию, часто ищут сказочную парадигму только в языковой реальности, не учитывая того, что сказка живет в конкретной социальной ситуации изложения и восприятия, которая не контекстуальна сказке, а имманентна ей. Большая или меньшая продуктивность сказки в её воздействии на реципиента зависит не только от характеристик произносимого актером текста, но и от того, как он его произносит, как относится к говоримому, от качества владения актерским мастерством, от установок и интенций самого реципиента и др.

Описанная эпистемологическая неполнота среди эмпирических дисциплин может быть объяснена следующими факторами: частично – невозможностью выявления первичных данных о внутренних сторонах социальных действий участников (их состояниях сознания, устремленностях, переживаниях и др.) и особенностях социальных отношений между ними (наличие взаимной нетрансцендентности, отчужденности и др.), в связи с использованием методов, более грубых, чем исследуемый предмет; частично – невозможностью их фиксации, в том числе, в связи с отсутствием языка записи экспрессивного ряда; частично – тем, что эта сторона действительности находится вне поля их профессиональных интересов. В философии, апеллирующей к трансцендентальному субъекту, разработана методология исследования той части мира, которая недоступна опытному познанию, и потому именно философское постижение сказки представляется дополняющим и объединяющим достижения различных дисциплин.

Погружение сказки в социально-философский дискурс открывает возможность для её рассмотрения как выделенного социального события, компоненты которого конституируются социальными действиями (по М. Веберу [1, с. 602–603]) ведущего и ведомого, а границы которого много шире какого бы то ни было изложения – вербального, изобразительного и др. Такое очерчивание предметной области позволяет включить в исследование все возможные социальные явления, означиваемые как «сказка».

Таким образом, в настоящей статье утверждается, что различные способы социального явления сказки при одном и том же сюжете приводят к качественно различным последствиям: один и тот же сюжет сказки может развлекать или формировать реципиента, стать предметом исследования или средством материального обогащения и даже вести к стабилизации или деструкции общества. Как правило, сказковеды утверждают, что перечисленные практики есть проявление социальных функций одной потенциальной сказки (понимаемой по аналогии с определением мифа К. Леви-Строссом [2, с. 194]). В настоящей статье отстаивается позиция, что один и тот же сюжет сказки, актуализируемый в сущностно разных социальных практиках, есть разные сказки.

Социальные практики пользования сказкой рассматриваются автором на уровне социального порядка (понятие «социальный порядок» используется в трактовке Э. Дюркгейма). Социальный порядок явления сказки есть совокупность процессов её актуализации (включая детерминационные и обуславливающие), которые носят закономерный, устоявшийся характер, обеспечивая становление, существование и снятие единичной актуализируемой сказки, а также динамику развития единичной потенциальной сказки во всем.

Полное пространство социальных порядков явления сказки столь разнородно, что их продуктивное исследование может быть начато только после типологизации. Сказка до сих пор не рассматривалась исследователями в публикациях как социальное действие, поэтому типологии социальных порядков её явления отсутствуют. В настоящей статье излагается оригинальная типология социального порядка явления сказки, являющейся одним из агентов динамики или стабильности общества (макросоциальный уровень рассмотрения).

Социальный порядок явления сказки оказывает влияние на роль сказки не только в генезисе социальной системы (макроуровень), но и в развитии конкретного индивида этой социальной системы (микроуровень). Помня о том, что только рассмотрение обоих уровней социального бытия дает нам целостный образ сказки, осуществим постижение взаимодействия «социальная система – сказка».

Существует два подхода к созданию типологии: выбор в качестве основания либо объектно значимых, либо субъектно значимых параметров. В связи с отсутствием какого-либо систематизированного эмпирического описания порядков явления сказок и начальным этапом их исследования, уместен второй подход. Оптимальным методом типологизации в этих условиях представляется метод чистых идеальных типов М. Вебера [1, с. 623], использованный далее.

На макросоциальном уровне продуктивно сформировать пять идеальных типов, входящих в две группы социальных порядков: традиционные (стабилизирующие общество) и нетрадиционные (преимущественно дестабилизирующие общество). В традиционных порядках сконструированы два идеальных типа, дифференцирующим основанием для ко-

торых является коммуникативная связь участников, во вне­традиционных порядках – три идеальных типа, дифференцирующим основанием которых является устремленность продуцента.

Общим для всех пяти идеальных типов порядка актуализации сказки является наличие следующих компонентов: непосредственные участники (продуцент, реципиент, сама сказка), определенный тип состояния, устремленности и установки продуцента и реципиента и определенный тип коммуникации между ними, посредством которого и реализуется изложение сказки. Каждый из перечисленных компонентов имеет свою специфику в каждом из пяти идеальных типов, к характеристике которых и перейдем.

Традиционный порядок сказывания сказки есть одна из разновидностей традиционного социального действия, понимаемого согласно типологии М. Вебера [1, с. 628]. Продуцент потенциальной сказки – этноспецифичная социальная организованность, использующая сказку для трансляции традиций. Сказывающий сказку есть одновременно и продуцент (вносящий индивидуальную вариативность в реализацию потенциальной сказки как компонента коллективного), и медиатор (актуализирующий и адаптирующий сказку для конкретного реципиента), и ведущий (нравственно и морально направляющий реципиента). Тот, для кого осуществляется сказывание, занимает и социальную позицию реципиента (осваивающего смысл сказки), и позицию ведомого (преемника общественных традиций и последователя ведущего). Как правило, взаимодействие «ведущий – ведомый» осуществляется межпоколенно.

Ведущий и ведомый доверяют друг другу. Их общение характеризуется одновременным двунаправленным взаимодействием, при котором между ними отсутствует отчуждение, но их социальные позиции непаритетны и несимметричны. Они психически едины (отсутствует пространство «между») при функциональной отдельности: ведущий репрезентируется как личность (Я), а ведомый – как внешняя часть его личности (Внешнее-я). Таким образом, общение ведущего и ведомого можно описать как коммуникативную модель «Я – Внешнее-я» [3, с. 298].

Именно в таких социально-коммуникативных рамках становится возможным сказывание ведущим сказки. Сказывание есть единство устного речевого и эмоционального действий, осуществляемых обрядово. Сказывание организовано таким образом, что способствует однозначной трансляции смысла сказки путем передачи отношения ведущего к сказываемому (эмоциональная приоритезация) и осуществлению влогивания (вкладывание в ведомого логоса через живое слово).

Ведущий сказывания – человек, который не только умеет сказывать, но и обладает интенцией старейшинства (стремится к нравственному и моральному направлению ведомого), и находится в эмиссионном состоянии. Эмиссия, как вариант эманации, есть онтический (в смысле М. Хайдеггера) вектор перехода от ведущего к ведомому энергии и логоса.

Ведомым сказывания является тот, кто имеет императивную потребность в доформировании. Он испытывает доверие к ведущему и к сказываемому им, что способствует вне­рефлексивному, если не сказать, бессознательному, освоению смысла сказки. Ведомый креативно доорганизует сказываемое (в том числе и через воображение) и, тем самым, идентифицируется с ним таким образом, что сказка постепенно становится «своей». След-

ствием такого отношения ведомого к сказке является глубинная интериоризация ведомым её смысла: акцепция смысловой нормативности сказки. Генерализация смысла многих сказок приводит к становлению таких образований как матрица инвариантов поведения, картина мира, нравственный императив и др.

Если, и только если, имеют место такие характеристики социальных действий ведущего и ведомого, такой тип коммуникации между ними и соблюдение ими обряда, становится возможным традиционный порядок сказывания.

Традиционный порядок рассказывания сказки есть другая разновидность традиционного социального действия.

Процесс актуализации сказки, обозначенный здесь как рассказывание, так же как и сказывание, есть единство речевого и эмоционального действия. Отличие заключается в том, что в рассказывание могут быть включены элементы игрового отношения к миру, а наличие обряда не обязательно. Игра и смех в социальных действиях ведущего и ведомого делают невозможным влогивание, но не препятствуют передаче смысла сказки, ценностного отношения ведущего к излагаемому и проявлению ведомым внешней и внутренней активности.

Традиционный порядок рассказывания есть ситуация, при которой социальная организованность является продуцентом потенциальной сказки, рассказывающий сказку – одномоментно и продуцентом, и медиатором, и ведущим, а тот, кому рассказывают, – и реципиентом, и ведомым. Социальная организованность, культивирующая традиционализм, репрезентируется здесь на двух уровнях: социальной системы и социальной группы. При этом именно второй – субкультурный – уровень имеет особое значение в процессе оформления потенциальной сказки.

Общение между ведущим и ведомым во многом определяется, как правило, присутствующим внутрипоколенным взаимодействием и может быть описано с использованием коммуникативной модели «Я – Свой» (аналогично диалогу Я и Ты у М. Бубера [4]). Коммуникация характеризуется одновременным двунаправленным взаимодействием и наличием доверия участников друг другу, социальные позиции которых паритетны и потенциально симметричны. Между коммуникантами имеет место межличностная коммуникация, когда каждый репрезентирует себя как Я, рефлексивно осознавая свою самоотжественность и одновременно будучи взаимно нетрансцендентными друг другу.

Рассказывание становится возможным только, если ведущий умеет рассказывать и обладает интенциональностью иллокутивного речевого акта по отношению к слушающему (согласно теории речевого акта Дж. Остина [5, с. 99–100]): он нацелен на выражения себя и одновременно на усвоение и понимание (рациональное и эмоциональное) ведомым. Ведущий обладает интенцией локального наставничества: стремится повлиять на жизненный мир ведомого, описав посредством сказки модели выхода из конкретных жизненных коллизий. Он находится в особом состоянии поведывания, для которого определяющим является достижение единства всех участников.

Ведомый рассказывания находится в состоянии локальной недосформированности своей личности и имеет потребность в снятии этого состояния. Он испытывает ситуативное и бессознательное доверие к ведущему и его изложению. В отличие от ведомого сказывания ведомый рассказывания воспринимает смысл сказки апперцептивно, оценивая

излагаемое и апеллируя к собственному мироощущению. Следствием социального действия ведомого становится интериоризация им когнитивных и поведенческих образцов, в отличие от глубинной интериоризации смысла сказки ведомым предыдущего типа социального порядка. Ведомый «примеряет» на себя поступки персонажей и сознательно идентифицируется с ними, принимая на себя ответственность за последствия.

Если, и только если, имеют место такие характеристики социальных действий ведущего и ведомого и такой тип коммуникации между ними, становится возможным традиционный порядок рассказывания.

Порядок явления сказки с доминантой результата есть тип вне­традиционного социального порядка, дифференцирующим основанием для которого является смысловая устремленность продуцента на результат, получаемый им именно от продуцирования сказки. Продуцентом во всех типах вне­традиционного социального порядка является тот, кто непосредственно участвует в конституировании изложения сказки: автор, режиссер, исполнители и др. Результат, в данном случае, есть достижение прагмы: продуцент воспроизводит или создает такой социальный порядок, который при минимальных затратах принесет ему максимальную пользу (социальную, материальную и др.). Настоящий тип социального порядка определяется целерациональным социальным действием продуцента, рассматриваемым согласно типологии М. Вебера [1, с. 628–630].

Примером данного типа социального порядка может послужить целенаправленное использование сказки только для успокоения ребенка. Сосредоточение продуцента на этом результате препятствует его нахождению в эмиссионном состоянии. В этом случае реципиент возможно и заснет (например, в результате восприятия монотонного речения), но процесс формирования внутреннего мира ведомого посредством сказки, скорее всего, не произойдет.

Когда целью продуцента является социальное признание, организационная оптимальность или материальное обогащение, сказка становится средством, легко заменимым на любое другое. Происходит взаимное отчуждение сказки и продуцента, делающее возможным опредмечивание сказки последним без обеспечения путей её распредмечивания. Допуская почти любые манипуляции со сказкой, не реципиент, а продуцент выступает как доминирующий её потребитель. Продуцент использует сказку, абсолютизируя одну или несколько её функций и, тем самым, разрушая её гармоническую целостность. И даже в случаях, когда содержание прагмы носит экзистенциальный характер, абсолютизация цели перед средством приводит к результатам, противоположным задумываемым.

Отчужденность от сказки, от её продуцирования как процесса означает внутреннюю чуждость продуцента настоящему. Он не вкладывает себя в процесс производства сказки, но стремится путем минимизации затрат достичь внешнего социального эффекта (например, славы). Его социальное действие по непосредственному или опосредованному изложению сказки характеризуется не как субъективное – он не стремится внутренне отнестись к сказке и выразиться через неё, – но как результативно intersубъективное – за­крепиться любыми средствами в той части социальности, которая принесет максимальную пользу. Продуцент по своим действительным, а не декларируемым намерениям не стремится быть понятым реципиентом: ему достаточно ввести реципиента в соблазн, обеспе-

чив, тем самым, его рецепцию сказки. Поэтому излагаемая им сказка не может стать для реципиента образцом (образцовым действием), источником для идентификации.

Продюцент не несет ответственности перед реципиентом за то воздействие, которое окажет на него продуцируемая сказка. Находясь в непреодолимой экзистенциальной дистанцированности от реципиента, продюцент представляет свою коммуникативную позицию как ролевую: его сторона контакта не индивидуальна, как при коммуникации «Я – Свой», а функциональна, чужда реципиенту и внутренне отстранена от него. Такая коммуникативная позиция характеризуется моделью «Я – Другой» (отношением Я и Оно по М. Буберу [4]).

Таким образом, при данном типе социального порядка актуализации сказки присутствует только два действительных (действующих) участника: продюцент и та часть социальности, от которой он ждет выгоды. Сказка подменяется в процессе действия её функциональной частью, которая, не имея связи с какой-либо реальностью, становится симулякром (по Ж. Бодрийяру [6, с. 114–115]).

Порядок явления сказки с доминантой процесса есть тип вне­традиционного социального порядка, дифференцирующим основанием для которого является смысловая устремленность продюцента преимущественно на процедуру изложения сказки, единственно важный результат которой – достижение продюцентом определенного состояния (например, наслаждения). При этом наслаждение может быть как телесным (например, гедонистическая практика), так и духовным (например, эпикурейская практика). Из всех типов социального действия М. Вебера действие продюцента ближе всего к аффективному [1, с. 628]. Например, очарованный сказочностью фольклорных сказок писатель создает авторскую сказку, ориентируясь только на сохранение специфичной сказочной поэтики, или родитель, читающий сказку ребенку перед сном, настолько сам увлекается чтением, что не замечает, что ребенок уже давно уснул.

Продюцент с доминантой процесса частично погружен в настоящее и растворен в вон­бытии, которое сведено им к одностороннему контакту со сказкой. Сказка для него есть не объективная реальность, которую надо понять или интерпретировать, а то, с помощью чего он реализует свою субъектную одномерность, достигая наслаждения. Отношение «продюцент – сказка» субъект-субъектно, при этом одним субъектом является он сам, а вторым – абсолютизированная им часть сказки (например, поэтика). Продюцент сам уже соблазнен сказкой и хочет соблазнить реципиента. Так, продюцент уничтожает ту часть сказки, которая есть сущее-в-себе-и-для-себя и превращает её в источник удовольствий – только в сущее-для-другого (где другой – он сам).

Социальное будущее произведенной продюцентом сказки для него безразлично: он не стремится донести целое сказки до реципиента, не стремится повлиять на него посредством сказки. Он отчужден от социального мира: и от реципиента (мыслимого или реально­го), и от социума. На личностно-экзистенциальном уровне общение между продюцентом и реципиентом, между продюцентом и социальностью отсутствует. Такое действие продюцента не является коммуникативным (по Ю. Хабермасу) и может быть обозначено как «пустота – реципиент» и «пустота – социальность». На внешнем социальном уровне, где номинально присутствует адресант и адресат, а между ними имеет место информационная

связь, коммуникативная позиция продуцента по отношению к реципиенту характеризуется по модели «Я – Другой».

Настоящее взаимодействие, настоящее общение у продуцента происходит только с самим собой. Продуцент вступает в диалог с самим собой, осуществляя автокоммуникацию (по Ю. Лотману), коммуникацию по модели «Я – Я», где роль и адресанта, и адресата исполняет сам продуцент, а используемая часть сказки есть только средство общения. Автокоммуникация, безусловно, носит экзистенциальный характер: в ходе неё происходит и изменение смысла сказки и перестройка самого Я [7, с. 165], но только эти трансформации не касаются ни сказки в её целостности, ни реципиента. Быть продуцентом социального порядка с доминантой на процесс означает уметь мастерски её явить – участие в мире не обязательно. Подлинное бытие для продуцента субъективно, но не интересубъективно.

Таким образом, при данном типе социального порядка явления сказки присутствуют только два действительных участника: продуцент и та часть сказки, которая может быть использована для наслаждения. И реципиент, и социум являются участниками только номинально.

Соразмерный порядок явления сказки есть тип внетрадиционного социального порядка, дифференцирующим признаком которого является смысловая устремленность продуцента на процесс и результат соразмерно. Одинаково ценными и соизмеримыми по значимости для продуцента являются и процесс изложения сказки, и её социальное, психическое воздействие. Продуцент, соразмерно устремленный, отличается и от продуцента, устремленного результативно, – признанием важности самого процесса создания сказки, и от продуцента, устремленного процессуально, – признанием важности целенаправленного действия. Настоящий тип социального порядка определяется ценностно-рациональным социальным действием продуцента, рассматриваемым согласно типологии М. Вебера [1, с. 628–629]. Например, художник, иллюстрируя сказку, стремится не только к художественной выразительности и явлению прекрасного, но и способствует актуальности сказки в современной ему действительности путем осмеивания социальных пороков. Продуцент ориентируется и на настоящее, и на будущее. Он вступает во взаимодействие и со сказкой, и с обществом, и с реципиентом. Для него соизмеримы по значимости и духовность совершаемого деяния, и техническая составляющая процесса.

Для продуцента данного социального порядка, в отличие от двух предыдущих, ценностью является сама сказка в её целостности: он не ищет только наслаждения в сказке, и не стремится только к достижению прагмы. Он берет сказку как сущее-в-себе-и-для-себя и делает из нее сказку-для-своих. Он ощущает себя ответственным за любые свои действия с ней, в частности, поэтому, опредмечивая сказку, он не закрывает и путей её распредмечивания.

Изложение сказки и субъективно, и интересубъективно: выражая себя в сказке, продуцент стремится к взаимопониманию с реципиентом. Продуценту не безразлично возможное отношение реципиента к сказке: его действия определяет интенция старейшинства или интенция локального наставничества. Продуцент стремится воздействовать на реципиента, приоритезовав его и, тем самым, стать ведущим. Таким образом, задаваемый им социальной порядок явления сказки обеспечивает передачу норм как смысла сказки, который, в отличие от смысла, транслируемого с использованием традиционного порядка, носит либо индивидуальный, либо микросоциальный характер (принадлежит отдельной социальной группе). Проду-

цент стремится, чтобы реципиент занял социальную позицию ведомого и, тем самым, апперцептировал или акцептировал смысл сказки.

Общение продуцента и реципиента может быть категоризовано как коммуникативная позиция либо по модели «Я – Внешнее-я», либо по модели «Я – Свой» (см. ранее описанное).

Итак, при данном типе социального порядка явления сказки действуют все три непосредственных действительных участника – продуцент, реципиент и сказка и один опосредованный действительный участник – конкретная социальная группа, частью которой они являются. Актуализация сказки конституируется продуцентом как образцовое действие, которое претендует на интериоризацию норм реципиентом.

На основании изложенного сделаем некоторые выводы. Социальный порядок явления сказки есть органическая часть актуализируемой сказки. Идеальные типы социального порядка есть идеальные типы самой сказки. Типологизировать и социальные порядки, и саму сказку возможно только в момент её социальной жизни.

В социальной практике идеальные типы редко встречаются. Сконструированные и описанные в настоящей статье идеальные типы социального порядка могут стать ориентиром при категоризации социальной жизни сказки.

В социальной организованности, культивирующей традицию, доминируют традиционные сказки, а вне­традиционные – находятся на периферии социальной жизни. В европейской социальной практике XX – XXI вв. доминирующими стали вне­традиционные сказки, а традиционные сказки воспринимаются как чудачество, как «бабушкины сказки».

Список литературы

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
2. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Этнографическая библиотека, 1985.
3. Сопикова Т. А. К череде социальных коммуникативных моделей // Материалы конференций и круглых столов: «Философская антропология: традиции, проблемы, перспективы» 2001–2002; Студенческая конференция «Философия и жизнь» 2002 / Санкт-Петербургское философское общество. СПб., 2003.
4. Бубер М. Я и Ты. М.: Высш. шк. 1993.
5. Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов? // Остин Дж. Избр. произведения. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.
6. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
7. Лотман Ю. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2000.

T. A. Sopikova

SOCIAL ORDER OF TALE ACTUALIZATION (IDEAL TYPES ON THE MACROSOCIAL LEVEL)

The tale actualization is considered here as a social action. This approach supplements many investigations of the tale as verbal action. The subject of this work is social order of tale actualization. The methodological basis is method of ideal types by M. Veber. The result of present investigation is forming of five ideal types of social order, which described the tale existence on the macrosocial level. In the scientific literature there is no any analysis of a social order of tale actualization and so present investigation is pioneer work.

Tale, social action, social order, ideal type, communication, traditional nature

УДК 37.026.9

М. Е. Кудрявцева

«СИСТЕМНАЯ ТРИАДА» КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ СИНЕРГЕТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СФЕРЕ ТВОРЧЕСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА

Рассматривается возможность синергетического подхода ко всем подсистемам сферы творческих проявлений человека, таких как его интеллектуальная и душевная организация, созидательный творческий процесс, воплощённый в соответствующем материале результат его труда, процесс восприятия этих результатов и момент рефлексии. В качестве методологической опоры для изучения системы творческих проявлений человека используется «системная триада», предложенная Р. Г. Баранцевым. Теоретические положения статьи иллюстрируются на примере анализа отрывка из романа Б. Пастернака «Доктор Живаго».

Творчество, сфера творческих проявлений, синергетический подход, системная триада, вдохновение, анализ, инсайт, рефлексия, самоорганизация

В науке уже стало очевидным, что идеи синергетики, выработанные ею на материале естественных наук теоретические модели с успехом могут быть использованы и в науках гуманитарных. Идея того, что хаос содержит семена порядка, идея самоорганизации сложных систем, идея диссипативных систем, т. е. систем более высокого порядка, формирующихся на основе разрушающихся старых, – эти идеи вполне могут работать в области таких наук, как психология и педагогика, – в частности, могут быть экстраполированы на сферу творческих проявлений человека. Речь идёт именно о сфере творческих проявлений, а не только о творческом мышлении, потому что творчество и как созидательный процесс, и как процесс восприятия далеко не исчерпывается рациональным мыслительным актом. Понятие «сфера творческих проявлений», с точки зрения автора, охватывает и самого человека с его внутренней интеллектуальной и душевной организацией, ориентированной на определённую творческую деятельность, и его созидательный творческий процесс, и воплощённый в зримых и слышимых образах результат его труда, и процесс восприятия этих результатов, и момент рефлексии. Совокупность творческих проявлений представляет собой сложную многоуровневую систему, открытую, непредсказуемую, систему, к которой не всегда применимым оказывается принцип детерминизма и которая не может быть описана с абсолютной полнотой и точностью. Так, в книге «М. М. Бахтин как философ» звучит следующая мысль: «Самораскрывающееся бытие не может быть вынужденно связанным. Оно свободно и непредсказуемо и потому не представляет никаких гарантий исследователю. Идеалом научности здесь выступает не точность, а глубина проникновения в текст и его интерпретация в контексте большого времени» [1, с. 108]. Из этого следует, что открытая система требует открытых методов изу-

чения, материализм, детерминизм и рационализм в этом случае перестают быть единственными инструментами познания мира.

Что же может стать методологической опорой для изучения такой бесконечно сложной системы, как система творческих проявлений человека? Р. Г. Баранцев в статье «Открытым системам – открытые методы» для исследования подобных систем в противовес жёстким анти-тезам, долгое время царствовавшим в науке (необходимость – случайность; субъект – объект; материализм – идеализм и т. п.), предлагает использовать комплексы из трёх равноправных объектов – своеобразные системные триады. С их помощью, как пишет Р. Г. Баранцев, возможно, выйдя «из антитезы в боковое измерение», подняться по «диалектической спирали развития» [2, с. 33]. Системная триада Р. Г. Баранцева – это соединение аналитического, качественного и субстанциального компонентов в их нераздельности и неслиянности. И строится она на основе способности человека мыслить и понятиями, и образами, и символами. Если допустить равноправие этих составляющих, то, как пишет Р. Г. Баранцев, «системность мышления обеспечивается динамическим равновесием аналитического (рацио), качественного (эмоцио) и субстанциального (интуицио) аспектов» [2, с. 33].

Рассмотрим, как работает эта системная триада применительно к таким подсистемам творческих проявлений человека, как его внутренняя интеллектуальная и душевная организация, ориентированная на творческую деятельность, и сам процесс творческого созидания (отметим, что две эти подсистемы находятся в такой тесной связи и взаимодействии, что рассматривать их по отдельности не представляется целесообразным).

В современной науке творческий процесс рассматривается как единство рационального и интуитивного компонентов. В основе своей творчество представлено языком сверхсознания, т. е. чувствами, эмоциями (П. В. Симонов). Отметим, что это касается всех видов творчества, и научного в том числе, поскольку творчество, как создание нового, всегда связано с положительными эмоциями, находящимися в положительной обратной связи с самим творческим процессом, т. е. эмоции стимулируют творчество, причём настолько, что становятся способными стать языком его выражения, пусть даже и облечённым в форму строгих научных понятий.

Таким образом, в творческом процессе налицо все три компонента – аналитический, качественный и субстанциальный. Вопрос заключается в том, в каких системных отношениях находятся они между собой и как способна развиваться и работать эта система применительно к конкретному человеку и к осуществляемому им творческому процессу. Чтобы разобраться в этом вопросе, прежде всего, ещё раз уточним, какой вид будет иметь системная триада Р. Г. Баранцева по отношению к творчеству. Итак, аналитический компонент представлен в творческом процессе сознательной постановкой задачи, критическим отбором гипотез, проверкой, перепроверкой и формулированием конечного результата, он связан в большей степени с разложением объекта на элементы и рациональным его изучением. Субстанциальный компонент представлен моментом «инсайта», озарения, и связан, следуя логике, с синтезом, с целостным видением объекта. Качественный, или эмоциональный компонент, как представляется, в творческом процессе представлен состоянием вдохновения, т. е. особой эмоциональной настроенностью, дающей возможность, с одной стороны, активно генерировать самые разнообразные гипотезы, а с другой

стороны, не менее активно их анализировать, подвергать критической разборке. Таким образом, вдохновение осуществляет связующую функцию между рациональным и интуитивными компонентами творческого акта.

Все вышеуказанные компоненты – анализ, инсайт и вдохновение – представляют собой некое целое, т. е. находятся в состоянии нераздельности, неслиянности и единственности. Поэтому строго определить сферу действия каждого из них не представляется возможным и нужным. В силу этой же своей единичности природы эти компоненты творческого процесса, с точки зрения автора, способны обеспечить его саморазвитие следующим образом.

Само по себе стремление анализировать, подвергать что-либо критическому осмыслению ещё не может быть названо творчеством. Однако в соединении с внезапно появившейся догадкой, озарением (т. е. с внесением положительного момента) это стремление перерастает в качественно новое образование, которое на каком-то этапе неизбежно должно будет повлечь за собой состояние вдохновения. Само по себе генерирование гипотез, неожиданно возникнувшая догадка по поводу какого-либо объекта ещё не являются творчеством, но дополненные рациональным анализом и через это обретающие жизнеспособность, эти компоненты повлекут за собой состояние вдохновения. Также и высокий эмоциональный подъём в сочетании с инсайтом становится вдохновением и может и должен активизировать аналитический компонент. И, наконец, рациональная, критическая мысль, протекающая в состоянии эмоционального подъёма, напряжённая, «вдохновенная» аналитическая мысль неизбежно когда-либо приведёт к инсайту, как не раз было уже в истории научных открытий, достаточно вспомнить хотя бы периодическую систему Менделеева, увиденную им во сне после напряжённой мыслительной деятельности в этом направлении. Таким образом, двух компонентов системной триады оказывается достаточно для реализации творческих потенциалов человека и самоосуществления творческого процесса, независимо от последовательности активизации этих компонентов.

Однако всё вышеизложенное останется сухой теорией, не будучи приложенным к живому человеческому творчеству. Неоценимый материал для исследования в области методологии и психологии творчества дают зафиксированные наблюдения писателей, художников, музыкантов, изобретателей над процессом собственного творчества. Попробуем прокомментировать с точки зрения идеи самоорганизации системы творческих проявлений человека отрывок из романа Б. Пастернака «Доктор Живаго», посвящённый процессу поэтического творчества Юрия Андреевича Живаго, учитывая то, что духовным прообразом героя, по замечанию некоторых исследователей, в частности Д. С. Лихачёва, является сам Борис Пастернак, и, следовательно, творческий процесс Юрия Живаго сродни его собственному.

«После двух-трёх легко вылившихся строф и нескольких, его самого поразивших сравнений, работа завладела им, и он испытал приближение того, что называется вдохновением» [3, с. 155]. Эти «легко» вылившиеся строфы и сравнения есть не что иное как момент инсайта, неожиданного, случайного озарения, не поддающегося рациональному объяснению. И герой это чувствует сам: «В такие минуты Юрий Андреевич чувствовал, что главную работу совершает не он сам, но то, что выше его, что находится над ним и управляет им, а именно: состояние мировой мысли и поэзии, и то, что ей предназначено в бу-

душем, следующий по порядку шаг, который предстоит ей сделать в её историческом развитии. И он чувствовал себя только поводом и опорной точкой, чтобы она пришла в это движение» [3, с. 155]. Как видим, ощущения инсайта и своей высокой миссии влечёт за собой состояние вдохновения. Однако этот творческий акт был бы неполным без аналитического компонента. И он включается.

Разбирая написанное за ночь, герой испытывает разочарование: «...Мнимые удачи остановили и огорчили его резко выступающими натяжками» [3, с. 158]. Итак, работа продолжается критическим осмыслением результатов вчерашнего озарения. «Перемарывая написанное, ...он бросил напыщенный размер с цезурой, стеснив строчки до четырёх стоп, как борются в прозе с многословием. Писать стало труднее и заманчивее. Работа пошла живее, но всё же излишняя болтливость проникала в неё. Он заставил себя укоротить строчки ещё больше» [3, с. 158]. Деятельность героя продолжает быть рациональной, однако уже уходит из сферы чистой критики и снова обретает созидательное начало, хотя безупречный поэтический вкус продолжает контролировать процесс. Отметим слово «заманчивее» – оно свидетельствует о постепенном возникновении у Живаго высокого душевного состояния, увлечённости предметом – к аналитическому компоненту присоединяется вдохновение, так же, как раньше оно присоединялось к ощущению инсайта. Вдохновение набирает силу: «Словам стало тесно в трёхстопнике, последние следы сонливости слетели с пишущего, он пробудился, загорелся, узость строчных промежутков сама подсказывала, чем их наполнить. Предметы, едва названные на словах, стали не шутя вырисовываться в раме упоминания» [3, с. 158]. Обратим внимание, как опять постепенно включается в работу интуитивный компонент – творческий процесс вновь начинает идти вне зависимости от воли и желания пишущего. И наконец Юрий Андреевич поднимается на новую (более высокую, чем накануне) ступень творческого озарения: «Юрий Андреевич писал с лихорадочной торопливостью, едва успевая записывать слова и строчки, являвшиеся сплошь к месту и впопад» [3, с. 158]. Творчество Юрия Живаго, таким образом, оказывается непрерывным движением, переходом, взаимопроникновением рационального, эмоционального и интуитивного компонентов, причём движением не по кругу, а по спирали, движением по пути к качественно новым образованиям, которыми оказываются как созданные им стихи, так и обретение им внутреннего состояния, заставляющего его «кликать и плакать от чувства торжествующей чистоты существования» [3, с. 159].

Процесс самоорганизации происходит, как представляется, на уровне всех подсистем единой системы творческих проявлений человека. Теснейшим образом связанным с подсистемой собственно творческого процесса является воплощённый в зримых и слышимых образах результат творческого труда. Отметим, что он лишь до тех пор остаётся подсистемой творческих проявлений субъекта творчества, пока находится с ним в неразрывной связи, в процессе непрерывной перестройки и обновления, подпитывается от интеллектуальных и духовных потенциалов творческой личности. В момент окончательной фиксации и вынесения творческого результата в социум он начинает жить собственной жизнью и становится одной из подсистем творческих проявлений субъекта восприятия, обогащается уже его внутренними смыслами.

В подсистеме, представляющей собой зримый и слышимый результат творческого труда, как следует из вышеприведённой цитаты из романа «Доктор Живаго», происходит своя самоорганизация.

Результат творческого труда Юрия Живаго – поэтический текст, поэтому его самоорганизация находится в теснейшей связи с процессами самоорганизации языка. И это также доступно пониманию самого Живаго: «Язык, родина и вместилище красоты и смысла, сам начинает думать и говорить за человека... Речь сама, силой своих законов создаёт по пути, мимоходом, размер и рифму, и тысячи других форм и образований ещё более важных, но до сих пор неузнанных, неучтённых, неназванных» [3, с. 159]. Вспомним, как Юрию Живаго слова и строчки являются всё «к месту и впопад» – отбор языковых средств происходит как будто сам собой, в силу своих внутренних законов, приведённых в действие состоянием инсайта. В статье Е. Н. Князевой «Синергетический вызов культуре» читаем следующее: «Механизм самоорганизации в творческом мышлении может быть представлен как механизм восполнения недостающих звеньев, самовыстраивания, самосборки целостного образа. Происходит не просто «инсайтная перестройка», мгновенная организация целостной структуры, как это полагают гештальтпсихологи. Согласно синергетической модели, творческое мышление представляет собой самовырастание целого из частей в результате самоусложнения этих частей. Поток мыслей и образов в силу своих собственных потенциалов выстраивает себя» [4, с. 253]. Самовырастание, самодостраивание происходит вокруг какого-либо центрального образа «ключевого звена» по выражению Е. Н. Князевой. Обнаружение этого ключевого, системообразующего звена и происходит в момент инсайта.

Вопрос о его обнаружении, как представляется, связан с ещё одной важной идеей синергетики – идеей того, что хаос по определению содержит в себе элементы порядка, проблема заключается в том, чтобы ощутить – услышать, увидеть эти элементы, а затем использовать их в качестве системообразующих звеньев. И. Пригожин и И. Стенгерс в книге «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой» подчёркивают возможность спонтанного возникновения и организации из беспорядка и хаоса в результате процесса самоорганизации.

Обнаружение системообразующего звена, происходящее в момент инсайта, может стать следствием разрушения уже существующей системы. С точки зрения синергетики, такое разрушение происходит в точке бифуркации, т. е. в точке, где флуктуации системы (взаимообмен с окружающей средой) превышают критический уровень. При этом совершенно невозможно предсказать, в каком направлении будет происходить дальнейшее развитие, – разрушится ли система и обратится в хаос или на её обломках образуется система новая, более высокого уровня упорядоченности. В предисловии к книге И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой» читаем следующее: «Пригожин и Стенгерс считают, что в точке бифуркации принципиально невозможно предсказать, в какое состояние перейдёт система. Случайность подталкивает то, что остаётся от системы на новый путь развития. А после того, как путь (один из многих возможных) выбран, вновь вступает в силу детерминизм – и так до следующей точки бифуркации. Следовательно, в судьбе системы случайность и необходимость играют важные роли, взаимно дополняя одна другую» [5, с. 29]. Об этом же пишет и Ю. М. Лотман в своей работе «Структура художественного текста»: «Мы можем указать на ряд случаев, когда за-

ведомо единичное, случайное, вторгаясь в текст, хотя и частично, приводит к разрушению его семантики, само порождает ряд новых значений» [6, с. 85]. Иллюстрируя это, Ю. Лотман приводит пример из романа Л. Толстого «Анна Каренина», когда художник Михайлов смог найти необходимую позу для фигуры на рисунке с помощью случайно попавшего на картину стеаринового пятна. Таких примеров из различных областей науки, искусства и литературы, вероятно, можно было бы привести множество.

Вполне можно предположить, что применительно к подсистеме, обозначенной как воплощённый в зримых и слышимых образах результат творческого труда, также работает системная триада, предложенная Р. Г. Баранцевым. Рациональным компонентом в данном случае будут объективные законы того языка, с помощью которого объективируется творческий процесс. Субстанциальным компонентом, вероятно, можно считать то самое ключевое системообразующее звено, которое ложится в основу создаваемого текста. В качестве эмоционального, связующего компонента опять же может выступать состояние вдохновения у субъекта творчества, позволяющее легко выстраивать вокруг ключевого инсайтного звена необходимую, выбранную из множества вариантов, но единственно возможную в данном случае конструкцию, функционирующую по объективным законам опеределённого языка и потому обладающую коммуникативными свойствами, т. е. доступную субъекту восприятия.

Следующей подсистемой общей системы творческих проявлений человека является процесс восприятия результатов собственного творчества и рефлексия. С точки зрения И. С. Ладенко, И. Н. Семёнова и С. Ю. Степанова (ст. «Формирование творческого мышления и культивирование рефлексии»), рефлексия как «переосмысление человеком в проблемно-конфликтных ситуациях собственных отношений с предметно-социальным миром» [7, с. 26] в условиях решения творческой задачи имеет двоякое содержание. С одной стороны, содержанием рефлексии является личностное противоречие, то, что становится причиной «конфликтности» ситуации. Личностное противоречие проявляется в изменении отношения к себе у субъекта творчества. То, что обычно называют «муками творчества» в данном случае, в отношении к продукту собственного творчества оборачивается болезненной самокритикой, признанием своего творческого бессилия. С другой стороны, содержанием рефлексии является интеллектуальное противоречие, являющееся причиной проблемности ситуации. Переосмыслению подвергаются в этом случае сами результаты творческой деятельности субъекта. Муки творчества в таком случае заключаются в обнаружении и гиперболизации недостатков продуктов собственного творчества. Обращаясь к системной триаде Р. Г. Баранцева, отметим, что если проблемность ситуации творческой рефлексии может быть рассмотрена в качестве её рационального компонента, то конфликтность может быть рассмотрена в качестве её эмоционального компонента. Очевидно отсутствие третьего, субстанциального компонента триады, который, вероятно, смог бы стабилизировать всю подсистему творческой рефлексии.

При всём этом следует отметить, что у творческих людей, как правило, как личностное, так и интеллектуальное противоречия имеют тенденцию быть доведёнными до крайности. По замечанию композитора Микаэла Таривердиева, после завершения творческого процесса у него возникают три новые стадии творческих мук. Первая стадия – это стадия

восторга, когда всё созданное принимается безоговорочно и вызывает восхищение. Вторая стадия – это стадия крайнего отвращения к продукту своего творчества, сочетающаяся с желанием абсолютно всё переделать. Лишь на третьей, завершающей стадии наступает некоторое эмоциональное равновесие и своему произведению дается окончательная, более или менее объективная оценка. Принимая во внимание, что на второй стадии, как правило, возникает наибольшее число переработок и дополнений, способных вновь изменить самооценку на диаметрально противоположную, вероятно, можно говорить о своеобразном «маятниковом» чередовании первой и второй стадий, при котором крайние оценки постепенно становятся всё менее резкими и, наконец, маятник приходит в состояние равновесия. Если же это равновесие не наступает, вероятнее всего творческая личность начнёт двигаться в сторону саморазрушения.

Что же обеспечивает в конечном итоге это состояние равновесия, выражающееся в относительно объективной оценке результата своего труда? Обратимся опять к метафоре маятника. Амплитуда размаха маятника тем меньше, чем выше располагается отвес по отношению к неподвижной точке, точке крепления. Применительно к творческой рефлексии ситуация может выглядеть следующим образом: чем более отстранённым становится взгляд автора на результат своего труда, тем меньшей становится амплитуда его оценок и тем более объективным становится его взгляд на продукт своего труда. При этом, по мнению автора настоящей статьи, определение точки наибольшей объективности в каждом конкретном случае индивидуально и имеет, скорее всего, природу не рациональную, не эмоциональную, а интуитивную – вот он, тот самый недостающий субстанциальный компонент системной триады, обеспечивающей самоорганизацию и определённую стабильность подсистемы творческой рефлексии человека.

Таким образом, подводя итог всему вышеизложенному, можно утверждать, что системная триада Р. Г. Баранцева оказывается актуальной при исследовании всех подсистем сферы творческих проявлений человека, находящихся во власти синергетических процессов.

Список литературы

1. М. М. Бахтин как философ / Отв. ред. Л. А. Гоготишвили, П. С. Гуревич. М.: Наука, 1992.
2. Баранцев Р. Г. Открытым системам – открытые методы // Синергетика и методы науки. СПб.: Наука, 1998.
3. Пастернак Б. Доктор Живаго: Роман / Публ., подгот. текста Е. Б. Пастернака, В. М. Борисова. Вильнюс: Вага, 1988. Т. 2.
4. Князева Е. Н. Синергетический вызов культуре // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986.
6. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб: Искусство – СПб, 1998.
7. Ладенко И. С., Семёнов И. Н., Степанов С. Ю. Формирование творческого мышления и культивирование рефлексии / Ин-т истории филол. и филос. Новосибирск, 1990.

M. E. Kudryavtzeva

THE «SYSTEM TRIAD» AS A METHOD OF THE RESEARCH OF SYNERGETIC PROCESSES IN THE SPHERE OF PERSONAL CREATIVITY

The paper deals with the opportunity of synergetic approach to the personal creative systems such as intellectual and spiritual organization, creative processes, the result of his work, process of the perception and reflection. The methodological basis of the research consists in the "system triad" suggested by R. G. Barantzev

Creative activity, the sphere of personal creativity, synergetic approach, «system triad», inspiration, insight, reflection, selforganization

УДК С55

Р. Ю. Почкаев

ИСТОРИЯ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ

История Public Relations является неотъемлемой частью этой дисциплины. Несмотря на наличие некоторого числа трудов по данному направлению, их ценность не слишком высока – ни по широте охвата, ни по методологическим критериям. Между тем, изучение истории PR позволит теоретикам лучше понять закономерности развития этой дисциплины и особенности национальных подходов PR, а практикам – найти в опыте прошлого примеры, актуальные и в современных условиях. Изучение истории PR позволит студентам лучше усваивать материал (на широкоизвестных исторических примерах), а также понять необходимость получения знаний из областей наук гуманитарного комплекса – философии, социологии, психологии и пр. Таким образом, следует уделять больше внимания истории этой дисциплины в рамках ее теории на различных уровнях – исследовательском, практическом и образовательном.

Public Relations, история, исследования, преподавание, методология

Public Relations (PR) считается довольно молодой профессией и еще менее молодой наукой, – если только можно применить понятие «наука» к теоретической составляющей столь практической деятельности.

Тем не менее, периодически появляются труды, в которых рассматриваются вопросы истории PR, и даже отдельные исследования, посвященные именно этому предмету. Авторы их убеждают читателя, что PR являются, пожалуй, одной из «древнейших профессий» и возникли едва ли не на заре человечества. Что это – желание представить профессию древнее, чем она есть на самом деле (и тем поднять ее статус в ряду других специальностей и сфер общественной деятельности)? Или же просто попытка добиться дешевой популярности, привлечь внимание «сенсационными» выводами о том, что история человечества есть бесконечная череда PR-акций?

Полагаем, ни то, ни другое. На самом деле утверждение, что PR – «древнейшая профессия», является не пустыми словами и не желанием произвести какой-то резонанс в обществе. Действительно, зачатки той деятельности, которую сегодня называют «Public Relations» («Связи с общественностью») можно проследить с доисторических времен. В Древнем мире можно наблюдать работу по формированию положительного имиджа в глазах общественности уже по ряду направлений (включая политические, коммерческие и некоммерческие PR, – последние преимущественно в религиозной сфере). А в средние века появляются и теоретики этого вида деятельности, – хрестоматийным примером является Николо Макиавелли и ряд его трудов, в частности, «Государь».

Задачей данной статьи не является анализ эволюции PR с древнейших времен до наших дней. Поэтому просто отметим, что Public Relations, действительно, зародились в древности и имеют значительно более древнюю историю, чем официально оформившаяся профессиональная деятельность и, тем более, теоретическая дисциплина, под которой Public Relations принято понимать сегодня. И нет ничего странного в том, что история PR, подобно истории любой науки, стала объектом изучения со стороны специалистов.

Время от времени появляются исследования, посвященные истории PR, которые значительно отличаются друг от друга по географическому и хронологическому охвату. Как ни странно, но наибольший охват по временным и территориальным рамкам имеют работы, в которых история Public Relations является лишь одним из разделов: их авторы прослеживают развитие PR с глубокой древности (хотя и довольно кратко, поскольку исторический обзор не является главной задачей этих трудов) [4]; [10]; [12].

Более подробно историю PR освещают специализированные исследования, посвященные именно историческому аспекту данного вида деятельности. Правда, в большинстве своем авторы этих работ склонны следовать некоему формализованному подходу и ведут отсчет истории PR с того времени, когда эта деятельность получила более-менее формальное закрепление в виде самостоятельной. Поэтому, с точки зрения этой группы исследователей, история PR начинается в США и не ранее XVII–XVIII вв. [14]–[16]. Как видно, ими рассматривается довольно небольшой отрезок истории этой профессии и в хронологическом, и в географическом отношении, потому что американские PR практически до нашего времени продолжают оставаться центральным объектом исследования истории указанной специальности как у зарубежных, так и у российских авторов. Но надо отдать должное этой группе исследователей: они рассматривают историю PR довольно подробно, прослеживая их эволюцию, изменения в подходах, методах и пр.

Наконец, можно выделить еще одну довольно своеобразную группу работ по истории PR, которые освещают с «пиаровской» точки зрения отдельные исторические эпизоды, факты, события [1]; [3]; [5]; [6]; [8]; [11]. К сожалению, эти работы нельзя считать ценным вкладом в науку PR. Во-первых, их авторы в большинстве своем просто рассматривают отдельные события в их «пиаровском» разрезе, не используют результатов исследований других отраслей знания, не связывают рассматриваемые факты с экономическими, политическими, социальными условиями и не делают обобщающих выводов (да это и невозможно на основе анализа того или иного конкретного исторического факта!). Во-вторых, при анализе событий прошлого авторами применяются современные критерии, понятия, оценки, что является серьезной ошибкой для исследователя историка, в том числе и историка науки или какого-либо вида деятельности. Таким образом, подобные труды, в лучшем случае, служат цели популяризации PR, но никак не их исследованию и развитию, и поэтому вызывают вполне справедливую критику со стороны других специалистов [7].

Таким образом, можно констатировать, что более-менее систематизированный анализ развития Public Relations исследователи их истории ведут, начиная с XVIII–XIX вв., т. е. с того времени, когда формировались основы современной методологии общественных наук, современная система социального знания, частью которой можно считать и PR. При-

менительно к этому периоду использование современных методов исследования, критериев, оценок уже не будет являться методологической ошибкой, и потому исследования PR в указанный период являются наиболее емкими и наиболее систематизированными. В них уже присутствует попытка связать исследования в области PR с методами и результатами исследований смежных общественных наук, изучающих различные факторы развития общества – экономические, социальные, политические и пр. Да и данных для изучения у исследователей имеется больше...

Тем не менее, даже те работы, в которых даются элементы систематизации знаний по истории PR, делают какие-то выводы и обобщения, в большинстве своем носят характер сообщений о чем-то «экзотическом», любопытном, способном заинтересовать, но не более того. Иными словами – популяризаторский характер. Авторами не ставится задача практической применимости в современных условиях знаний о прошлом этой профессии и ее теоретической составляющей. А между тем, правильный подход к историческому прошлому PR позволил бы внести значительный вклад в ее современную теорию и существенно повысил бы степень усвоения материала обучающимися по этой специальности.

В качестве аналогии приведем пример с рекламой. Истории рекламы посвящен ряд серьезных, можно сказать, фундаментальных исследований [9]; [13]; [17]; [18]. Их авторы не только рассматривают отдельные примеры использования рекламных технологий в конкретных ситуациях или проведения единичных рекламных кампаний в рамках того или иного исторического события, но и рассматривают общекультурный контекст эпохи, делают общие выводы, выявляют причины эволюции рекламных технологий, методов воздействия на аудиторию и пр. А те конкретные примеры и методы, которые использовались в прошлом, подаются авторами таким образом, что могут быть приняты на вооружение и сегодня (хотя бы отчасти), давая большой простор для творчества современным креаторам через аналогии, заимствования, подражания и пр.

Представляется, что подобный подход может оказаться эффективным и в области Public Relations, которые традиционно тесно связаны с рекламной деятельностью. Рассмотрим, как он может проявиться в трех основных направлениях – теоретической и практической деятельности и в образовательном процессе.

Теоретические исследования. С точки зрения теории, безусловно, наибольшую ценность представляет анализ эволюции PR в течение нескольких тысячелетий человеческой истории. Это позволит выделить определенные закономерности развития практической деятельности и теории PR, понять причины изменений в подходах. Но при этом следует опасаться чрезмерной универсализации тенденций развития PR: необходимо учитывать различные варианты исторического развития разных стран и регионов, особенности национального менталитета и пр. И тогда утверждение, что основные тенденции развития PR носят универсальный характер, основанное на анализе преимущественно истории PR в США за последние 2–3 века [9, с. 189], скорее всего, подвергнется значительному пересмотру.

Важно также четко осознавать, насколько тесно история PR (равно как и ее современная теория) связана с другими областями гуманитарного знания – собственно историей, философией, социологией, политологией, антропологией, культурологией и др. Без использова-

ния их научного аппарата, методов и результатов исследования история и теория PR останутся всего лишь не имеющим никакого отношения к науке собранием любопытных примеров взаимодействия групп лиц в те или иные промежутки времени. Тогда как рациональное сочетание указанных элементов позволит превратить PR действительно в науку и даже в «искусство» (как высокопарно склонны определять их некоторые специалисты).

Практическая составляющая. В практической деятельности изучение истории PR также может иметь весьма положительное значение. Помимо расширения профессионального кругозора, повышения эрудиции в целом (что также немаловажно для «пиарщика»), специалисты PR получают в свое распоряжение богатый фактический материал для анализа и проведения аналогий. История, как известно, представляет собой циклический процесс: события, имевшие место в далеком прошлом, периодически повторяются, хотя и с некоторыми изменениями. Знание о том, как поступали наши предшественники («древние пиарщики») в аналогичной ситуации в прошлом, позволит и сегодняшним специалистам принять на вооружение их методы, естественно, с поправкой на современный уровень развития цивилизации, современные общечеловеческие и культурные ценности. Подобный подход может значительно раздвинуть границы творческих возможностей специалистов PR, у которых появится весьма обширная и авторитетная база – опыт их предков (предков – в профессиональном, а не генетическом отношении!).

Кроме того, изучение особенностей становления Public Relations в различных странах и регионах позволит сделать определенные выводы для практической работы в сфере межкультурной коммуникации, что весьма актуально сегодня.

Возможность использования опыта предшественников современных «пиарщиков», тем не менее, появляется уже после того, как проведены необходимые исследования в этой сфере, выведены соответствующие закономерности и основные принципы развития PR. Логическим следствием подобного исследовательского процесса должен стать процесс образовательный.

Образовательный процесс. Следует отметить, что кое-какие вопросы истории Public Relations в рамках учебных курсов по специальности и сейчас освещаются преподавателями, но далеко не в том объеме, в каком эти знания могли бы принести значительную пользу. Нет необходимости выделять историю PR в отдельную учебную дисциплину или даже в самостоятельный курс, но, по мнению автора настоящей статьи, следует уделять больше внимания и времени (иными словами – увеличить количество учебных часов) истории PR в рамках профилирующего предмета, например – «Теория и практика PR».

Преподавая историю Public Relations, следует уделить внимание нескольким аспектам.

Во-первых, показать студентам, насколько давно состоялось зарождение профессии PR (именно зарождения, поскольку хорошо изученный на сегодняшний день период истории PR в XVIII–XX вв. – это уже время ее становления и расцвета!), и осветить эволюцию ее методов и подходов, подчеркнув при этом особенности развития PR в разных странах.

Во-вторых, использование конкретных примеров PR-акций и PR-кампаний на основе хорошо известных исторических фактов повысит степень усвоения студентами учебного материала, позволит запомнить алгоритм действий в различных ситуациях.

Как показывает практика, студенты, обучающиеся по специальности PR (особенно на младших курсах), не всегда понимают обоснованность включения в учебную программу тех или иных предметов и дисциплин гуманитарного направления и не уделяют им достаточно внимания. Поэтому, в-третьих, необходимо применять комплексный подход в изложении истории PR, постепенно «нанизывая» отдельные исторические факты друг на друга и подводя учащихся к неизбежному выводу, что для анализа рассматриваемых процессов необходимо пользоваться аппаратом смежных областей знания – философии, психологии, социологии и прочих, уже перечислявшихся ранее.

Таким образом, история PR должна сыграть в образовательном процессе роль своеобразного путеводителя, с помощью которого студенты получают базовые знания в области самих Public Relations и поймут необходимость получения знаний и по другим дисциплинам, без которых овладение специальностью окажется попросту невозможным. Поэтому вполне логичным представляется начать знакомство студентов со специальностью в рамках основного курса именно с истории PR.

Как и в случае с применением исторического опыта Public Relations на практике, преподавание истории PR студентам требует вначале проведения фундаментальных исследований в этой области и овладения этим предметом самими преподавателями. В противном случае преподавательский процесс будет иметь те же недостатки, которые были указаны при анализе работ, посвященных отдельным эпизодам истории PR: до студентов будут доводиться всего лишь отдельные исторические факты, возможно интересные для общего развития, но не позволяющие сделать какие-либо полезные выводы и получить основы представления о выбранной профессии. Эффект от занятий такого типа будет, скорее, отрицательным, чем положительным.

Подведу итог вышеизложенному.

Во-первых, целенаправленное изучение истории PR позволит проследить эволюцию этой профессии и ее теоретической составляющей в более глубокой ретроспективе, чем это возможно на основании знаний о развитии Public Relations за последние 2–3 века. Представляется, что обобщающие выводы могут существенно отличаться от тех, что были сделаны исследователями истории PR только XVIII–XX вв. Особое внимание при этом следует уделять изменениям в области подходов, критериев, систем ценностей и не стараться оценить PR-деятельность наших далеких предшественников с точки зрения современного специалиста-практика.

Во-вторых, принимая во внимание «цикличность» исторического процесса и зная о том, как решались PR-задачи в тех или иных исторических условиях, современные специалисты могли бы использовать аналогии со сходными ситуациями прошлого (с поправкой на изменения в системе ценностей и конкретных подходах, разумеется).

В-третьих, в учебном курсе «Теория и практика PR» следует уделить больше внимания истории этой профессии и теоретической дисциплины, что позволит обогатить учебный процесс примерами на основании широкоизвестных исторических фактов, объяснить, почему в рамках учебного процесса уделяется вниманием тем или иным предметам и учебным дисциплинам, и повысить степень усвоения студентами материала.

Список литературы

1. Бочаров М. П. История публик рилейшнз: нравы, бизнес, наука. М.: Известия, 2000.
2. Векслер А. История Public Relations: Попытка хронологии // Советник. 1998. № 9–10; 1999. № 1–2.
3. Гуров С. PR-делки Екатерины Великой // Советник. 2002. № 7 (79). С. 34–35.
4. Катлип С. М., Сентер А. Х., Брум Г. М. Паблик рилейшенз. Теория и практика. М.–СПб.–Киев: Вильямс, 2003.
5. Почекаев Р. Имиджмейкер Чингисхана // PR-диалог. 2002. № 4 (21). С. 82–83.
6. Почекаев Р. PR против мафии (из американского опыта) // PR-диалог. 2003. № 1 (24). С. 79–80.
7. Третья древнейшая. Иисус Христос был первоклассным пиарщиком (Бочаров М. П. История публик рилейшнз: нравы, бизнес, наука. М.: Известия, 2000.) // Независимая газета. 28.06.2001.
8. Трухин М. Опыт 17-го года для современных предвыборных компаний // Советник. 2003. № 06 (90). С. 40–42.
9. Ученова В. В., Старых Н. В. История рекламы. СПб.: Питер, 2002.
10. Чумиков А., Бочаров М. Связи с общественностью (теория и практика). М.: Дело, 2003.
11. Шварцкопф К. Активное бездействие масс (коллективные мероприятия в третьем рейхе в 1933–1939 гг.) // Советник. 2003. № 06 (90). С. 42–44.
12. Шишкина М. А. Паблик рилейшнз в системе социального управления. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1999.
13. Buchli H. 6000 Jahre Werbung. B. 1–4. Berlin, 1962–1967.
14. Cutlip S. M. The Unseen Power: Public Relations: A History. Hillsdale (New Jersey), 1994.
15. Cutlip S. M. Public Relations History: From the 17th to the 20th Century. Hillsdale (New Jersey), 1995.
16. Faith W. R. The American Public Relations Experience: 400 years from Roanoke to Reagan. New York, 1994.
17. Presbey F. The History and Development of Advertising. New York., 1968.
18. Sampson H. A History of Advertising from the earliest Times. London, 1874.

R. Pochekaev

THE PUBLIC RELATIONS HISTORY: THE NEED OF STUDY AND TEACHING

The Public Relations history is an integral part of this discipline. Despite the presence of certain works in this area, they are not of high value because of fullness of their subject and methodology. Meantime the study of PR history allows the theoreticians to understand better the regularity of its development and national particularities in PR, as for practical PR-men, they could find in the past experience useful examples actual for today. Studying PR history the students could adopt better the PR theory (using known historical facts) and understand the need of knowledge in philosophy, psychology, sociology and other sciences of social complex. Thus, it's need to pay more attention to PR history within the theory of this discipline on different levels: research, practical and educational.

Public Relations (PR), history, research, teaching, methodology

УДК 801.3:802.0

А. В. Мирошевская

НЕОЛОГИЗМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Рассматриваются основные тенденции развития политики и идеологии США и их отражение в новой лексике. Выводы иллюстрированы примерами политических неологизмов, используемых в американской прессе.

Неологизм, политическая лексика, американская идеология

В настоящее время не только английский язык, выполняющий в современном мировом сообществе функцию международного языка общения, но и многие другие языки переживают «неологический бум». На современном этапе развития американский вариант английского языка становится «лидером» в области неологии, оказывая огромное влияние не только на национальные диалекты английского языка, но и на другие языки. Большинство лексикографов при анализе неологизмов рассматривают новые лексические единицы только за последние 25 лет [1]. Хотя этот период слишком мал, чтобы говорить о каких-либо структурных изменениях языковой системы, бурные темпы увеличения количества неологизмов делают такой промежуток времени достаточным для анализа.

Значительная часть изменений в картине мира англоязычного сообщества, и в особенности американского общества, связана с важными политическими событиями в жизни отдельных стран и значительными изменениями в сфере международных отношений за последние десятилетия. В настоящее время растущая политизация американского общества широко проявляется в повседневной жизни. По данным лексикографов, большая часть заимствований в британский вариант английского языка из американского варианта относится именно к политической лексике [1], [2].

Анализ политических статей в газете «New York Times» за октябрь–ноябрь 2003 г. позволяет сделать вывод об изменениях, происходящих в американской идеологии. В настоящее время в этой области наблюдается смещение акцентов в сторону внешнеполитических приоритетов, что, в свою очередь, отражается в политической лексике. Для подробного анализа происходящих изменений целесообразно рассматривать по отдельности сферы внешней и внутренней политики.

Для политической лексики американского варианта английского языка характерно резкое снижение количества заимствований в сфере международных отношений. Впервые, терминология международной дипломатии (с большим количеством заимствований из французского языка) к середине 1970-х гг. (началу рассматриваемого периода) уже была сформирована, из французского языка в нее вошло незначительное число понятий,

например, «*regime de sabre*» (букв. «правительство меча»), которое используется в отношении экстремистских государств [3].

Во-вторых, основной объем безэквивалентной лексики и экзотизмов (например, понятия, связанные с политическим строем азиатских стран) появился в американском варианте английского языка в середине XX века [3]. Заимствования, вошедшие в язык за последние 25 лет, относятся к важным событиям мировой истории, среди которых распад СССР, поток информации о советском режиме («*glasnost*», «*perestroika*», новые значения «*Gulag*» (перен.) – любое учреждение со строгим режимом, «*apparatchiki*» – правительственные войска, члены лидирующей партии) [2], а также политические конфликты на Ближнем Востоке, во время которых были заимствованы названия военных организаций и событий, а также связанные с ними понятия (*intifada* – восстания палестинцев против израильтян; *Yordim* – эмигранты из Израиля; *Khad* – секретная служба Афганистана) [3].

В новой лексике, относящейся к странам Юго-Восточной Азии, помимо заимствований, зафиксированы также единицы со стереотипным культурным компонентом (*dragon, tiger* – «драконами» или «тиграми» называют малые государства с развитой экономикой – Южную Корею, Сингапур, Тайвань, Таиланд, Филиппины и др.) [3].

Ключевым моментом американской идеологии является политическое доминирование США на международной арене. Среди основных направлений внешней политики США выделяются борьба за ядерное разоружение, борьба с международным терроризмом и давление в азиатских странах (Ирак, Иран, Корея и др.). Эти основные сферы внешней политики определили широкое использование военной терминологии (например, *WMD* – оружие массового поражения; *ABC warfare* – война с применением оружия массового поражения) [4].

Наибольший процент неологизмов относится к политике в сфере ядерного разоружения. О важности политики разоружения как фрагмента американской идеологии свидетельствует появление значительного количества новых лексических единиц для обозначения политических позиций личности: *freeznik* – человек, поддерживающий мораторий производства и использования ядерного оружия; *antinuke* – противник производства и распространения ядерного оружия и атомной энергии и т. д. К настоящему времени в американском варианте английского языка появился еще один вариант названия атомной бомбы (*nuke*) и распространилась экспрессивная лексика (например, *Armageddon* – последнее сражение третьей мировой войны с использованием ядерного оружия; *N-age* – «ядерный век», etc.). Большая часть неологизмов связана с международными договорами о нераспространении ядерного оружия (*SALT, START, SART*), которые принесли в язык такие лексические единицы, как, например, *non-first-use* – неприменение ядерного оружия первыми; *gray-area* – «серая зона», зона дислокации ядерного оружия средней и промежуточной дальности в Европе, и т. д. [5].

В материалах антитеррористических организаций (Inter-American Committee Against Terrorism, Counterterrorism Office, etc.) используется мало неологизмов. Несмотря на то, что базовые понятия *counterterrorism* («антитерроризм») и *terrorist warfare* (террористическая война при поддержке суверенных государств, преследующих свои политические це-

ли) появились совсем недавно, в основном используется терминология военного дела и общеполитическая лексика.

В целом, на основе анализа политических неологизмов как фрагмента языковой картины мира можно сделать вывод об агрессивности и военизации внешней политики США: в новой лексике четко прослеживаются основные тенденции развития американской идеологии (выделены сферы доминирования, идет популяризация военного компонента, проводится политика стереотипизации процессов и событий внешней политики). В результате, язык внешнеполитической сферы стал более официальным и стереотипным. Сложившуюся ограниченность международной лексики для соответствия ожиданиям и потребностям общественности необходимо компенсировать свободой мнения в другой области, что и происходит в сфере национальной политики.

На внутривнутриполитической арене продолжается демократизация политической жизни страны, что проявляется в «уменьшении дистанции» между обществом и политическими лидерами и в усилении «народного контроля» как над деятельностью правительства, так и над действиями отдельных политиков, причем акцент делается на вопросы морали и этики (например, импичмент, объявленный Биллу Клинтону, или резкое усиление критики в адрес Джорджа Буша в свете предстоящих президентских выборов). Примерами могут служить такие неологизмы, как *name and shame* – публичное обвинение известных людей в противоречащих нормам морали действиях и в дальнейшем популярное в 1990-е гг. в США общественное движение; *zero tolerance* – резкое неприятие любых незаконных или аморальных действий, направление общественной мысли в США и в Англии в 1980–1990-е гг. и др. [2].

Благодаря широкой политизации общества политические термины получают широкое распространение: например, слова *governance* – «управление» и *proactive* – «сторонник активных действий», ранее являвшиеся политическими терминами, сейчас используются повсеместно.

Указанные изменения приводят к широкому распространению пейорации в образовании новых лексических единиц и лексико-семантических вариантов, из-за чего наблюдается увеличение количества лексики с пренебрежительным оттенком [1] (*boss* – лидер партии, политический заправила; *ins-and-outs* – поочередная смена (у власти) партий (демократической и республиканской); *politician* – в последнее время используется в значении «политикан», а не «политик»; *politics* – «политика» – все чаще означает «политиканство, политические махинации») [5], [6].

В языке постоянно образуются новые лексические единицы, относящиеся к предвыборным акциям и программам, а также политическим махинациям (например, *can't-win-technique* – «этот кандидат безнадежен» – махинация в предвыборной кампании, когда нежелательному кандидату на пост президента создается репутация человека, не способного получить нужное количество голосов на выборах; *hit-job* – сбор компромата на конкурентов), но лишь немногие из них сохраняют нейтральное значение (*president-elect* – избранный, но еще не вступивший в должность президент). Некоторые понятия, относящиеся к этой тематической группе, заимствованы из сленга (*911 candidate* – кандидат, заявленный на выборах в последний момент, когда остальные кандидаты от той же партии терпят поражение) [6].

Неологизмы, связанные с действиями и программами политических деятелей, а также отдельными событиями внутренней политики, наиболее подвижны и чаще всего становятся эфемеризмами. Большая часть таких лексических единиц связана с бывшим президентом США Биллом Клинтонем: *Clintonomics*, *Clintonism* – используются для противопоставления его программы экономической политике Рейгана, *FOB – Friend of Bill* – (появилось во время импичмента) сторонник Клинтона [2]. Взрыв Всемирного торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. породил несколько лексических единиц: *Ground Zero* – «полное разрушение», *the WTC (World Trade Center) collapse* – крушение Всемирного торгового центра, а также выражения *smouldering WTC debris* – тлеющие развалины Всемирного торгового центра и *intense clean up at the WTC site* – интенсивные работы по расчистке развалин Всемирного торгового центра [5].

Для такого многонационального государства, как США, ориентированного на доминирование на международной арене, характерно стремление к политической корректности (сами понятия *political correctness* – «политическая корректность» и *minorities* – «меньшинства» появились в 1970-х гг. [2]). Цели эвфемизмов помимо политической корректности – регулятивное воздействие на общественность и достижение положительного пропагандистского эффекта, а также отвлечение внимания общественности от негативных явлений действительности [1]. За рассматриваемый период появились такие эвфемизмы, как *pro-choice* – эвфемизм для «pro-abortion» («за разрешение абортов») – «за предоставление выбора» женщине, делать или не делать аборт; *device* – «устройство» – атомная бомба (вошло в употребление во время войны во Вьетнаме); *Fourth World* – «страны четвертого мира» – наиболее неразвитые страны Южной Америки, Азии, Африки [2]. Основным источником образования эвфемизмов являются этнические группы: *Afros* – американские негры; *niggaz* – вместо негативно окрашенного «*niggers*») [2], [4], [6].

Выход эвфемизма за пределы социолекта меняет его прагматику, при этом происходит частичная потеря эвфемистического эффекта [1]. Например, слово *challenged* – «испытывающий затруднения» – появилось в 1980-х гг. как политически корректный эвфемизм для обозначения физических недостатков, но очень скоро стало источником таких ироничных выражений, как «*vertically/horizontally challenged*» – «испытывающий затруднения в вертикальном/горизонтальном положении», т. е. маленького роста или толстый.

Из-за активной пропаганды новая лексика в области политической корректности имеет тенденцию образовывать разговорные и сленговые лексические единицы с пренебрежительным оттенком значения (*PC* – политически корректный, *feminazi* – убежденная феминистка) [4].

В целом, проведенный анализ политических неологизмов еще раз свидетельствует о том, что в новой лексике политической сферы отражаются все тенденции развития языковой картины мира в целом и политической сферы в частности. В качестве характерных черт американской политической лексики следует выделить синкретизм разных сторон концептуальной картины мира, изменения в американской идеологии и общественный резонанс тенденций и отдельных событий политической жизни государства. Политические неологизмы иллюстрируют также основные тенденции развития языка на современном этапе его развития (сближение письменного и разговорного вариантов языка, влияние СМИ, некоторое смешение стилей

и т. д.). Все это актуализирует исследования новой лексики, что позволяет представить характерные особенности формирования и использования неологизмов.

Список литературы

1. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высш. шк., 1989.
2. Ayto, John. Twentieth Century Words. Oxford: Oxford University Press, 1999.
3. Korbani A. The political dictionary of modern Middle East. Lanham: University press of America, 1995.
4. Mattia. F. Benedetto Elsevier's dictionary of acronyms, initialisms, abbreviations and symbols. Amsterdam: Elsevier, 1997.
5. Ростова Г. М. Политика. Дипломатия. СМИ. Англо-русский словарь активной лексики. М.: РУССО, 2002.
6. Webster's New Century Dictionary. New York: Gramercy books, 2001.

A. V. Miroshevskaya

NEW WORDS IN POLITICAL LEXIS OF AMERICAN ENGLISH

This article deals with the main tendencies in the US political sphere, presented by new words used in media. The author shows the reflection of some trends in international and home politics in new lexis and presents examples illustrating the statements.

Neologism, political lexis, American ideology

ИСТОРИЯ.....	3
Пученков А. С.....	3
Создатели Добровольческой армии генералы М. В. Алексеев и Л. Г. Корнилов и Февральская революция 1917 года.	3
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ.....	11
Александров А. Т.	11
Учение люсьена леви-брюля о коллективных представлениях в контексте современности.....	11
Бабаева А. В.....	15
Взгляд на культуру сквозь призму поведения.....	15
Данилов А. В.	19
Ритуальная культура в начале ххi века	19
Иванов А. Ф.	27
Проблема единства исторического и логического в современных космогонических моделях	27
Ильин А. В.	35
Телеработа как новая форма деятельности в информационном обществе	35
Калинина В. В.....	42
Социальная детерминация философии науки	42
Колганова Л. В.	49
Информационные коммуникации в современной науке.....	49
Мамина Р. И.....	53
К вопросу об этнической составляющей в деловом этикете	53
Ронзина М. Д.	61
Корпоративная культура в науке.....	61
Склярова А. М.	65
Нравственные принципы в деятельности ученого	65
Сопикова Т. А.	71
Социальный порядок явления сказки.....	71
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ	79
Кудрявцева М. Е.....	79
«Системная триада» как метод изучения синергетических процессов в сфере творческих проявлений человека.....	79
Почекаев Р. Ю.	86
История связей с общественностью: необходимость изучения и преподавания	86
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	92
Мирошевская А. В.....	92
Неологизмы в политической лексике американского варианта английского языка	92